

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1890.

№ 5.

МАРТЪ.—КНИЖКА ПЕРВАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ ЦЕРКОВНЫЙ:	Стр.
Вторая книга Моисея «Исходъ» въ переводѣ и съ объясненіями (продолженіе) Профессора Московской Духовной Академіи <i>П. Горснаго-Платонова</i>	253—273
Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова) (продолженіе). <i>И. Корсунскаго</i>	274—298
Очерки изъ исторіи христіанскаго искусства до Константина Великаго <i>А. Дервицкаго</i>	299—314
II. ОТДѢЛЪ ФИЛОСОФСКІЙ:	
Новый русскій философъ Н. М. Минскій. <i>Т. Б—ча</i>	192—235
О благотѣніяхъ («De Beneficiis»). Л. Аннея Сенени нъ Збуцію Либералію (продолженіе). **	236—248
III. ЛИСТОКЪ для ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:	
Содержаніе: Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго общества.— Епархіальныя извѣщенія. — Извѣстія и замѣтки. — Объявленія.	

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Петровскій пер., д. № 16.

1890.

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ТРЕХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1. Отдѣлъ церковный, въ который входитъ все, относящееся до богословія въ обширномъ смыслѣ: изложеніе догматовъ вѣры, правилъ христіанской нравственности, изъясненіе церковныхъ каноновъ и богослуженія, исторія Церкви, обзорѣніе замѣчательныхъ современныхъ явленій въ религіозной и общественной жизни,—однимъ словомъ все, составляющее обычную программу собственно духовныхъ журналовъ.

2. Отдѣлъ философскій. Въ него входятъ изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики, исторіи философіи, также біографическія свѣдѣнія о замѣчательныхъ мыслителяхъ древняго и новаго времени, отдѣльные случаи изъ ихъ жизни, болѣе или менѣе пространные переводы и извлеченія изъ ихъ сочиненій съ объяснительными примѣчаніями, гдѣ окажется нужнымъ, особенно свѣтлыя мысли языческихъ философовъ, могущія свидѣтельствовать, что христіанское ученіе близко къ природѣ челоуѣка и во время язычества составляло предметъ желаній и исканій лучшихъ людей древняго міра.

3. Такъ какъ журналъ «Вѣра и Разумъ», издаваемый въ Харьковской епархіи, между прочимъ, имѣетъ цѣлю замѣнить для Харьковскаго духовенства «Епархіальныя Вѣдомости», то въ немъ, въ видѣ особаго приложенія, съ особою нумераціею страницъ, помѣщается отдѣлъ подъ названіемъ «Листокъ для Харьковской епархіи», въ которомъ печатаются постановленія и распоряженія правительственной власти церковной и гражданской, центральной и мѣстной, относящіяся до Харьковской епархіи, свѣдѣнія о внутренней жизни епархіи, перечень текущихъ событій церковной, государственной и общественной жизни и другія извѣстія, полезныя для духовенства и его прихожанъ въ сельскомъ быту.

Журналъ выходитъ ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе листовъ въ каждомъ №
Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 руб., а за границу 12 руб. съ пересылкою.

РАЗСРОЧКА ВЪ УПЛАТУ ДЕНЕГЪ НЕ ДОПУСКАЕТСЯ.

Подписка принимается: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской Духовной Семинаріи, въ свѣчной лавкѣ при Покровскомъ монастырѣ, и въ книжныхъ магазинахъ В. и А. Брюковыхъ и Д. Н. Полуехтова на Московской ул.; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія линіи, контора В. Гиляровскаго, Столѣшниковъ пер. д. Корзинкина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова. Садовая ул., Гостинный дворъ, № 45.

Въ редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884, 1885, 1886, 1887, 1888 и 1889 годы, по уменьшенной цѣнѣ, т. е. по 7 рублей за каждый годъ, и «Харьк. Епарх. Вѣдомости» за 1883 годъ, по 5 (вмѣсто 7) рублей за экземпляръ съ пересылкой.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI. 3

Дозволено цензурою. Харьковъ, Марта 15 дня 1890 года.

Цензоръ, Протоіерей *Т. Павловъ.*

ВТОРАЯ КНИГА МОИСЕЯ

«ИСХОДЪ»

ВЪ ПЕРЕВОДЪ И СЪ ОБЪЯСНЕНИЯМИ.

(Продолженіе *).

Призваніе Моисея (3, 1—4, 17).

1. А Моисей пасъ стадо Гоѳори, тестя своего, священника Мадіамскаго, и повелъ стадо за пустыню, и пришелъ къ горь Божіей, къ Хориву. 2. И явился ему Ангелъ Геговы въ пламени огня изъ среды куста: смотритъ онъ, и вотъ кустъ огнемъ горитъ, но не истребляется кустъ. 3. И сказалъ Моисей: зайду же и посмотрю это великое явленіе: отъ чего кустъ не сгораетъ? 4. И видитъ Гегова, что онъ зашелъ посмотреть, и воззвавъ къ нему Богъ изъ среды куста и сказалъ: Моисей! Моисей! а онъ сказалъ: вотъ я! 5. И сказалъ Онъ: не приближайся сюда; сними обувь твою съ ногъ твоихъ; ибо мѣсто, на которомъ ты стоиши—это земля святая. 6. И сказалъ: Я Богъ отца твоего, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова. И скрылъ Моисей лице свое, ибо боялся воззрѣть на Бога. 7. И сказалъ Гегова: увидѣлъ Я бѣдствіе народа Моего, который въ Египтѣ, и слышалъ вопль его отъ утѣшителей его; да, знаю страданія его. 8. И сошелъ Я избавить его отъ руки Египтянъ и возвести его изъ земли сей въ землю добрую и пространную, въ землю, текущую молокомъ и медомъ, въ мѣсто Хананеевъ и Хеттеевъ, Амореевъ и Ферезеевъ, Евеевъ и Гевусеевъ. 9. И вотъ теперь вопль сыновъ Израиля дошелъ до Меня, и уже увидѣлъ Я

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 3.

уметеніе, какимъ Египтяне чѣтутъ ихъ. 10. Теперь иди: Я посылаю тебя къ Фараону, и выведи народъ мой, сыновъ Израиля, изъ Египта. 11. И сказалъ Моисей Богу: кто я, что пойду къ Фараону и что выведу сыновъ Израиля изъ Египта? 12. И сказалъ Онъ: Я буду съ тобою; и вотъ тебѣ указаніе, что Я послалъ тебя; когда выведешь народъ изъ Египта, будете служить Богу на этой горѣ. 13. И сказалъ Моисей Богу; вотъ прихожу я къ сынамъ Израиля и говорю имъ: Богъ отцевъ вашихъ послалъ меня къ вамъ, — и скажутъ мнѣ: какъ имя Его? что скажу имъ? 14. И сказалъ Богъ Моисею: «Есмь, который Есмь»; и сказалъ: такъ скажешь сынамъ Израиля: «Есмь», послалъ меня къ вамъ. 15. И еще сказалъ Богъ Моисею: такъ скажешь сынамъ Израиля: Ягова, Богъ отцевъ вашихъ, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова послалъ меня къ вамъ. Это имя Мое — на вѣкъ, и это наименованіе Мое изъ рода въ родъ! 16. Поди и соберешь старѣйшинъ Израиля и скажешь имъ: Ягова, Богъ отцевъ вашихъ, явился мнѣ, Богъ Авраама, Исаака и Иакова, говоря: переглядѣлъ Я васъ и сдѣланное вамъ въ Египтѣ. 17. И сказалъ Я: выведу васъ изъ уметенія Египетскаго въ землю Хананеевъ, Хеттеевъ, Аморреевъ, Ферезеевъ, Евеевъ, Левусеевъ, въ землю, текущую молокомъ и медомъ. 18. И послушаютъ голоса твоего, и выйдешь ты и старѣйшины Израиля къ царю Египетскому и скажете вы ему: Ягова, Богъ евреевъ, явился намъ; теперь хотимъ мы сходить на три дня пути въ пустыню и принести жертву Яговѣ, Богу нашему. 19. И знаю Я, что не дастъ вамъ царь египетскій пойти, а у него рука сильная. 20. Подниму и Я руку Мою и поражу Египетъ всѣми чудесами Моими, которыя сдѣлаю среди его; и послѣ того онъ отпуститъ васъ. 21. И дамъ народу сему милость въ глазахъ Египтянъ: когда пойдете, не съ пустыми руками пойдете. 22. Но выпроситъ женщина у сосѣдки своей и у жилицы въ своемъ домѣ вещи серебряныя и вещи золотыя и одежды; и возложите на сыновей вашихъ и на дочерей вашихъ; и возьмете добычу съ Египтянъ. 4, 1. И отъчалъ Моисей и сказалъ: а вотъ не поспрятъ мнѣ и не послушаютъ голоса моего, ибо скажутъ: не явился тебѣ Ягова!.. 2. И сказалъ ему Ягова: что это въ руку твоей? И сказалъ онъ: жезлъ. 3. И сказалъ Онъ: брось его

на землю! и бросилъ его на землю, и сдѣлался онъ змѣемъ, и Моисей побѣждалъ отъ него. 4. И сказалъ Богъ Моисею: протяни руку твою и возьми его за хвостъ. И протянулъ онъ свою руку и взялъ его и сталъ онъ жезломъ въ его рукѣ. 5. Пусть вѣрятъ, что явился тебѣ Иегова, Богъ отцовъ ихъ, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова. 6. И еще сказалъ ему Иегова: ну, вложи руку твою въ пазуху твою; и вложилъ онъ руку свою въ пазуху свою, и вынулъ ее, и вотъ рука его покрыта проказою, какъ снѣгомъ. 7. И сказалъ онъ: верни руку твою въ пазуху твою; и вложилъ онъ руку свою въ пазуху свою. И вынулъ ее изъ пазухи своей, и вотъ она опять стала, какъ тѣло его. 8. А если они не повѣрятъ тебѣ и непослушаютъ голоса перваго знаменія: повѣрятъ голосу знаменія другаго. 9. А если не повѣрятъ и двумъ знаменіямъ симъ и непослушаютъ голоса твоего: возьми воды изъ рѣки и выльешь на сушу; и вода, которую возьми изъ рѣки, станетъ кровью на сушѣ. 10. И сказалъ Моисей Иеговѣ: молю, Владыка, я не человекъ рѣчей, ни вчера, ни третьяго дня, ни даже съ тѣхъ поръ, какъ Ты заговорилъ съ рабомъ Твоимъ; ибо я тяжелъ на уста, тяжелъ на языкъ. 11. И сказалъ ему Иегова: кто далъ уста человеку? или кто дѣлаетъ нѣмымъ, или глухимъ, или зрячимъ, или слѣпымъ? Не Я ли Иегова? 12. Теперь поди; и Я буду съ устами твоими, и научу тебя, что сказать тебѣ. 13. И сказалъ онъ: молю, Владыка, пошли же, кого нужно послать. 14. И загорѣлся гнѣвъ Иеговы противъ Моисея и сказалъ Онъ: не братъ ли тебѣ Ааронъ Левитъ? Знаю, что онъ говоритъ хорошо; и вотъ даже онъ выходитъ на встрѣчу тебѣ, и увидитъ тебя, и возрадуется сердцемъ своимъ. 15. И будешь говорить ему и вложить слова въ уста его; а Я буду при устахъ твоихъ и при устахъ его, и буду учить васъ, что вамъ дѣлать. 16. И онъ будетъ говорить за тебя къ народу; и будетъ онъ для тебя устами, а ты будешь для него Богомъ. 17. И жезлъ этотъ возьми въ руку твою; имъ будешь творить знаменія.

Стенанію народа еврейскаго отъ тяжести работы египетской (2, 23—25) наступалъ конецъ. По значенію, какое имѣло въ исторіи народа освобожденіе его изъ Египта, призваніе Моисея на это дѣло описывается съ особою подробностію.

Ст. 1. *Пасъ стадо*, или точнѣе: *былъ пасущимъ стадо*. Это выраженіе показываетъ, что пасеніе стада было обычнымъ занятіемъ Моисея, а не временнымъ дѣломъ. *Стадо*, по силѣ еврейскаго слова, означаетъ стадо мелкаго скота. Для крупнаго скота на Синайскомъ полуостровѣ мало удобныхъ пастбищъ, потому и теперь тамъ крупнаго скота водятъ мало.

Моисей провелъ стадо *за пустыню*, т. е. перегналъ его черезъ пустыню, отдѣлявшую мѣстопробываніе Іоѳора отъ горы Хорива. Пастбища при Хоривѣ и въ древнее (Jos. clat. 2, 12. 1) и въ новое время (Bouckhardt Syrien, стр. 857; Rosenm. Altherthumskunde, 3, 104) изобиловали и кормомъ и водою. Сюда и теперь собираются стада при наступленіи лѣтнихъ жаровъ, когда въ другихъ мѣстахъ не чѣмъ кормиться скоту.

Хоривъ вѣроятно находился отъ Іосорова жилища на сѣверозападѣ по дорогѣ къ Египту; предположить это можно во первыхъ—потому, что Моисей, возвращаясь изъ Мадіамской земли въ Египетъ, снова появился у Хорива и здѣсь же встрѣчаетъ брата Аарона, шедшаго къ нему изъ Египта; во вторыхъ потому, что въ извѣстіяхъ о путешествіи Евреевъ къ Синайской горѣ нѣтъ упоминанія о встрѣчѣ ихъ съ Мадіанитянами.

Хоривомъ называется не отдѣльная гора, а цѣлый кряжъ горъ; потому при ближайшемъ опредѣленіи мѣстности на которой послѣдовало призваніе Моисея, можно указать только на преданіе, что на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ росъ горѣвшій кустъ, стоитъ теперь Синайскій монастырь.

Горою *Божіею* Хоривъ названъ не потому, что еще до Моисеевскихъ временъ эта гора имѣла особое священное значеніе въ глазахъ арабскихъ ли племенъ, или египтянъ; Моисею, конечно, не было надобности руководствоваться въ этомъ случаѣ воззрѣніями другихъ народовъ. Событій, случившихся при Хоривѣ во времена Моисея, было совершенно достаточно для того, чтобы каждый еврей могъ приложить къ Хориву названіе *горы Божіей*. Написана же была книга Исхода послѣ этихъ достопамятныхъ событій.

Ст. 2. *Явился Ангелъ*. Изъ дальнѣйшей рѣчи очевидно, что подъ Ангеломъ нужно разумѣть самого Бога (ср. ст. 6. 7 и д.).

Такъ толкуютъ и Ефремъ Сиринъ и Теодоритъ (см. толкованія ихъ на это мѣсто) и другіе отцы и учителя церкви (напримѣръ Кириллъ Александрійскій; см. *Glyph. lib. 1. p. 414*). Названіе Ангела усвоено въ настоящемъ случаѣ самому Богу потому, что Богъ явилъ себя во внѣшнемъ, ограниченномъ, творномъ образѣ (ср. Быт. 22 гл.).

Въ пламени огня изъ среды куста. Въ объясненіи такого образа явленія Божества нѣтъ нужды связывать понятія огня и свѣта съ понятіями о просвѣщающемъ или карающемъ дѣйствованіи Божества; нѣтъ нужды и отыскивать среди другихъ народовъ примѣры соединенія представленій о Божествѣ и огнѣ. Небольшой кустъ, палимый огнемъ, но не уничтожаемый имъ, представлялъ собою вполне соотвѣтственный образъ малаго племени еврейскаго, гонимаго въ Египтѣ, но уцѣлѣвшаго отъ истребленія (ср. Втор. 4, 20).

Къ какой породѣ растеній принадлежалъ кустъ горѣвшій, къ терновымъ ли кустарникамъ, или къ особому виду акацій, которыхъ много на Синайскомъ полуостровѣ, рѣшить затруднительно по неизвѣстности точнаго значенія употребленнаго здѣсь еврейскаго слова. Употребленное семидесятью слово даетъ впрочемъ основаніе разумѣть здѣсь кустъ собственно терновый.

Ст. 3—5. Когда Моисей подошелъ къ кусту по ближе, съ цѣлю рассмотреть, отъ чего кустъ не сгораетъ, онъ услышалъ двукратное повтореніе своего имени и повелѣніе не подходить къ кусту еще ближе и снять обувь.

Въ воззваніи Божіемъ, обращенномъ къ Моисею, имя Моисея повторено двукратно, какъ двукратно же повторено имя Авраама въ Быт. 22, 11 и имя Іакова въ Быт. 46, 2. Двукратное употребленіе имени призываемыхъ должно было возбуждать усиленное вниманіе ихъ къ призывающему голосу.

Повелѣніе не подходить къ кусту еще ближе вызвано требованіемъ особаго благоговѣнія къ мѣсту, освященному присутствіемъ Божества (ср. Исх. 19, 12, 23; 24, 2).

Снятіе обуви во свидѣтельство благоговѣнія къ священному мѣсту само по себѣ естественно, какъ выраженіе желанія не нанести сору и грязи въ святое мѣсто. Потому то у многихъ народовъ Востока возникъ и сохраняется обычай снимать обувь при вступленіи въ мѣста, почитаемыя священными.

Моисей предваренъ самимъ Богомъ, что мѣсто, на которомъ онъ стоитъ, есть земля святая. Изъ этого предваренія ясно, что Моисей не имѣлъ мысли, будто мѣстность, на которой онъ находился, имѣла издревле священное значеніе. Послѣ сорокалѣтняго пребыванія въ пустынѣ Моисей могъ бы знать заранѣе о святости мѣста, на которое пришелъ, если бы оно и прежде явленія Бога Моисею было священнымъ.

Ст. 6. Явившійся говоритъ о Себѣ: *Я Богъ отца твоего, Богъ Авраама, Богъ Исаака и Богъ Иакова*. Слова: *отца твоего* могутъ относиться и ко всѣмъ предкамъ Моисея, то есть, единственное число можетъ быть здѣсь употреблено вмѣсто множественнаго, какъ на примѣръ: Исх. 15, 2; 18, 4; могутъ относиться въ частности къ праотцамъ далѣе поименованнымъ: Аврааму, Исааку и Иакову; могутъ относиться и къ одному отцу Моисееву и означать: «Я Богъ твоего отца и всѣхъ чтимыхъ тобою праотцевъ твоего народа». Смыслъ перечисленія праотцевъ еврейскаго народа тотъ, что явившійся есть Богъ истинный, Богъ издревле, Богъ—покровитель племени еврейскаго.

Спаситель указалъ (Марк. 12, 26) въ разбираемомъ стихѣ подтвержденіе истины о воскресеніи мертвыхъ.

Услышавъ слова явившагося, Моисей въ чувствѣ благоговѣнія и страха *скрылъ лице свое*, можетъ быть, также закрывъ его одеждою, какъ сдѣлалъ Илія (3 Цар. 19, 13.).

Ст. 7. Слова: *увидѣлъ, услышалъ, знаю* должны были открыть Моисею, что бѣдствія народа еврейскаго въ Египтѣ вполнѣ извѣстны явившемуся, усвоены, говоря человѣкообразно, и Его чувствами и Его мыслию.

Ст. 8. *И сошелъ Я*. Подъ схожденіемъ Иеговы здѣсь разумѣть должно не чувственное явленіе Его въ Египтѣ, подобное явленіямъ, о которыхъ говорится Исх. 19, 20; 34, 5; Числ. 11, 25; 12, 5; но принятіе имъ непосредственнаго участія въ дѣлѣ избавленія народа еврейскаго отъ руки Египтянъ.

Изведеніе Евреевъ изъ земли Египетской выражено словомъ: *возвести*. Это слово употребляется въ священномъ писаніи неоднократно (Быт. 13, 1; 44, 24 и др.) по отношенію къ путешествію изъ Египта, страны низменной, въ Палестину, стра-

ну гористую; по отношенію же къ шествію изъ Палестины въ Египетъ обыкновенно употребляется слово означающее: спускаться внизъ (Быт. 12, 10; 26, 2 и др.).

Земля Ханаанская названа *доброю* не въ томъ смыслѣ, что по плодородію и разнообразію своихъ произведеній она лучше Египта, но въ томъ, что и земля Ханаанская по плодородію своему есть такъ же земля хорошая, и, кромѣ того, для евреевъ она будетъ лучше Египта потому, что они свободно будутъ пользоваться естественными благами своего будущаго отечества. Въ этомъ же послѣднемъ смыслѣ свободаго житія евреевъ въ Ханаанѣ на просторѣ, а не подъ рабскимъ игомъ, земля Ханаанская названа пространною.

Земля Ханаанская названа *текущею молокомъ и медомъ*. Это выраженіе, часто употребляемое въ Библии (Исх. 13, 5; 33, 3; Лев. 20, 24; Числь 14, 8 и проч.), означаетъ, что страна богата лучшими, вкусными, сладкими произведеніями; но оно не обязываетъ доказывать, что въ Палестинѣ было чрезвычайно много меду и скота, дающаго молоко, и что медъ и молоко были главными произведеніями страны. Масло, пшеница, вино еще въ большемъ обиліи доставлялись странною ея жителямъ, чѣмъ молоко и медъ. Подъ послѣднимъ можно разумѣть не только пчелиный медъ, но и густой сиропъ изъ винограднаго сока.

При перечисленіи племенъ, населявшихъ въ то время Палестину, священный повѣствователь на первомъ мѣстѣ ставитъ *Хананеевъ*. Это имя употребляется въ Библии не въ одинаковомъ смыслѣ: иногда оно означаетъ всѣхъ жителей страны, лежащей между средиземнымъ моремъ и Иорданомъ (земля Ханаанская Быт. 47, 14; Числь 33, 51); иногда же означаетъ одно изъ племенъ, населявшихъ Палестину, и именно то, которое занимало береговую равнину у средиземнаго моря, къ сѣверу отъ Кармила, иначе сказать— Финикіянъ (Числь 13, 30; Ис. Нав. 5, 1; Суд. 3, 3; ср. Ис. 23, 8; Ос. 12, 7 и др.). Происходили они (Быт. 10, 15) отъ Ханаана, чрезъ перваго его сына.

Хеттеи, поставленные на второмъ мѣстѣ, происходили по свидѣтельству Быт. 10, 15, отъ втораго сына Ханаана, именно Хета. Такъ какъ имя Хеттеевъ употребляется иногда для

означенія всѣхъ племенъ, поселявшихъ Палестину (Ис. Нав. 1, 4), а ставимое вмѣстѣ съ именами другихъ племенъ ханаанскихъ занимаетъ или первое мѣсто (Втор. 7, 1; 20, 17; Ис. Нав. 9, 1), или же второе (Исх. 13, 5; Суд. 3, 5; Ездр. 9, 1): то несомнѣнно, что племя это было наиболѣе сильно и многочисленно сравнительно съ остальными. Во времена Авраама Хеттеи жили и около Хеврона (Быт. 23, 2. 3); изъ книгъ же Судей (1, 26) и Числь (13, 30) видно, что они жили и сѣвернѣе, на горахъ Іудиныхъ и Ефремовыхъ. Остатки Хеттеевъ встрѣчаются и во времена Давида (1 Цар. 26, 6; 2 Цар. 11, 3) и Соломона (3 Цар. 11, 1; 9, 20). Цари Хеттейскіе, упоминаемые 3 Цар. 10, 29 и 4 Цар. 7, 6 управляли, по видимому или тѣмъ же племенемъ Хеттейскимъ, но только жившимъ на сѣверъ отъ Палестины, между нею и Сиріею, или же одноименнымъ племенемъ сеитскаго, а не хамитскаго происхожденія. Предположить можно, что этихъ сѣверныхъ хеттеевъ нужно разумѣвать, когда встрѣчаемъ на египетскихъ памятникахъ упоминаніе о племени *Хети*, а въ ассирійскихъ клинообразныхъ надписяхъ упоминаніе о племени *Хатти*.

Аморей—сильнѣйшее изъ ханаанскихъ племенъ. Посему имя ихъ не рѣдко употребляется для означенія всѣхъ народовъ ханаанскихъ (Быт. 15, 6; 48, 22; Ис. Нав. 7, 7; Суд. 6, 10; 1 Цар. 7, 14 и др.). На основаніи Быт. 14, 7. 13. 24; Ис. Нав. 10, 5 должно думать, что Аморей жили и на югѣ Ханаана; а изъ Числь 21, 26 видно, что они занимали значительную часть и заіорданской страны. Родоначальникомъ ихъ былъ четвертый сынъ Ханаана—Аморей.

Ферезей были, по всей вѣроятности (Быт. 13, 7; 34, 30; Суд. 1, 4), племенемъ отличнымъ отъ Хананеевъ и принадлежали къ числу древнѣйшихъ обитателей Палестины. Имя ихъ можетъ указывать на то, что они были жителями равнинъ и занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ. Во времена патріарховъ Ферезей, или часть ихъ, жили въ средней Палестинѣ, около Веоила и Сихема (Быт. 13, 7; 34, 30).

Евси—племя, происшедшее отъ Ханаана (Быт. 10, 17). Во времена патріарха Іакова были Евси около Сихема (Быт. 34, 2), а во времена Іисуса Навина жили въ Гаваонѣ и близъ

лежащихъ городахъ (Ис. Нав. 9, 7). Позднѣе они жили около Ермона (Ис. Нав. 11, 3) и на Ливанѣ (Суд. 3, 3), можетъ быть, бывъ выгоняемы евреями изъ средней Палестины.

Иевусеи—малочисленное племя, происшедшее отъ Ханаана, владѣвшее, кажется, только однимъ городомъ Иерусалимомъ (Суд. 19, 10). По малочисленности своей Иевусеи, при перечисленіи племенъ ханаанскихъ, обыкновенно занимаютъ послѣднее мѣсто; но евреи только при Давидѣ успѣли овладѣть ихъ городомъ.

Ст. 9. *Теперь вопль сыновъ Израиля дошелъ до Меня*, то есть, тяжкимъ страданіямъ народа Моего теперь Я опредѣлилъ положить конецъ и потому даю повелѣніе (ст. 10) вывести народъ Мой изъ Египта.

Ст. 11. *Кто я, что пойду къ Фараону и что выведу сыновъ израиля изъ Египта?* Прежнее довѣріе къ собственнымъ силамъ (Исх. 2, 11—14) замѣнилось въ Моисеѣ, среди испытаній скудной, пастушеской, изгнаннической жизни, чувствомъ смиренія, которое стало принадлежать ему въ наибольшей противъ другихъ степени (Числь 12, 3).

Ст. 12. *Я буду съ тобою*. Дѣло, возлагаемое на тебя, дѣйствительно для человѣка непосильно: но Я всегда буду оказывать тебѣ помощь.

Вотъ тебѣ указаніе, что Я послалъ тебя.. будете служить Богу на этой горѣ. Указаніе, что Иегова послалъ Моисея, для послѣдняго не было нужно, онъ немогъ сомнѣваться въ томъ, что его посылаетъ Иегова. Слова Божіи имѣютъ такой смыслъ: «несомнѣнно, что ты и народъ будете служить, Мнѣ на этой самой горѣ; но несомнѣнности этого событія, которое Я заранѣе открываю тебѣ, ты долженъ удалить изъ своей души всякія колебанія въ принятіи на себя обязанности вывести народъ изъ Египта и долженъ увѣровать въ неизбѣжность событія опредѣляемаго Моею непремѣнною волею. Смотри: вы уже служите на этой самой горѣ».

Подъ служеніемъ Богу на горѣ разумѣть нужно не одно принесеніе жертвъ, но все дѣло принятія народа еврейскаго въ заветъ съ Богомъ (Исх. 24), принятіе народомъ закона Божія и устроеніе святилища и богослуженія (Исх. 36, 1—7; Числь 7 гл.).

Ст. 13. *Скажутъ мнѣ: какъ имя Его? что скажу имъ?* Моисея уже не смущаетъ мысль о величїи Фараона и о своей незначительности передъ Фараономъ. Онъ думаетъ теперь о своемъ иародѣ, о томъ, какъ встрѣтить еврей посланника, пришедшаго къ нимъ во имя Божїе. «Какой это Богъ послалъ тебя»? Такимъ вопросомъ естественно было, по мнѣнію Моисея, встрѣтить народу рѣчи посланника, который будетъ говорить отъ имени Бога. Тотъ ли Богъ послалъ, вѣра въ котораго хранилась среди народа отъ временъ патріарховъ или иной какой, намъ доселѣ невѣдомый, которому мы не служили?

Ст. 14—16. Отвѣтъ Бога на вопросъ Моисея содержитъ ту мысль, что Моисей посылается къ народу тѣмъ самымъ Богомъ, которому служили праотцы народа еврейскаго, единымъ Богомъ, истинно существующимъ. Въ стихахъ 15 и 16 двукратно указывается именно на то, что пославшій Моисея есть Богъ Авраама, Исаака и Іакова; а стихъ 14-й указываетъ на истинность и полноту бытія Божїя. *Есмь, который Есмь*, то есть Я есмь единый Богъ, имѣющій бытіе истинное и полноту бытія, а не какой либо новый, невѣдомый Богъ, дѣйствительнаго бытія не имѣющій, какъ не имѣютъ его многочисленные боги египтянъ. Открытое Моисею имя есть по существу своему тоже самое которое открыто было и Аврааму (Быт. 15, 2. 7), различаясь отъ него только формою глагола, означающаго бытіе (ср. Апок. 1, 4. 8). Самое имя Бога должно было служить и для Моисея и для народа еврейскаго средствомъ подкрѣпить увѣренность въ непремѣнномъ исполненїи воли Божїей относительно освобожденїя евреевъ изъ Египта. Богъ, *истинно сущій*, осуществитъ все сообразно съ своею волею.

Это имя Мое—на вѣкъ... изъ рода въ родъ. Здѣсь содержится увѣренїе въ томъ, что Богъ истинно существуетъ во вѣки; смѣна временъ и родовъ не имѣютъ по отношенію къ бытію Божїю никакого значенїя.

Соберешь старѣйшинъ. Господь указываетъ Моисею, съ чего онъ долженъ будетъ начать свои дѣйствїя, явившись въ Египетъ. Старѣйшины, къ которымъ Моисей долженъ обратиться по прибытіи въ Египетъ, суть люди во всякомъ слу-

чаѣ, лѣтъ почтенныхъ, успѣвшіе въ теченіе долгой жизни заслужить особое уваженіе со стороны народа и стать старѣйшими въ колѣнѣ, родѣ, или семьѣ. Рѣчь Моисея къ нимъ должна начаться съ открытія имъ воли того самаго Іеговы, которому служили праотцы народа еврейскаго (ср. ст. 14). Воля Іеговы та, чтобы вывести народъ изъ Египта въ землю Ханаанскую. Эта воля изрекается теперь, а не въ другое время... потому что Богъ *переглядылъ* народъ еврейскій и все то, что дѣлаютъ съ народомъ Египтяне, то есть Іегова опредѣлилъ, что народъ нравственно готовъ къ освобожденію изъ рабства и что наступило время избавить его отъ страданій.

Ст. 18. Богъ открываетъ Моисею, что старѣйшины народа повѣрятъ его словамъ и пойдутъ вмѣстѣ съ нимъ къ Фараону. Это откровеніе дано съ цѣлію разсѣять сомнѣніе Моисея, высказанное имъ въ тринадцатомъ стихѣ.

Первая просьба, съ которою Моисей и старѣйшины должны будутъ обратиться къ Фараону, по содержанию своему не могла затруднить царя; требовалось только отпустить евреевъ на три дня пути отъ Гесема къ восточной границѣ Египта (ср. гл. 13 и 14). Основаніе просьбы не могло показаться царю страннымъ: *Богъ евреевъ* явился имъ (то есть представителю ихъ—Моисею) и объявилъ волю свою, чтобы они принесли ему жертву въ пустынѣ. Въ пустынѣ потому, что религіозное празднованіе, если бы оно совершено было евреями среди египтянъ, могло бы сопровождаться или соблазномъ для египтянъ, или непріятностями для евреевъ. Просьба такого содержания не имѣла въ виду обмануть царя, потому что неуспѣшность ея открывается Моисею заранѣе (ст. 19), а въ послѣдствіи Фараону прямо предъявляется требованіе отпустить евреевъ *изъ земли своей* (Исх. 6, 11). Скромность и удобоисполнимость просьбы должны были въ послѣдствіи ясно показать и евреямъ и египтянамъ, что только упрямство и заносчивость Фараона были причиною тѣхъ бѣдствій, какимъ подвергались и Фараонъ и Египеть.

Ст. 19. Фараонъ непожелаетъ исполнить скромную просьбу, *а у него рука сильная*. Такъ перевести можно только отступивъ отъ нынѣшняго чтенія еврейскаго текста. Отступленіе

дѣлается въ виду ясной неудовлетворительности нынѣшняго чтенія, а при томъ чтеніи, при которомъ возможенъ предлагаемый переводъ, взаимное отношеніе мыслей будетъ очень ясно: Фараонъ покажетъ упрямство, и настоять на своемъ онъ имѣетъ всѣ средства; человѣческими силами не поколеблешь его; остается лишь поднять противъ него и Египта Мою всемогущую руку. Когда Я поражу Египетъ чудесами Моего могущества, тогда Фараонъ отпуститъ васъ (ст. 20).

Ст. 21. 22. *И дамъ народу сему милость въ глазахъ Египтянъ.* Египтяне, при выходѣ евреевъ изъ Египта, будутъ имѣть доброе къ нимъ расположеніе. Въ этомъ, а не въ обманѣ со стороны евреевъ, заключается объясненіе того, почему евреи выйдутъ изъ Египта не съ пустыми руками, а съ цѣнными подарками. Египтяне поймутъ, что много поработали на нихъ евреи, что тяжело было для нихъ пребываніе въ Египтѣ, что многое изъ своего недвижимаго имущества евреи должны покинуть въ Египтѣ, что пужно съ ними хотя нѣсколько расплатиться и потому будутъ охотно дарить евреямъ различныя цѣнныя просимыя ими вещи. Другимъ къ этому побужденіемъ ставится (Исх. 11, 3) величіе, какимъ окруженъ былъ въ глазахъ египтянъ вождь народа еврейскаго Моисей. У нѣкоторыхъ египтянъ могло присоединяться къ этому и желаніе задобрить евреевъ подарками, чтобы только тѣ поскорѣе уходили изъ Египта и избавили ихъ отъ новыхъ бѣдъ (Jos Ant. 1. 2. с. 14).

При правильномъ переводѣ и изъясненіи разбираемыхъ стиховъ неостается мѣста для толковъ объ обманѣ со стороны евреевъ, будто бы обобравшихъ египтянъ, давшихъ нѣкоторыя цѣнныя вещи только на время, на тѣ дни, когда евреи должны были праздновать въ пустынѣ свой праздникъ.

Выпроситъ женщина у сосѣдки. Не одни женщины, но и мужчины еврейскіе дѣлали тоже (ср. Исх. 11, 2; 12, 35); но по самому свойству выпрашиваемыхъ вещей естественно, что преимущественно женщины обращались съ этими просьбами къ женщинамъ же.

Вещи серебряныя и вещи золотыя и одежды. Подъ вещами не слѣдуетъ разумѣть серебряныя и золотыя сосуды, которые

могли бы пригодиться при совершеніи торжественнаго богослуженія: потому что о всѣхъ таковыхъ вещахъ, такъ же какъ и объ одеждахъ сказано далѣе: *возложите на сыновей вашихъ и на дочерей вашихъ*. Очевидно, что эти серебряныя и золотыя вещи суть не сосуды, а украшенія носимыя людьми, какъ то, цѣпочки, запястья, перстни, серьги, привѣски (ср. Числь 31, 50;), которыя впослѣдствіи и были жертвуемы на украшеніе скинии (Исх. 35, 22). Употребленіе этихъ вещей въ Египтѣ было весьма распространено (Rottenroth. Trachten... der Volker alter und neuer Zeit, Lief. Въ этомъ изданіи собраны и рисунки ихъ).

Возьмете добычу съ Египтянъ, которая будетъ служить хотя малою расплатою за работы евреевъ въ Египтѣ. Возвращеніе изъ Египта не съ пустыми руками, а съ большимъ имуществомъ, было обѣщано еще Аврааму (Быт. 15, 14).

4, 1. Моисею, при нерасположеніи къ принятію на себя великаго дѣла, легко было поддаться сомнѣнію, повѣрять ли евреи его разсказу объ явленіи Іеговы, не признаютъ ли они его разсказъ вымысломъ? Нѣкоторымъ оправданіемъ для такого сомнѣнія могло служить въ глазахъ Моисея то обстоятельство, что послѣ времени патріарховъ непосредственныя явленія Бога не имѣли мѣста и народъ могъ знать о нихъ только по разсказамъ изъ временъ древнихъ.

Ст. 2—5. Для уничтоженія возможныхъ сомнѣній у народа еврейскаго (ст. 5), для укрѣпленія вѣры въ самомъ Моисеѣ, продолжавшемъ колебаться (ср. слѣд. стихи), для вразумленія египтянъ (ср. объясненіе ст. 9), Богъ даетъ Моисею силу сотворить три чуда. Первое состоитъ въ превращеніи жезла въ змѣя и змѣя слова въ жезлъ. Жезлъ нужно разумѣть пастушескій, который былъ въ рукахъ Моисея, пасшаго стадо, а не какойнибудь начальнической жезлъ (ср. ст. 17).

Ст. 6. 7. Мгновенное пораженіе руки проказою и восстановленіе здороваго состоянія руки давали евреямъ, хорошо знакомымъ съ медленностію дѣйствія проказы и съ медленностію выздоровленія отъ нея очень удобное средство убѣдиться въ томъ, что Моисей посланъ къ нимъ дѣйствительно отъ Бога.

Ст. 8. 9. Превращеніе воды въ кровь представляло такъ же

очень убѣдительное свидѣтельство вѣрности разсказа Моисея объ явленіи ему Іеговы.

Возьмешь воды изъ рѣки. Рѣка Ниль, чтимая египтянами, какъ божество; и вотъ часть этого мнимаго божества, оплодотворяющаго весь Египетъ, обращается на глазахъ у всѣхъ въ кровь, ни къ чему непригодную. Это чудо должно было имѣть особенно важное значеніе не столько для евреевъ, сколько для египтянъ.

Усматривать въ выборѣ данныхъ Моисею знаменій особое таинственное отношеніе къ состоянію евреевъ въ Египтѣ нѣтъ достаточныхъ основаній. Выборъ предметовъ чуда объясняется подручностью избранныхъ предметовъ.

Ст. 10--12. Моисей находитъ для себя новое затрудненіе явиться посланникомъ Божиимъ въ томъ, что отъ природы не имѣетъ хорошаго дара слова, не получилъ его и теперь, во время бесѣды съ Богомъ. *Тяжелъ на уста, тяжелъ на языкъ*— эти выраженія не означаютъ ни заикку, ни вообще страдающаго какимъ либо недостаткомъ органовъ произношенія; они говорятъ только: я не краснорѣчивъ, не находчивъ, не быстръ на языкѣ. Это возраженіе Моисея не свидѣлствуетъ о томъ, что будто онъ личному участию въ дѣлѣ освобожденія евреевъ приписывалъ болѣе значенія, чѣмъ должно, будто онъ забывалъ, что не силою человѣка, а силою Божіею, должно совершиться дѣло освобожденія народа. Изъ тринадцатаго стиха видно, что Моисей очень *желалъ*, независимо отъ дѣйствительнаго значенія своихъ возраженій, чтобы посланникомъ Божиимъ избранъ былъ кто нибудь другой. При такомъ отношеніи къ дѣлу разбираемому возраженію Моисея нельзя давать особенно важное значеніе даже въ глазахъ самого Моисея.

Ст. 12. *Я буду съ устами твоими.* Тоже обѣтованіе дается апостоламъ (Матѣ. 10, 19; Марк. 13, 11).

Ст. 13. *Пошли же, кого нужно послать.* Возраженія истощились. На мѣсто ихъ выступаетъ отказъ, уже не приводящій для себя основаній, а указывающій неопредѣленно на какого нибудь болѣе способнаго посланника.

Ст. 14. Настойчивость отказа, послѣ устраненія возраженій, имѣвшихъ силу, или, по крайней мѣрѣ, благовидность,

возбуждаетъ гнѣвъ Іеговы; но этотъ гнѣвъ немедленно уступаетъ мѣсто снисхожденію, выразившемуся въ указаніи Моисею помощника въ лицѣ его брата.

Не братъ ли тебѣ Ааронъ, левитъ?, то есть человѣкъ близкій къ тебѣ, родной братъ твой, человѣкъ рѣчистый. Онъ поможетъ тебѣ передавать Мои рѣчи народу. Ааронъ упоминаемый здѣсь въ первый разъ, названъ *левитомъ*, что указываетъ не на его священное служеніе, данное ему впоследствии, а на происхожденіе отъ Левія и отличаетъ его отъ другихъ Аароновъ оставшихся, можетъ быть, въ памяти Моисея отъ давно прошедшаго времени пребыванія въ Египтѣ.

Онъ выходитъ на встрѣчу тебѣ. Стихъ 27 не даетъ основанія думать, что Ааронъ получилъ внушеніе идти на встрѣчу Моисею не въ то время, когда Богъ явился Моисею въ купинѣ, а позднѣе, когда Моисей собрался уже въ путь съ своимъ семействомъ. Сборы Моисея могли быть непродолжительны, и Ааронъ, во всякомъ случаѣ успѣлъ болѣе пройти, чѣмъ Моисей, потому что они встрѣтились у той же самой горы, гдѣ происходило откровеніе Моисею (ст. 27); а гора эта была недалеко отъ обычнаго мѣстопребыванія Моисея.

Возрадуется сердцемъ своимъ, то есть съ полною готовностію, съ веселымъ сердцемъ согласится принять участіе въ вашемъ общемъ дѣлѣ.

Ст. 16. *Ты будешь для него Богомъ*, то есть тебѣ Я открываю свою волю, а ты будешь передавать Мою волю Аарону и будешь для него въ этомъ отношеніи тѣмъ же, чѣмъ Я есмь для тебя (ср. Втор. 18, 18; Ис. 30, 2; Іер. 15, 19). Тоже положеніе и тѣмъ же выраженіемъ передано Исх. 7, 1, когда говорится объ отношеніи Моисея къ Фараону.

Ст. 17. *Жезлъ этотъ возьми*, что и исполнено Моисеемъ (см. ст. 20).

Имъ будешь творить знаменія; разумѣется не одно то знаменіе, которое было при купинѣ и требовало для себя употребленія жезла, но разумѣются и прочія знаменія, при которыхъ Моисей впоследствии употребилъ свой жезлъ (напр. Исх. 7, 17. 20; 8, 5. 6. 16; 9, 23; 10, 13).

Возвращеніе Моисея въ Египетъ. (4, 18—31).

Ст. 18. *И пошелъ Моисей, и возвратился къ Іоѳору, тестю своему, и сказалъ ему: хочу пойти и возвратиться къ братьямъ моимъ, которые въ Египтъ, и посмотрѣть, живы ли еще они? И сказалъ Іоѳоръ Моисею: иди съ миромъ. (19) И сказалъ Іегова Моисею въ Мадіанѣ: поди, возвратись въ Египетъ, ибо умерли всѣ мужи, искавшіе души твоей. (20) И взялъ Моисей жену свою и сыновей своихъ, и посадилъ ихъ на осла и пошелъ назадъ въ землю египетскую; и взялъ Моисей въ свою руку жезлъ Божій. (21) Ты идеешь, чтобы возвратиться въ Египетъ; смотри, всѣ чудеса, которыя Я вложилъ въ руку твою, сдѣлай ихъ предъ лицемъ Фараона, а Я сдѣлаю жестокимъ сердце его, и онъ не будетъ отпустить народъ. (22) И скажешь Фараону: такъ сказалъ Іегова сынъ Мой, первенецъ Мой—Израиль; (23) и Я говорю тебѣ: отпусти сына Моего, чтобы онъ служилъ Мнѣ; а не захочешь отпустить его: вотъ Я убиваю сына твоего, первенца твоего. (24) И было дорогою, на ночлегъ, что Іегова обратился противъ него и хотѣлъ умертвить его. (25) И взяла Сифора камень, и обрѣзала крайнюю плоть сына своего, и бросила къ ногамъ его, и сказала: да, ты у меня женихъ кровей. (26) И Онъ оставилъ его. Тогда сказала: женихъ кровей обрѣзанія! (27) И сказалъ Іегова Аарону: поди на встрѣчу Моисею въ пустыню; и пошелъ онъ, и встрѣтилъ его при горѣ Божіей и цѣловалъ его. (28) И открылъ Моисей Аарону всѣ слова Іеговы, Который послалъ его, и всѣ знаменія, о которыхъ Онъ далъ ему повелѣніе. (29) И пошелъ Моисей и Ааронъ, и собрали они всѣхъ старѣйшихъ сыновъ Израиля. (30) И сказалъ Ааронъ всѣ слова, которыя говорилъ Іегова Моисею, и сдѣлалъ знаменія предъ глазами народа. (31) И повѣрилъ народъ,— и обрадовался, что Іегова послалъ сыновъ Израиля и что увидѣлъ Онъ бѣдствіе ихъ, и палъ и поклонился.*

Ст. 18. Моисей возвратился къ Іоѳору съ рѣшимостію пойти во Египетъ, но причину своего рѣшенія не открылъ тестю, ограничившись только заявленіемъ желанія посмотрѣть, живы ли его братья въ Египтѣ. Іоѳоръ едва ли и былъ способенъ принять, какъ должно, рассказъ Моисея о явленіи Божіемъ;

можетъ быть, онъ счелъ бы за лучшее отклонять Моисея отъ участія въ предстоявшемъ великомъ и трудномъ дѣлѣ.

Хочу возвратиться къ братьямъ моимъ. Не о родственникахъ идетъ рѣчь, но объ единоплеменникахъ.

Живы ли еще они? Иоору изъ рассказовъ Моисея и другими путями могли быть извѣстны жестокости, при которыхъ евреямъ приходилось жить въ Египтѣ; потому мысль уцѣлѣли единоплеменники зятя, для Иоора могла показаться совершенно естественною, и онъ одобрилъ намѣреніе Моисея побывать въ Египтѣ.

Въ греческомъ переводѣ къ разбираемому стиху сдѣлано прибавленіе, буквально взятое изъ 2 гл. 23 ст.

Ст. 19. Прежде путешествія въ Египетъ послѣдовало новое откровеніе Моисею, повелѣвавшее идти въ Египетъ. Едва ли оно вызвано было медленностію сборовъ Моисея въ путь. По связи съ послѣдующимъ стихомъ, новое откровеніе Моисею можно объяснить сомнѣніями Моисея, одному ли ему отправиться въ путь, или взять съ собою и семью. Новое откровеніе, по видимому, и дано съ тѣмъ, чтобы успокоить опасенія Моисея за свою семью; она неподвергалась опасности, потому что умерли враги Моисея; можно спокойно отправиться и съ семьей.

Умерли всѣ мужи, искавшие души твоей. Умеръ и царь, умерли и ближайшіе родственники убитаго Моисеемъ египтянина.

Ст. 20. Въ ближайшей связи съ вторымъ даннымъ Моисею откровеніемъ поставлено отправленіе Моисея въ путь съ женою и сыновьями.

Поправлять еврейскій и греческій текстъ и говорить, что рѣчь должна идти не о сыновьяхъ, а объ одномъ сынѣ, нѣтъ достаточныхъ основаній. Изъ упоминанія объ одномъ сынѣ необрѣзанномъ (ст. 25) не слѣдуетъ, что въ то время другаго сына у Моисея не было. Данное въ Исх. 18, 4 объясненіе имени втораго сына Моисеева такъ же нисколько непоказываетъ, что этотъ сынъ родился у Моисея *послѣ* выхода евреевъ изъ Египта. Напротивъ, по выходѣ евреевъ изъ Египта, Иооръ съ обоими сыновьями Моисея пришелъ къ нему въ пустыню (18, 2—5).

Моисей посадилъ жену свою и сыновей *на осла*. Греческіе переводчики усумнились на одномъ ослѣ посадить женщину и двоихъ дѣтей. и употребили вмѣсто единственнаго числа множественное. Но если дѣти были очень малы, чему нѣкоторое подтвержденіе даетъ 25 стихъ: то посадить ихъ отдѣльно было и невозможно.

Самъ Моисей, будущій вождь народа, пошелъ пѣшкомъ съ тѣмъ же посохомъ, который былъ у него въ рукахъ при купинѣ. *Божіимъ* названъ этотъ жезлъ не въ томъ смыслѣ, что полученъ былъ Моисеемъ отъ Бога, а въ томъ, что этотъ посохъ уже былъ освященъ чудомъ, сдѣланнымъ съ нимъ при купинѣ, и что при посредствѣ этого посоха Моисей долженъ былъ сотворить чудеса Божіи и въ Египтѣ и по выходѣ изъ Египта.

Ст. 21. *Ты идеши, чтобы возвратиться въ Египетъ*. Моисей, уже по отправленіи въ путь, получаетъ новое откровеніе. Оно прежде всего напоминаетъ Моисею, что никакимъ колебаніямъ и отсрочкамъ въ исполненіи повелѣнія Божія не будетъ мѣста; путь Моисея долженъ окончиться только въ Египтѣ; на подорогѣ нельзя остановиться. Недолжно быть колебаній и по приходѣ въ Египетъ. Требованіе отпустить народъ, подкрѣпленное тѣми чудесами, которыя уже *были вложены въ руку* Моисея, должно быть неопустительно, по приходѣ въ Египетъ, предъявлено Фараону. Исполненіе обязанности, возложенной на Моисея, онъ не долженъ почитать оконченнымъ, когда Фараонъ отвергнетъ требованіе отпустить народъ. Моисей долженъ заранѣе знать, что Фараонъ не захочетъ исполнить это требованіе и обнаружить упрямство. Этимъ откровеніемъ Моисей предупрежденъ достаточно, чтобы не впасть въ уныніе и малодушіе при первыхъ неудачахъ въ переговорахъ съ Фараономъ.

Я сдѣлаю жесткимъ сердце его. Богъ оставитъ за Фараономъ свободу дѣйствій. Фараонъ произвольно будетъ *урашивать* жестокостію (Исх. 9, 34) и *находитъ* въ прекращеніи казней поводъ къ продолженію упрямства (8, 15. 32). Указанныя дѣйствія свободной воли Фараона необходимо даютъ разбираемымъ словамъ (*Я сдѣлаю жесткимъ*) тотъ смыслъ, что Богъ

оставить Фараону свободу дѣйствій, при которой онъ безпрепятственно обнаружитъ состояніе своего сердца и направленіе своей воли. Жесткость Фараонова сердца Богъ сдѣлаетъ явною для всѣхъ.

Ст. 22. Требованіе отпустить евреевъ Моисей долженъ предъявить Фараону во имя тѣхъ отношеній, въ какія Богъ поставилъ къ себѣ свой народъ. *Скажешь Фараону: такъ сказалъ Ягова: сынъ мой, первенецъ мой—Израиль.* Изъ всѣхъ народовъ Израиль одинъ избранъ быть собственнымъ Его народомъ (Втор. 14, 2). Этому народу оказаны особыя милости; для него чудеса; ему дано откровеніе. Отношенія Бога къ своему народу, конечно, не были извѣстны Фараону: но понятія — *сынъ Бога, первенецъ Бога* не могли быть странными для Фараона. Фараоны сами признаваемы были за сыновъ Бога.

Сынъ мой, первенецъ мой. Особыя отношенія Бога къ народу еврейскому, ясно указываемыя словомъ: *сынъ*, еще съ большею ясностію и силою раскрываются въ словахъ: *первенецъ мой*. Первенцу, естественно, принадлежать различныя преимущества предъ прочими дѣтьми; первенца, обыкновенно, болѣе любятъ. И другіе народы могутъ стать въ сыновнія отношенія къ Богу: но Израиль есть первенецъ по отношенію къ нимъ.

Ст. 23. Отецъ требуетъ сына къ себѣ; нужно отпустить сына на служеніе отцу. Требованіе должно быть понятно Фараону; а на случай не желанія понять и исполнить его, Моисею дается право поразить Фараона наказаніемъ чувствительнымъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ правамъ отца на своего сына: Фараонъ потеряетъ собственнаго первенца.

Ст. 24—26. Послѣ разсказа о новомъ откровеніи Моисею слѣдуетъ краткій и потому не совсѣмъ ясный разсказъ о происшествіи, бывшемъ на одномъ изъ ночлеговъ во время пути.

Ягова обратился противъ него и хотѣлъ умертвить его. По связи рѣчи нужно думать, что Богъ хотѣлъ умертвить самого Моисея, а не сына его. *Хотѣлъ умертвить*, или пославъ на Моисея тяжкую болѣзнь, или инымъ дѣйствіемъ своего могущества. Причина гнѣва Божія противъ Моисея не открывается съ ясностію изъ краткаго разсказа. Но можно догадываться, что

причиною гнѣва было нерадѣніе Моисея объ исполненіи заповѣди относительно обрѣзанія. Когда Сепфора совершила обрѣзаніе надъ своимъ сыномъ, тогда гнѣвъ Божій прекратился. Дѣло, которое долженъ былъ сдѣлать отецъ, исполнила мать, или потому, что Моисей, по болѣзни, не могъ сдѣлать его, или потому что Сепфора, можетъ быть, была виновницею нерадѣнія Моисеева, склонивъ Моисея откладывать болѣзненное, ея материнскому сердцу непріятное, дѣйствіе надъ сыномъ. Какъ виновная въ навлеченіи гнѣва Божія, она и поторопилась сама удалить причину гнѣва. Указаніе на виновность въ этомъ дѣлѣ Сепфоры можно усматривать въ дальнѣйшихъ ея дѣйствіяхъ. Совершивъ обрѣзаніе, она бросала отрѣзанное къ ногамъ своего ребенка. Въ этомъ можно видѣть дѣйствіе досады. Тоже чувство можно усматривать и въ словахъ ея: *да, ты у меня женихъ кровей*. Прилагая эти слова къ ребенку, а не къ Моисею, усвоаемъ имъ смыслъ: мой милый сынъ кровью облить! Тутъ слышится досада. Даже и тогда, когда гнѣвъ Божій миновалъ (ст. 26), Сепфора не удерживается отъ желанія высказать вновь свои чувства въ словахъ: женихъ кровей обрѣзанія! т. е. облить мой ребенокъ кровью обрѣзанія. Подъ этимъ восклицаніемъ, по видимому, таится вопросъ: «къ чему было кровянить моего ребенка». Такъ относилась Сепфора къ обрѣзанію и послѣ посѣщенія гнѣвомъ Божиимъ: а до посѣщенія она, конечно, еще равнодушнѣе относилась къ мысли о необходимости совершить обрѣзаніе надъ ея сыномъ. Для обрѣзанія послужилъ *камень*, т. е. каменный ножъ, какъ и во времена Іисуса Навина (Ис. Нав. 5, 2), или потому, что таковъ былъ обычай, или потому, что только каменный ножъ былъ подъ руками путешественниковъ.

Вскорѣ, можетъ быть, послѣ этого происшествія Сепфора была отпущена домой къ отцу (Исх. 18, 2).

Ст. 27—31. Обѣщанный (4, 14) Моисею помощникъ, старшій братъ Ааронъ, по особому откровенію Божию вышелъ на встрѣчу Моисею, къ горѣ Хориву (3, 1). Моисей открылъ ему волю Божию и показалъ чудеса (ср. ст. 30), которыми надлежало увѣрить народъ еврейскій въ Божественномъ посланничествѣ братьевъ. По прибытіи въ Египетъ Моисей и Ааронъ

обратились къ старѣйшинамъ народа, открыли имъ волю Божию, а тѣ собрали другое собраніе народное (ст. 31), передъ которыми Ааронъ совершилъ чудеса. Народъ повѣрилъ, что пришло время избавленія отъ бѣдствій, и обрадовался. Чувство радости и благодарности народъ выразилъ тѣмъ, что палъ на землю и поклонился Богу.

Обрадовался. Переводя такъ, исправляемъ еврейскій текстъ по греческому (ср. Неем. 12, 43).

П. Горскій-Платоновъ.

(Продолженіе будетъ).

Московскій періодъ (1821—1867 гг.) проповѣднической дѣятельности митрополита Филарета (Дроздова).

(Продолженіе *).

Мы помнимъ, что въ одной изъ проповѣдей своихъ, произнесенныхъ въ Маріинской Церкви Вдовьяго дома, святитель Филаретъ о благотворительности Царя говорилъ между прочимъ то, что «милующая и благотворящая десница Его нерѣдко, видимо или сокровенно, простирается и къ тѣмъ, которыхъ Его правосудіе поставляетъ ошуюю, на мѣстѣ суда и осужденія». При этомъ, конечно, разумѣются различныя мѣста заключенія преступниковъ, которыя, будучи уже сами по себѣ мѣстами мрака, какъ таковыя, освѣщались по временамъ свѣтомъ милости царской, а отсюда и общественной съ частною благотворительности. Все такое побуждаетъ насъ теперь же разсмотрѣть проповѣди Филарета, произнесенныя въ разное время и въ подобныхъ мѣстахъ. Первою изъ нихъ по времени является проповѣдь, произнесенная 23 декабря 1843 г. «по освященіи храма Пресвятыя Богородицы, Взысканія Погибшихъ, устроеннаго при замкѣ пересыльныхъ арестантовъ». Проповѣдь эта сказана на текстъ: *Всади ихъ во внутреннюю темницу, и ноги ихъ заби въ кладь. Въ полнощи же Павелъ и Сила молящися пояху Бога: послушаху же ихъ юзницы* (Дѣян. 16, 24. 25) и начинается такъ: «Вотъ и мы молящися поемъ Бо-

*) См. ж. «Вѣра и Разумъ», 1889 г., № 23.

на, если не въ самой темницѣ, то близъ самой темницы, и ради темницы и *слушаютъ* насъ *юзники*. Помышляя о томъ, что здѣсь нынѣ совершилось, хочу радоваться, радостію человѣколюбія: но нѣсколько и страшусь, страхомъ Божиимъ. Если бы кому пришло на мысль во дворѣ темничномъ построить царскій домъ: кто не сказалъ бы, это не сообразно съ достоинствомъ дома царскаго? Какъ же дерзнули мы во дворѣ темничномъ устроить домъ, болѣе нежели царскій, — домъ Божій? И далѣе ясно и краснорѣчиво мало-по-малу раскрываетъ и на основаніи слова Божія доказываетъ право и даже потребность устройства дома Божія въ мѣстѣ узъ и темницы, съ приличествующимъ наставленіемъ узникамъ и съ такими словами обращенія къ подвижникамъ человѣколюбія христіанскаго, посѣтителямъ темницъ, попечителямъ ихъ обитателей и пресельниковъ, а въ особенности соработникамъ дѣла благочестія, запечатлѣннаго благодатію: «не многое потребно слово тамъ, гдѣ уже довольно дѣла благонамѣренно совершилось или совершается. *Не обидливъ Богъ забыть дѣла вашего и труда любве, юже покажете во имя Его* (Евр. 6, 10). Любовь Божія да не престаётъ одушевлять и улаживать вашъ трудъ. Имя Господа Иисуса да исполняетъ силою слова и дѣйствія вашего человѣколюбія. Въ благоуспѣшномъ утѣшеніи бѣдствующихъ, въ обращеніи заблуждающихъ, въ радостномъ о семъ свидѣтельствѣ совѣсти вашей, да является вамъ и въ темницѣ Тотъ, Который отъялъ отъ нея поношеніе, и украсилъ ее Своимъ увѣреніемъ, что Онъ въ ней былъ: *въ темницѣ бѣхъ*. Аминь» ¹⁾. Въ отдѣльномъ же изданіи проповѣди за нею прямо и непосредственно слѣдуетъ составленная самимъ святителемъ Филаретомъ прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ *Молитва заключеннаго въ темницѣ* ²⁾. Чрезъ 10 слишкомъ лѣтъ послѣ произнесенія этой проповѣди, именно 2 сентября 1854 года святитель Филаретъ говорилъ «бесѣду по освященіи храма Пресвятыя Богородицы, взыскательницы погибшихъ, въ тюремномъ замкѣ пересыльныхъ арестантовъ», на текстъ: *Прииде бо Сынъ*

¹⁾ Стр. 276—283.

²⁾ Стр. 283—284.

человѣческой взыскати и спасти погибшаго (Матѣ. 18, 11). При этомъ въ началѣ бесѣды витія раскрываетъ значеніе названія Божіей Матери именемъ *взысканія погибшихъ* и утверждаетъ, что Она въ семь подражаетъ Своему Сыну и Богу, а потомъ говоритъ: «Милосердіе создало сей храмъ. Отъ милосердія родилась и та мысль, чтобы ознаменовать сей храмъ именемъ Божіей Матери, *Взыскательницы погибшихъ*. Въ намѣреніи было сдѣлать, и сдѣлано то, что храмъ сей именемъ своей Покровительницы, и своимъ наименованіемъ, непрестанно говорилъ входящимъ въ него и окружающимъ его: какъ бы вы ни находили себя несчастными, не предавайтесь унынію; хотя бы даже погибшими почитали вы себя, не предавайтесь отчаянію; есть и для *погибшихъ взысканіе и спасеніе*». И далѣе изъясняетъ, по обычаю, краснорѣчиво и основательно смыслъ этого изреченія ¹⁾, пополняя такимъ образомъ какъ бы то, чего не доставало въ подобной проповѣди 1843 года. Между тѣмъ за два года предъ симъ, именно 18 сентября 1852 года происходило освященіе храма Покрова Пресвятыя Богородицы въ Московскомъ тюремномъ замкѣ, и Филаретъ, совершавшій это освященіе, говорилъ по освященіи опять «Слово», на текстъ: *стояше Іисусъ, и зваше глаголя: аще кто жаждетъ, да придетъ ко Мнѣ и пьетъ* (Іоан. 7, 37). На основаніи этого текста раскрывъ мысль о томъ, какъ и какого рода жажду утоляетъ Іисусъ, святитель-витія въ концѣ своего слова обращается и къ самымъ заключеннымъ въ тюремномъ замкѣ. «Не поискать ли намъ особаго утоляющаго слова для особаго рода жаждущихъ, обитающихъ окрестъ сего храма?—Вѣроятно, всѣ вы страдаете одною жаждою,—жаждою освобожденія отсюда. Что же скажу вамъ? Нельзя вдругъ удовлетворить вашей жаждѣ тѣмъ образомъ, какимъ бы вы желали. Но подумайте, что бывали въ темницахъ люди, которые не страдали, или очень легко страдали жаждою освобожденія. Іосифъ въ темницѣ Египетской былъ, какъ хозяинъ: *вся бо бѣша въ рукахъ Іосифовыхъ* (Быт. 39, 23); Апостоль Петръ въ темницѣ Іерусалимской, въ навечеріи суда смертнаго, почивалъ спокойно, какъ

¹⁾ Соч. Ф. V, 535—639.

бы у себя въ домѣ; Апостолы Павелъ и Сила въ Филиппійской темницѣ благодушно *пояху Бога*, какъ бы въ церкви. Почему такъ? потому что они были невинны; потому что Христосъ былъ съ ними, какъ именно написано о Иосифѣ: *благше Господь съ Иосифомъ, возля на него милость*. Если и сюда нѣкоторыхъ изъ васъ невинныхъ привела испытующая судьба Божія: смотрите на сіи примѣры; прибѣгайте ко Христу, и уповайте, что будетъ *Господь съ вами* и, ранѣе или позже, *возлетъ на васъ милость*. А если у васъ лежитъ на совѣсти тяжесть вины: то разсудите, было ли бы для васъ благомъ скорое и легкое освобожденіе отсюда. Тяготѣющая на совѣсти вашей неправда, и болѣе или менѣе томящая жажда правды, или тоска по утраченной чести и добродѣтели, пошла бы отсюда съ вами; и кто знаетъ, не стали ль бы вы утолять сію жажду огнемъ вмѣсто воды, то есть, новыми неправдами вмѣсто покаянія. и такимъ образомъ не обратилась ли бы наконецъ утолимая жажда ваша въ ту огненную и неугасимую, въ которой человекъ, не искавшій пить отъ воды благодати во время земной жизни, за гробомъ искалъ для своего языка перста, омоченнаго въ водѣ, но искалъ тщетно. Заботьтесь лучше утолить не жажду внѣшняго освобожденія, но жажду внутренняго разрѣшенія отъ узъ грѣховъ и преступленій. Не допустите разгорѣться въ васъ палящей жаждѣ отчаянія, но, угашая ее слезами покаянія, притекайте ко Христу, Который хочетъ отъ васъ не нерадѣнія во глубинѣ золь и отчаянія, но покаянія и надежды. *Прииде бо Сынъ человѣскій взыскати и спасти погибшаго*. Аминь» ¹⁾ Лучшаго заключенія къ проповѣдямъ такого рода не могло быть; лучшаго заключенія и нашего разсмотрѣнія ихъ мы не могли придумать.

Какъ приложение къ послѣдне разсмотрѣнному разряду проповѣдей святителя Московскаго можетъ быть разсматриваемаго «Бесѣда по обновленіи храма Воскресенія Христова, при домѣ заключенія должниковъ», сказанная 22 декабря 1853 г. Она сказана на текстъ: *яко скры мя въ селени своемъ въ день золь моихъ* (Псал. 26, 5). Въ ней проповѣдникъ, указавъ на

¹⁾ Тамъ же, стр. 170—171.

особенную любовь Давида ко храму Божію, и въ объясненіе взятаго въ основаніе бесѣды текста сказавъ о Давидѣ: «потому, говоритъ, желалъ бы я всѣ дни моей жизни проводить въ домѣ Божіемъ, что въ самый бѣдственный день моей жизни Господь скрылъ меня въ селеніи Своемъ отъ угрожавшихъ мнѣ бѣдъ, во храмѣ Своемъ даровалъ мнѣ безопасность», далѣе ведетъ слѣдующую рѣчь: «да слышать сіе люди, которыхъ конечно не день благополучія, но *день золъ* заключилъ въ стѣнахъ сего дома. Пророкъ собственнымъ опытомъ удовлетворяетъ, что отъ дня золъ можно скрыться, найти безопасное убѣжище въ храмѣ Божіемъ. И такое убѣжище благочестивымъ и человѣколюбивымъ попеченіемъ о бѣдствующихъ, видите, какъ близко для нихъ уготовано, и какъ благоуукрашено. Видно, что не только думали приготовить и открыть святое приубѣжище для страждущихъ, но и старались видимою *красотою Господнею* привлечь сердца ихъ къ невидимой благодати Господней. Перенимайте же у достойнаго Давида его любовь ко храму Божію. Преслѣдуемые днями золъ, прибѣгайте сюда искать дней утѣшенія, благодати и мира. Чѣмъ усердиѣе будете прибѣгать сюда: тѣмъ вѣрнѣе найдете утѣшеніе, благодать и миръ»¹⁾. Что лучше, что отраднѣе было выслушать заключеннымъ должникамъ, какъ не это истинно отеческое слово утѣшенія въ ихъ скорби, приключившейся въ *день золъ*?

Такъ наконецъ вполне замыкается рядъ проповѣдей святаго Филарета, произнесенныхъ въ 30-лѣтній періодъ царствованія Николая Павловича и съ подобающею широтою раскрывающихъ благотворительную дѣятельность этого благословеннаго царствованія, начиная отъ прямо благотворительныхъ учрежденій и кончая учрежденіями, въ которыхъ благотворящая *десница* простирается и къ тѣмъ, которые правосудіемъ поставляются *ошуюю* и назначаются въ разнообразныя мѣста заключенія. Такъ исчерпывается вся обильная содержаніемъ дѣятельность правительства по внутреннему благоустройству Имперіи, по скольку этой дѣятельности касается Филаретъ въ

¹⁾ Стр. 241. Срав. *Моск. Вѣдом.* 1853 г. № 155.

своихъ проповѣдяхъ. Остается у насъ недоконченнымъ съ этой стороны только одно, -- это -- отношенія святителя къ тѣмъ или инымъ особамъ Августѣйшей фамилии и ихъ личной дѣятельности на благо Отечества, опять насколько эти отношенія выразились въ проповѣдяхъ Филарета, ибо не достало бы и времени повѣствовать о томъ на основаніи множества другихъ оставшихся отъ него письменныхъ данныхъ. При томъ даже и въ проповѣдяхъ святителя, для краткости обозрѣнія, мы будемъ имѣть въ виду лишь болѣе крупныя случаи этихъ отношеній, такъ какъ уже и изъ разсмотрѣннаго доселѣ мы могли видѣть, какъ часто при всякомъ удобномъ случаѣ царлюбивая душа святителя обращалась съ любовію къ Царскому Дому въ своихъ проповѣдяхъ. Едва не каждый, особенно изъ главнѣйшихъ Царскій день въ году, каждое учрежденіе Царской мудрости или челоуколюбія. и под. служили Филарету такимъ случаемъ. Для большаго удобства и въ видахъ разнообразія, мы будемъ слѣдить за означенными случаями опять въ хронологическомъ порядкѣ. Это же, смѣемъ надѣяться, кстати будетъ служить и дополненіемъ доселѣ разсмотрѣннаго въ разныхъ отношеніяхъ.

Прежде всего въ настоящемъ случаѣ мы должны были бы разсматривать отношенія святителя къ самой вѣнчанной главѣ царствующаго дома, императору Николаю. Но такъ какъ эти отношенія и безъ того продолжаются на все время его царствованія, а между тѣмъ другія особы этого дома скончались, раньше или позже, въ теченіе этого царствованія, то мы лучше начнемъ съ родительницы императора, царицы-матери Маріи Ѳеодоровны, тѣмъ болѣе, что, во-первыхъ, она и скончалась чрезъ три года по восшествіи его на престолъ, да и въ хронологическомъ порядкѣ отношеніе Филарета къ царствующему дому занимаетъ первое мѣсто, такъ какъ, если мы не забыли, Филарету въ наступившее царствованіе прежде всего съ нею представлялся случай лично видѣться въ 1826 году, предъ коронаціею новаго императора. Мы помнимъ рѣчи, которыя Филаретъ произносилъ предъ нею не разъ въ бытность ея въ Москвѣ въ семь году. Не забыли мы также и слова проповѣди Филарета по отбытіи ея изъ Москвы въ томъ же

году, которыми онъ почтилъ ее въ учрежденномъ ею Вдовьемъ домѣ 6 декабря, равно какъ и другихъ проповѣдей Филарета, въ коихъ онъ, особенно касаяся благотворительныхъ учрежденій, достойно чтить имя ея и при жизни и по кончинѣ ея. Время кончины царицы-матери, къ сожалѣнію, совпало съ временемъ всегда непріятнаго и болѣзненнаго для Филарета перѣзда послѣдняго изъ Москвы въ Петербургъ на засѣданія Св. Синода. Самую первую вѣсть о кончинѣ ея онъ получилъ дорогою и потому, конечно, не могъ почтить усопшую словомъ съ церковной кафедры. «Въ Мѣдномъ, гдѣ я ночью, писалъ святитель Филаретъ къ своему викарію Иннокентію Сельнокринову отъ 27 октября 1828 года, смотритель станціи рассказываетъ печальную вѣсть, о которой въ Твери не сказывалъ мнѣ преосвященный ¹⁾. Видно и то надобно было, чтобы я не могъ размыслить о ней нѣсколькими часами ранѣе. Теперь поздно возвращаться въ Москву ²⁾, хотя продолженіе путешествія моего также не нравится мнѣ, какъ и начало. Сегодня утромъ дорога была хуже, а я лучше; подъ вечеръ дорога лучше, а я хуже. Богъ терпѣнія и утѣшенія да будетъ съ вами. Молитесь, да не оставитъ и мое недостоинство» ³⁾ По приѣздѣ въ Петербургъ, Филаретъ, не смотря на продолжавшуюся болѣзненность свою отъ пути, имѣлъ нѣкоторое утѣшеніе, и притомъ единственное, въ молитвѣ объ усопшей какъ на панихидахъ, такъ и при погребеніи, состоявшемся 13 ноября со всею печальною торжественностію. Въ день погребенія Филаретъ чувствовалъ себя въ здоровьи такъ дурно, что едва-едва кончилъ свое участіе въ церемоніи дня и ниша о томъ викарію, какъ о великой милости и долготерпѣніи къ себѣ Бога, добавлялъ даже: «однакоже сомнительно, хорошо ли продолжать службу съ такимъ здоровьемъ. Надобно ли дожидаться того, чтобы упасть въ церкви или на дорогѣ?» ⁴⁾ Са-

¹⁾ Амвросій Протасовъ.

²⁾ А на чужой кафедрѣ (въ Петербургѣ), по каноническимъ правиламъ, нельзя было Филарету проповѣдывать.

³⁾ *Приб. къ Твор.* 1872, XXV, 37.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 46; срав. 45. Припомнимъ о головокруженіяхъ, которыя бывали иногда съ Филаретомъ.

мое описаніе церемоніи погребенія императрицы-матери мы не будемъ дѣлать; но мыслей Филарета по поводу кончины ея мы не можемъ опустить; ибо онѣ стоѣтъ проповѣди, которой Филарету не удалось произнести. «Печально! пишетъ онъ въ письмѣ къ тому же викарію отъ 4 ноября 1828 года. Когда вземлетъ добрая душа: мнѣ всегда приходитъ на мысль, что заграждается одинъ изъ притоковъ благословеній на оставшееся на землѣ. Кончина государыни показывасть, что съ нею было благословеніе. Много страдавъ въ продолженіи лѣтъ заботою любви о сынѣ и отечествѣ ¹⁾, утѣшена возвращеніемъ сына; благовременно занялась приготовленіемъ къ смерти, предъ исповѣдію оставалась не малое время въ уединеніи, безъ сомнѣнія, чтобы собраться предварительною молитвою, размышленіемъ и обзорѣніемъ жизни; исповѣдывалась и приобщилась святыхъ таинъ съ великимъ вниманіемъ; не позволила послѣшности въ чтеніи молитвъ; потомъ благословила дѣтей, однихъ лично, другихъ заочно; со всѣми простилась; скончалась тихо, имѣя государя подлѣ себя на колѣняхъ стоящаго. Государь и государыня оплакивають ея, какъ наилучшіе дѣти наилучшей матери; да и всѣ оплакивають какъ мать. Миръ душѣ ея! Надобно молиться, чтобы Богъ послалъ государю совершенное утѣшеніе» ²⁾. И Богъ подлинно послалъ Государю такое утѣшеніе, въ благословенной семьѣ, которая, произрасши какъ бы отъ корня, отъ императрицы усопшей, въ немъ и чрезъ него въ древо многовѣтвистое и благосѣннолиственное, воплотила въ себѣ и всѣ добродѣтели усопшей, особенно благодаря тому, что и августѣйшая супруга его, императрица Александра Теодоровна, была подлинно образцомъ и семейныхъ и другихъ добродѣтелей, а чрезъ то оживотворялось все семейное счастье августѣйшей фамиліи и оплодотворялись всѣ благія предпріятія сей послѣдней. Николай былъ въ точномъ смыслѣ отецъ немалочисленнаго и благословеннаго семейства

¹⁾ Мы помнимъ, что это было время Турецкой войны, которой, кстати сказать, въ Бозѣ почившая императрица при жизни своей весьма не желала, какъ о томъ свидѣтельствуютъ близкія къ ней лица. См. *Русск. Архивъ*, 1869 г. стр. 632, 633.

²⁾ *Приб. къ Твор.* 1872, XXV, 39—40.

у себя дома; и таковымъ же былъ въ многочисленной семьѣ сыновъ Россіи: такъ чувствовалось всегда его положеніе среди той и другой семьи. Такой именно смыслъ имѣеть слѣдующая превосходная во всѣхъ отношеніяхъ рѣчь Филарета, которою встрѣтилъ онъ государя императора 20 сентября 1832 г. предъ вступленіемъ Его Величества въ Успенскій соборъ: «Благочестивѣйшій Государь! Каждый годъ является весна, каждый день восходитъ солнце: но явленіе ихъ всегда ново, всегда радостно для земли, которая въ нихъ чувствуетъ свою собственную жизнь. Такъ радость лицезрѣнія Твоего, вѣнчанный Свѣтъ нашъ, по благодати Твоей къ намъ уже не рѣдкая, и теперь, какъ бы въ первый разъ, нова для насъ, и полна, потому что сердца наши чувствуютъ въ Тебѣ душу народной жизни. Да будетъ же наша о Тебѣ радость радостна и Тебѣ; ибо кромѣ сего нѣтъ для Тебя за насъ достойной на земли награды. Царь царствующихъ да продолжитъ сохранять Тебя, такъ же во всемъ Твоемъ царствѣ, какъ и въ Твоемъ благословенномъ семействѣ. Отцемъ о чадѣхъ веселящимся»¹⁾. И вотъ въ этомъ благословенномъ семействѣ, время отъ времени, совершались событія, которыхъ Филаретъ не могъ обойти вниманіемъ и съ церковной кафедры. Такъ въ 1834 году, какъ мы отчасти уже знаемъ изъ вышесказаннаго, исполнилось совершеннолѣтіе Наслѣдника Престола Цесаревича Александра Николаевича, которому 17 апрѣля сего года минуло 16 лѣтъ. День этотъ особенно торжественно праздновался, конечно, въ Петербургѣ, гдѣ въ это время былъ и Филаретъ, которому Богъ судилъ быть и свидѣтелемъ этого радостно-торжественнаго событія. Въ качествѣ свидѣтеля-очевидца онъ живо описываетъ это событіе въ одной изъ своихъ проповѣдей, произнесенныхъ по возвращеніи изъ Петербурга въ Москву. Мы разумѣемъ его слово въ день рожденія Государя Императора, говоренное 25 іюня 1834 года, на текстъ: *вѣмъ бо, яко заповѣсть сыномъ своимъ, и дому своему по себѣ: и сохраняютъ пути Господни, творити правду и судъ* (Быт. 18, 19). Вотъ слова этой проповѣди, касающіяся разсматриваемаго со-

¹⁾ Соч. Фил. III, 206—207; срав. также рѣчь 1835 г., тамъ же стр. 359—360.

бытія: «Поелику годъ Царя,—начинаетъ свое слово святитель-проповѣдникъ, — принадлежа Ему, какъ годъ жизни, принадлежитъ вмѣстѣ и царству, какъ годъ царствованія: то не удивительно, что въ настоящій день, граничный между окончившимся и начинающимъ годомъ Благочестивѣйшаго Самодержца нашего, востаетъ вся Россія, и устремляетъ изощренное око на прошедшее, на будущее, на небо, съ благодареніемъ, съ надеждою, съ молитвою. Одна изъ особенностей совершившагося года Царева ¹⁾ состоитъ въ томъ, что рядомъ съ симъ годомъ, какъ юная луна при солнцѣ на ясномъ небѣ, явился начальный годъ совершеннолѣтія Наслѣдника Престола. Какъ теперь еще вижу я сей прекрасный вечеръ, по истинѣ достойный дня Христова. Среди величественнаго храма, среди пѣснопѣній и молитвъ предъ открытымъ олтаремъ Воскресшаго ²⁾, на минуту прерванныхъ, къ открытому Слову жизни, къ спасительному Кресту Христову Царь настоящій ведетъ юнаго Царя будущаго, между тѣмъ какъ вѣнецъ и скипетръ и держава, какъ знаменія будущаго царствованія, покоятся о страну. Сколько важныхъ мыслей можно прочесть въ семь зрѣлищъ, когда оно еще безмолвствуетъ! Итакъ, вступленіе Порфиророднаго на путь къ Престолу должно быть на пути къ олтарю. Итакъ, заповѣдь, обѣтъ, молитва, суть предобрученіе вѣнца, скипетра, державы. Итакъ, крестъ есть предварительный вѣнецъ вѣнца, и силу будущей власти Царской надлежитъ извлечь изъ лобзаемаго Евангелія. Итакъ, чтобы благонадежно завѣщавать царство, для сего, видно, надлежитъ прежде крѣпко завѣщать благочестіе. Слышу священный обѣтъ Сына Царева, и вдругъ открывается, что совершеннолѣтіе, которое самъ вступающій въ оное съ толикою скромностію называлъ *раннимъ*, есть напротивъ того вполне зрѣлое: потому что онъ возвышенно понялъ высокіе помыслы своего Родителя, и глубоко почувствовалъ важность настоящаго мгновенія. Онъ стоитъ предъ Богомъ, какъ живая жертва, приносимая

1) Такъ въ подлинной рукописи было; а въ печатныхъ изданіяхъ поправлено на слово: «царства».

2) Въ 1834 году Пасха была 22 апрѣля.

Царемъ-Отцемъ за будущее благосостояніе Царства и, согласно съ волею Родителя, и Самъ представляетъ себя въ жертву, и облакъ слезъ, восходящій въ очахъ его, даетъ примѣтить, что еиміамъ непорочнаго сердца его восходитъ горѣ. Мнѣ кажется, что и вы были при семъ царственномъ жертвоприношеніи, поелику въ то же время приносили ту же молитву: такъ хотѣлъ Благочестивѣйшій Государь, Который любить, поколику возможно, быть съ вами во всемъ едино. Но я былъ при ономъ ближе, и могу вамъ свидѣтельствовать, что сколь поразительно нѣкогда чудна была жертва ¹⁾: орошенная удвоеннымъ и утроеннымъ возліаніемъ воды, чтобы потомъ пришелъ на нее небесный огонь, столь сладостно чудною явилась наша безцѣнная живая жертва, орошенная всеобщими слезами любви, радости и молитвы, дабы пришелъ на нее животворный огонь благословенія свыше. Ты призрѣлъ на сіе мгновеніе, Царю небесъ и вѣчности, предъ Которымъ и ни одно земное мгновеніе нѣсть забвено. Тебѣ принесены сіи слезы, столь искреннія, столь единомушныя, столь чистыя, какія только можетъ проливать Отецъ Отечества вмѣстѣ съ сынами царства. Когда жребій нашъ придетъ предъ лице Твое; когда судьбы Твои вопросятъ у Тебя, открыть ли на насъ сокровища гнѣва по грѣхамъ нашимъ. или сокровища щедротъ, по вѣрѣ въ Тебя: тогда, Господи, помяни вновь сіе мгновеніе, призри еще на сіи слезы; и еще изреки на насъ судъ милосердія; еще изнеси намъ державный жребій спасенія и мира. Благочестивѣйшему же Царю нашему, Который царствуетъ не только для современниковъ, но и для потомства, Который такъ же печется о царствованіи будущемъ, какъ о настоящемъ, и попеченія Свои о будущемъ предъ Тобою, вѣчный Царю, полагаетъ, и Тобою обезпечиваетъ---умножи и лѣта Его царствованія, и благословенія Твои на нихъ, тѣмъ обильнѣе, чѣмъ благоизвольнѣе ввѣряетъ Онъ себя, и своего Наслѣдника, и Свое царство державѣ Твоего Провидѣнія ²⁾.

1) Въ рукописи автора и было ясно поставлено: «жертва Или».

2) Соч. Фил. III, 265—267.

Мы не забыли, конечно, что въ Москвѣ памятникомъ совершеннѣйшаго наследника престола было воспитательно-благотворительное учрежденіе съ храмомъ во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, небеснаго покровителя наследника престола. Извѣстно, что тогдашній наследникъ, впоследствии Благочестивѣйшій Государь Императоръ Александръ Николаевичъ родился (въ 1818 году) въ Москвѣ. На это обстоятельство, въ связи съ совершеннѣйшимъ его, Филаретъ указываетъ въ рѣчи своей къ императору при вступленіи послѣдняго съ Наслѣдникомъ въ Успенскій соборъ 19 октября того же 1834 года. Вотъ эта рѣчь: «Благочестивѣйшій Государь! Столица, радующаяся при одной мысли, что ей даровано быть колыбелью Твоего Первенца, — естественно, съ живѣйшею радостію видитъ въ годъ совершеннѣйшаго Того, Котораго приняла она въ день рожденія отъ самаго вѣдра Благочадныя Матери. Радость сія возвышается и еще — восхитительною мыслию, что Твоя любовь даритъ намъ нынѣ сію нечаянную радость. Такая радость не нашла бы для себя довольно словъ. Но за нее можетъ говорить простая сердечная молитва: да хранитъ Господь выну Тебя—нашъ миръ и нашу радость, и Твоего возлюбленнаго Наслѣдника — нашу надежду, и да продолжитъ умножать Твои семейственные радости, которыми такъ отечески дѣлишься съ Твоимъ же обширнымъ семействомъ — Твоихъ вѣрноподданныхъ»¹⁾. Въ концѣ слѣдующаго 1835 года исполнилось десять лѣтъ со дня воцаренія императора Николая Павловича. Въ эти не многіе годы сдѣлано было однакоже такъ много и внутри и внѣ Россіи, что не помянуть протекшаго десятилѣтія добрымъ словомъ съ церковной кафедры было для Филарета невозможно. Проведши зиму 1835—1836 года въ Петербургѣ, Филаретъ могъ исполнить этотъ нравственный долгъ свой только уже во второй половинѣ 1836 года, по приѣздѣ изъ Петербурга въ Москву. И онъ его исполняетъ въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, въ рѣчи своей, говореной государю императору предъ вступленіемъ его въ Успенскій соборъ 11 августа это-

¹⁾ Соч. Фил., III, 282.

го года и во-вторыхъ, въ словѣ на день коронаціи Государя, сказанномъ въ той же церкви 22 августа того же года. Въ рѣчи своей къ Государю Филаретъ говоритъ: «Срѣтая Тебя въ семь Царскомъ мѣсяцѣ ¹⁾, предъ симъ храмомъ Твоего царскаго вѣнчанія, не можемъ не вспомнить и не усмотрѣть нынѣ, что надъ главою Твоею совершился нерукотворенный вѣнецъ,—вѣнецъ десятилѣтія Царскихъ подвиговъ,—вѣнецъ чѣмъ болѣе трудною работою Твоего духа выработанный, тѣмъ болѣе драгоцѣнный для насъ и для потомства. И оградивъ нашу безопасность и спокойствіе, Ты не покоишься, но тѣмъ не менѣе подвизаешься, дабы упрочить и возвысить наше благоденствіе. Не для сего ли и теперь обходишь насъ, почивающихъ подъ сѣнію Твоего Престола, чтобы собственнымъ окомъ видѣть людей и дѣла, и непосредственными мановеніями все направлять къ правдѣ, къ пользѣ, къ порядку, ко благу, къ совершенству? — Все сіе видя и сознавая, что иное можетъ чувствовать, какъ радоваться, благодарить и непрестанно желать, чтобы *Вѣнчающій Тебя милостію и щедротами* непрестанно украшалъ Тебя новыми вѣнцами благословенныхъ лѣтъ, дѣяній, славы, которыми вѣрный народъ Твой красуется, какъ своимъ собственнымъ украшеніемъ» ²⁾. Въ словѣ же своемъ на день коронаціи, сказанномъ на текстъ: *повинитесь убо всякому человеку созданію Господа ради: аще Царю, яко преобладающе, аще ли же княземъ, яко отъ него посланнымъ, во отмищеніе убо злодѣемъ, во похвалу же благотворцемъ* (1 Петр. 2, 13, 14), святитель-проповѣдникъ и подробно описываетъ «драгоцѣнности сего вѣнца». Вотъ существенныя черты этого описанія дѣяній десятилѣтняго круга царствованія, въ большей своей части уже извѣстныхъ намъ и потому не требующихъ поясненія. «Враги внѣшніе, — говорить проповѣдникъ,— побѣждены и укрощены. Враги домашніе уничижены. Союзы, особенно благопріятныя миру царей и народовъ, укрѣплены особенно. Рѣдкимъ царскимъ искус-

¹⁾ Августъ царскимъ мѣсяцемъ названъ, очевидно, потому, что въ этомъ мѣсяцѣ праздновалась коронація и тезоименитство наследника престола.

²⁾ Соч. Фил. IV, 601.

ствомъ враги переработаны въ друзей. Силѣ бѣдствій, которыя предупредить и отвратить не во власти человѣческой было, не разъ могущественно и благодѣтельно противопоставлено личное присутствіе духа Благочестивѣйшаго Императора. Военныя силы бдительнымъ попеченіемъ непрерывно содержаны и содержатся въ развитіи, соотвѣтственномъ достоинству и безопасности Государства; въ особенности же морскія, не только увеличены, но не знаю, не сказать ли, воскрешены пристальнымъ животворнымъ Царскимъ взоромъ. Просвѣщеніе, искусства, промышленность разнообразно поощрены. Законодательство и правосудіе получило свой особенный вѣнецъ въ систематическомъ составѣ законовъ. Человѣколюбивыя заведенія для воспитанія, врачеванія, призрѣнія, возвращены въ числѣ, и цвѣтутъ подъ незаходящимъ солнцемъ непосредственнаго Царскаго призрѣнія. Всякая нужда, бѣдность, несчастіе, общественное, частное, непрерывно находили и находятъ отверстою благодѣющую руку Царскую», и т. д. ¹⁾.

Въ отеческомъ попеченіи о благѣ Россіи, не только настоящемъ, но и будущемъ, государь императоръ послалъ возлюбленнаго сына своего—первенца въ путешествіе по обширнымъ владѣніямъ Россійской Имперіи не только европейскимъ, но и азіатскимъ, для личнаго ознакомленія съ народами подвластными, ихъ нуждами и потребностями, движеніемъ жизни народной, гражданской, государственной, съ мѣстными органами управленія и т. д. По возвращеніи изъ этого путешествія, государь послѣдникъ посѣтилъ Москву и ея святыню. Предъ вступленіемъ его въ Успенскій соборъ 24 іюля 1837 года, Филаретъ встрѣтилъ его слѣдующею замѣчательною рѣчью: «Благовѣрный Государь! Всегда свѣтло для насъ Твое пришествіе, какъ заря отъ Солнца Россіи, но на сей разъ новые виды, новыя чувствованія и думы. Съ особенною радостію срѣтаемъ Тебя послѣ Твоего путешествія даже въ другую часть свѣта, хотя все въ одномъ и томъ же Отецествѣ; ибо сердце наше трепетно слѣдовало за Твоимъ раннимъ, дальнимъ и быстрымъ полетомъ. Но что значить

¹⁾ Тамъ же, стр. 31.

сіе путешествіе? Не то ли, что сказалъ древній мудрецъ: *обходи страны умножитъ мудрость*? Тебѣ должно наслѣдовать мудрость, объемлющую огромнѣйшее изъ царствъ земныхъ: и дальновидная попечительность Августѣйшаго Родителя Твоего сверхъ домашняго руководства къ сей мудрости, назначила для Тебя учебною храниною—Россію. И что же? *Обходя страны* Россіи, уже Ты простерся далѣе, нежели кто-либо изъ ея Царей. Собственное око Твое собираетъ или повѣряетъ и умножаетъ свѣдѣнія о ея силахъ, средствахъ и потребностяхъ. Какихъ вождельныхъ плодовъ должна надѣяться отъ сего Россія!— Се и на древле престольный градъ простираешь наблюдательныя взоры. Глубокая мысль ведетъ Тебя почтить здѣсь святыню, освящающую Царей и хранящую приснопамятныи покой освященныхъ ею Твоихъ родоначальниковъ. Здѣсь наипаче прикасаешься Ты сердцу Россіи, и его жизненную силу, которая есть наслѣдственная любовь къ наслѣдственнымъ Государямъ, отразившую въ прежнихъ и нынѣшнемъ вѣкахъ столько враждебныхъ силъ, видишь въ ея свободной игрѣ,— въ сихъ волнахъ стремящагося къ Тебѣ народа, въ сихъ восторженныхъ взорахъ, въ сихъ торжественныхъ восклицаніяхъ. Любовь Россіянъ да содѣлаетъ Тебѣ легкимъ трудъ, внушенный любовію къ Россіи. Когда же возвратишься къ возлюбленному Тебѣ и намъ Твоему Родителю: возвѣсти Ему, что Россія чувствуетъ Его дальновидную о ней попечительность; что мы благословляемъ Его какъ за себя самихъ, такъ и за потомство; что мы молимся, чтобы родъ и родъ потомства возрасталъ и созрѣвалъ предъ очами Его и Твоими, дабы за себя и за насъ благословлять Его и Тебя»¹⁾. 2 августа наслѣдникъ цесаревичъ посѣтилъ и Лавру Преподобнаго Сергія по древнему благочестивому обычаю своихъ державныхъ предковъ. Филаретъ и тамъ, предупредивъ его туда прибытіе, встрѣтилъ Его Высочество рѣчью, въ которой, опять указавъ на его путешествіе и между прочимъ на прибытіе въ обитель пустытника, замѣтилъ, что и эта обитель, какъ съ одной стороны «разсадникъ ученія и жизни духовной», а съ другой,

1) Стр. 53—54.

какъ «твердыня, на которую иногда могла опереться столица и Россія», не лишена также государственнаго значенія въ видахъ путешествія наследника ¹⁾. Мысль о значеніи путешествія наследника святитель не преминулъ выразить и въ своей рѣчи къ августѣйшей матери его, Императрицѣ Александрѣ Теодоровнѣ, предъ вступленіемъ Ея Величества въ Успенскій соборъ 4 августа того же 1837 года. «Возвращаясь,—читаемъ въ этой рѣчи о Наслѣдникѣ,—Онъ приноситъ Тебѣ радость, которою возрадовались о Немъ миллионы Россіянъ. Тобою рождена вся сія радость. Такъ благословилъ Тебя Господь, купно съ Твоимъ Августѣйшимъ Супругомъ» ²⁾. А такъ какъ милосердный государь наследникъ, въ бытность свою въ Сибири, обратилъ милостивые взоры свои между прочимъ и на политическихъ преступниковъ, изъ коихъ нѣкоторые, бывъ замѣшаны въ декабрьскихъ смутахъ 1825 года и живя на поселеніи въ Сибири, раскаялись въ своихъ заблужденіяхъ, и такъ какъ по возвращеніи своемъ въ столицу Имперія испросилъ имъ облегченіе ихъ участи у Августѣйшаго родителя своего, то и на эту свѣтлую черту путешествія государя наследника не преминулъ указать святитель Московскій потомъ. Именно въ его проповѣди на день коронаціи государя императора 22 августа того же 1837 года мы читаемъ: «можно ли не вспомнать теперь, что и перво-родный Сынъ Благочестивѣйшаго Государя нашего, вступая съ возрастомъ въ неотсрочное наслѣдіе Родительскихъ добродѣтелей, одно изъ равныхъ движеній наслѣдственной благодати явилъ въ сострадательномъ вниманіи къ судьбѣ должниковъ правосудія, и въ ходатайствѣ предъ Августѣйшимъ Родителемъ о ея облегченіи, какое только возможно милосердію безъ оскорбленія правосудія; и что милосердіе Царя съ радостію отозвалось милосердію Сына Царева?» ³⁾. Между тѣмъ вскорѣ послѣ того и самъ государь императоръ, совершивъ путешествіе по Россіи и побывавъ даже въ Закавказскомъ

¹⁾ Стр. 54—55.

²⁾ Стр. 55—56.

³⁾ Стр. 57.

краѣ, прибылъ въ Москву, къ упредившему его прибытіе сюда августѣйшему семейству, причемъ 27 октября Филаретъ его встрѣтилъ извѣстною намъ рѣчью предъ вступленіемъ въ Успенскій соборъ, «по возвращеніи Его Императорскаго Величества изъ Закавказскаго путешествія» ¹⁾). Въ этой рѣчи, если мы не забыли ея, Филаретъ между прочимъ говорилъ: «Благочестивѣйшій Государь! Подвиги не утомляютъ Тебя. Но если, по слову Премудраго, *время всякой вещи*, а слѣдственно должно быть нѣкоторое время и покою: то приди, много ради насъ подвизающемуся духу Твоему дай опочить—на нашихъ сердцахъ» ²⁾). Дѣйствительно, государь этою осенью болѣе мѣсяца спокойно прожилъ въ Москвѣ окруженный своимъ благословеннымъ семействомъ и любовію москвичей, въ исполненіи обычныхъ дѣлъ мирнаго государственнаго управленія, челоуѣколюбія и благочестія, что подало поводъ Филарету сказать въ день восшествія на престолъ государя императора 20 ноября свое знаменитое по глубинѣ заключающагося въ немъ государственнаго ученія слово объ отношеніи между государствомъ и семействомъ и о важности семейства въ составѣ государства. «Зрѣлище Царскаго благословеннаго Семейства,—говорить въ этомъ словѣ Филаретъ,—которымъ въ сіе время наслаждается сія столица, представляетъ намъ, Россіяне, среди высокихъ доблестей Царскихъ, въ столь же возвышенномъ свѣтѣ доблести семейственныя. Доблести царскія суть достояніе собственно Царево: доблести семейственныя могутъ и должны быть общимъ достояніемъ Царя и народа» ³⁾). И въ виду этого за тѣмъ раскрываетъ упомянутое ученіе, излагать которое мы будемъ въ свое время. Лишь въ началѣ декабря государь императоръ съ августѣйшею фамиліею оставили Москву и отправились въ Петербургъ. Филаретъ напутствовалъ августѣйшихъ гостей своимъ описаніемъ ихъ пребыванія въ Москвѣ, помѣщеннымъ въ № 101 *Московскихъ Вѣдомостей* за 1837 годъ, съ молит-

1) Стр. 73.

2) Стр. 74.

3) Стр. 75.

вою въ заключеніи этого описанія: *Господи, спаси Царя и услыши ны, въ оныя же аще день призовемъ Тя* ¹⁾, и вскорѣ по отбытіи ихъ самъ отправился также въ Петербургъ для обычнаго участія въ засѣданіяхъ Св. Синода. Это было 12 декабря. 17 декабря онъ прибылъ въ Петербургъ къ вечеру; но ему «вмѣсто того, чтобы въ первую ночь отдохнуть» отъ пути и полученной въ дорогѣ болѣзненности простудной, «надлежало,—какъ онъ самъ о себѣ пишетъ,—видѣть зарево пожара Зимняго Дворца и проводить время въ печальныхъ и заботливыхъ размышленіяхъ», конечно, — объ августѣйшемъ семействѣ ²⁾. Пожаръ Зимняго Дворца,—этого величественнѣйшаго въ Европѣ зданія, построеннаго еще дочерію Петра Великаго императрицею Елисаветою, вмѣщавшаго въ себѣ несмѣтныя сокровища вещественныя, а что дороже всѣхъ сокровищъ,—всю августѣйшую фамилію начиная съ самаго царя,—конечно былъ весьма прискорбнымъ не только въ жизни августѣйшаго семейства, но и всей Россіи событіемъ. Однако, благодаря мудрой распорядительности государя императора и его августѣйшаго брата, великаго князя Михаила Павловича, какъ августѣйшія малолѣтнія дѣти были отвезены въ Аничковъ Дворецъ заблаговременно, такъ и почти всѣ сокровища Дворца, равно какъ и примыкавшее къ послѣднему зданіе Эрмитажа, были спасены отъ пожара, истребившаго Дворецъ. Въ 1838 году, по волѣ императора, начались энергическія работы по возобновленію Зимняго Дворца. Государь сказалъ, что въ будущемъ (1839) году онъ будетъ праздновать Пасху въ новомъ Зимнемъ Дворцѣ,—и воля его должна была быть исполнена. Между тѣмъ какъ самъ государь императоръ значительную часть лѣта 1838 г., а государь наследникъ даже и все лѣто и осень 1838 и зиму 1838—1839 г. провели за границею и между тѣмъ какъ въ концѣ 1838 г. обрядъ обрученія великой княжны Маріи Николаевны съ герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ происходилъ въ временной

1) См. № 101 *Моск. Вѣд.* за 1837 годъ, стр. 757. Срав. *Прав. Обзр.* 1887, I, 220—221: «Письма Филар. къ викарію Виталию».

2) См. письма Ф. къ Ант. I, 265.

походной церкви, устроенной въ Эрмитажѣ, въ Петербургѣ, тысячи челоуѣкъ трудились надъ возстановленіемъ Зимняго Дворца, и воля императора была своевременно исполнена. Въ началѣ 1839 года дворець, какъ фепиксъ, возникъ изъ пепла въ прежнемъ и даже въ большемъ по сравненію съ прежнимъ величіи. «Государь Императоръ исполнилъ царское слово, писалъ изъ Петербурга отъ 29 марта 1839 года своему викарію (Виталію Щепетеву) Филаретъ, изреченное вскорѣ послѣ бѣдственнаго приключенія съ дворцомъ. Онъ возобновленъ лучше прежняго, и Пасха празднована въ большемъ придворномъ соборѣ, подлежавшемъ общей съ дворцомъ участи» ¹⁾. И въ виду всего, происшедшаго въ 1837—1839 г. относительно царскаго семейства, когда императоръ въ концѣ лѣта 1839 года былъ въ Москвѣ на маневрахъ, имѣвшихъ особенное, своего рода историческое, значеніе въ виду воспомнаній о 1812 годѣ, связанныхъ съ бывшими тогда церковно-государственными празднествами на поляхъ Бородинскихъ и въ виду заложения храма Христа Спасителя на новомъ мѣстѣ, Филаретъ встрѣтилъ государя въ Успенскомъ соборѣ 4 сентября слѣдующею рѣчью: «Благочестивѣйшій Государь! Съ благоговѣніемъ слышалъ Твой древлепрестольный градъ, какъ Ты, воздавая честь подвигамъ рода минувшаго, въ то же время поучалъ подвигамъ родъ настоящій и грядущій, какъ освящалъ славу благочестіемъ, какъ чуждую нѣги жизнь воинскаго стана услаждалъ для воиновъ Твоимъ примѣромъ. Наконецъ и видитъ Тебя Твой древлепрестольный градъ, и радостными взорами особенно ищетъ теперь увидѣть во взорахъ Твоихъ отсвѣтъ радости, озарившей недавно Твой благословенный Домъ. Твой первенецъ возвратился въ Твои объятія, плѣнивъ сердца и чуждыхъ народовъ доблестями, которыя наслѣдовалъ отъ Тебя рожденіемъ, и которыя Ты образовалъ въ немъ воспитаніемъ. Любовь къ Отечеству Твоей первой Дщери, при Твоемъ родительскомъ попеченіи, навсегда упрочила Ее для Россіи, содѣлавъ и Супруга Ея сыномъ Россіи. Вниди въ сіе царственное святилище соединить Твою

¹⁾ См. въ *Прав. Обзор.* 1887, I, 428—429.

благодарную молитву съ нашею; и новыя благодаренія Неба да орошаютъ выну Твое благодарное предъ Богомъ сердце»¹⁾. Къ радости объ упомянутыхъ сейчасъ событіяхъ вскорѣ присоединилась въ августѣйшемъ семействѣ новая радость. Государь наслѣдникъ цесаревичъ, во время своего заграничнаго путешествія въ 1838—1839 годахъ, въ бытность свою при одномъ изъ иностранныхъ дворовъ (Гессенъ-Дармштадскомъ) обрѣлъ себѣ будущую спутницу жизни, принцессу Марію Гессенскую, по принятіи православія наименованную Маріей Александровною. Раннею весною 1841 года состоялось и бракосочетаніе Ихъ Высочествъ. Въ маѣ 13-го числа того же года Высоконовообрачные, вмѣстѣ съ государемъ императоромъ, по древнему благочестивому обычаю, прибыли и въ Москву, гдѣ 14 мая въ Успенскомъ соборѣ Филаретъ встрѣтилъ ихъ слѣдующею, обращенною къ государю императору, рѣчью: «Благочестивѣйшій Государь! Уже сердце Россіи трепетало радостію при вѣсти Твоего родительскаго сердца и двухъ сердець, соединенныхъ на радость Россіи. Твой Первородный, исполнивъ Собою высокія надежды Отечества, исполняетъ его пріятными надеждами, избравъ и соединивъ съ Собою священными узами достойную Сопаслѣдницу благословеній, которыми ущедрено свыше Твое Августѣйшее Семейство. Но нынѣ, по любви Твоей, къ подданнымъ отеческой, Ты благоволилъ и наградить, и еще возвысить вѣрноподданническую радость Твоей древней столицы, даруя ей счастье лицезрѣнія Твоего и Виновниковъ Твоей и нашей радости. Святая же Церковь свойственною ей духовною радостію радуется, когда Ты, Благочестивѣйшій Государь, среди веселія Твоего Дома, вспомянувъ святыню сего древняго Дома Божія, притекаешь въ сіе святилище Царей, чтобы Твою и Чадъ Твоихъ радость благодарственно и молитвенно принести Богу, ее даровавшему. Царь царей да исполняетъ въ благихъ желанія Твои, и благословеніемъ благостыннымъ, обильнымъ, потомственнымъ, да благословитъ Благовѣрныхъ Александра и Марію, якоже благословилъ Благочестивѣйшихъ Николая и

¹⁾ Соч. Ф. IV, 112.

Александру» ¹⁾. Высоконовобрачные 23 мая посѣтили и Лавру Сергіеву, гдѣ предъ вступленіемъ въ нее были встрѣчены за-благовременно приѣхавшимъ сюда святителемъ Московскимъ, какъ настоятелемъ Лавры и выслушали его новую привѣтственную къ нимъ рѣчь ²⁾, потомъ слушали молебенъ Преподобному Сергію, трапезовали въ Лаврѣ и къ вечеру того же дня возвратились въ Москву. Въ слѣдующемъ 1842 году Господь даровалъ государю наслѣднику цесаревичу отъ супруги Его первую дочь, а государю императору—первую внучку, великую княжну Александру Александровну. Поэтому-то, когда 3 сентября этого года Государь Императоръ, по прибытіи въ Москву, по обычаю, вступалъ въ Успенскій соборъ, Филаретъ и встрѣтилъ его рѣчью такого содержанія: «Благочестивѣйшій Государь! *Вънецъ старыхъ чада чадъ*, сказалъ премудрый Соломонъ (Притч. 17, 6). Тебѣ ранѣе старости прилагается сей пріятный вѣнецъ къ величественнѣйшимъ вѣнцамъ Царя Побѣдителя, Миротворца, Законодателя, Распространителя православія ³⁾. Съ недавнею о семъ радостію соединяя нынѣ радость Твоего лицезрѣнія преданными Тебѣ сердцами молимъ Вѣнчающаго Тебя милостію и щедротами, да и еще умножаетъ и благоукрашаетъ выну вѣнцы Твои, подобно какъ Ты непрестанно продолжаешь, возобновляешь, умножаешь Твои царственные подвиги» ⁴⁾. По случаю рожденія первой дочери, государь наслѣдникъ и супруга его, кромѣ благодѣяній, еще устроили крестъ и отправили его въ Москву для освященія и внесенія въ храмъ св. мучениковъ Флора и Лавра, въ день памяти которыхъ (18 августа) было самое рожденіе великой княжны. Это освященіе и внесеніе состоялось 20 декабря того же 1842 года. Филаретъ самъ совершилъ то и другое, и при этомъ произнесъ бесѣду, въ которой, рассуждая «о вѣрѣ въ общеніе со святыми», въ заключеніе ея говоритъ: «но вотъ и дѣло вѣры въ общеніе святыхъ, небесныхъ, дѣло»

¹⁾ Стр. 145—146.

²⁾ Стр. 144—145.

³⁾ Въ послѣднемъ случаѣ разумѣется воссоединеніе униатовъ, о которомъ у насъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

⁴⁾ Соч. Ф. IV, 602.

давшее предметъ настоящему слову, и паче слова утѣшительное и назидательное, не только для братій святаго храма сего, но и для всѣхъ сыновъ Церкви и Россіи. Когда Богъ, благословивъ супружескій союзъ Благовѣрнаго Государя Цесаревича великаго князя Александра Николаевича и Благовѣрной Государыни Цесаревны Великія Княгини Маріи Александровны, даровалъ имъ первородную Дочь: радость Ихъ, равно какъ и Августѣйшихъ Родителей ихъ, явилась радостію христіанскою. Сердце Царево, вмѣстѣ съ благодареніемъ къ Богу, подвиглось челолюбіемъ къ неимущимъ, сирымъ и болящимъ, отверзло для нихъ щедрую руку. Сердце Сына и Наслѣдника Царева вознеслось къ Отцу небесному, и зыскало принести Ему жертву, при посредствѣ святыхъ Его. Воспомнявъ, что день рожденія Благовѣрной Государыни великой княжны Александры Александровны посвященъ Церкви памяти святыхъ мучениковъ Флора и Лавру, и что здѣсь есть храмъ ихъ имени, Государь Цесаревичъ и Государыня Цесаревна благоизволили почтить и украсить сей олтарь симъ изображеніемъ Распятаго Спасителя нашего, ознаменовывая симъ священнымъ памятникомъ Свою благодарность къ Богу за свою первородную Дочь, и купно поручая ее молитвамъ святыхъ Мучениковъ. Братія и чада вѣры! Соутѣшимся вѣрою Благовѣрнаго Первенца и Наслѣдника Царева. Благо Дому Цареву, когда вѣра въ немъ обитаетъ. Благо и намъ, когда вѣра обитаетъ въ Домѣ Царевомъ. Радостными и молитвенными движеніями сердець приступимъ нынѣ, и не престанемъ приступать къ Церкви первородныхъ на небесѣхъ написанныхъ, и къ самому Ходатаю Новаго Завѣта Господу Иисусу, да сохранить завѣтъ благоволенія Своего Благочестивѣйшему Государю нашему Императору Николаю Павловичу, да пробавить и умножитъ Ему и Наслѣднику Его Благовѣрному Государю Цесаревичу Александру Николаевичу всякое благословеніе и всякій даръ совершенный, наипаче же даръ благословеннаго потомства, утверждающій на вѣки судьбу Престола и Царства, молитвами святыхъ, въ славу благодати и премудрости вѣчныя, ею же Царіе Царствуютъ. Аминь¹⁾. Это

¹⁾ Соч. Ф. IV, 606—607.

молитвенное благожеланіе святителя Московскаго исполнилось. Хотя первородная дочь государя наслѣдника скончалась вскорѣ (именно въ 1849 году, на седьмомъ году возраста), но за то слѣдовавшія за нею августѣйшія дѣти его почти всѣ доселѣ, по милости Божіей, служатъ непоколебимымъ «утвержденіемъ судьбы Престола и Царства, украшаясь доблестями своихъ Августѣйшихъ Родителей и Прародителей». И вотъ какъ, напримѣръ, привѣтствовалъ святитель Московскій рожденіе наслѣдника наслѣднику престола въ 1843 г. въ своемъ словѣ, произнесенномъ 11 сентября сего года въ Успенскомъ соборѣ. Взявъ въ основаніе слова извѣстное библейское повѣствованіе о томъ, какъ пророкъ Наѳанъ возвѣстилъ Давиду о рожденіи отъ него сына (2 Цар. гл. 7), святитель-витія, соотвѣтственно содержанію сего повѣствованія, говоритъ о предметѣ его: «Какое это свѣтлое зеркало настоящаго царственнаго торжества! Какой прекрасный образъ прекраснаго событія въ Царскомъ Всероссійскомъ Домѣ!—Если мудрый, крѣпкій духомъ и благочестивый царь есть крѣпкое основаніе народнаго благоденствія въ родѣ, въ которомъ онъ царствуетъ; если достойный Наслѣдникъ Престола обезпечиваетъ сіе благоденствіе для слѣдующаго рода: то благословенное рожденіе наслѣдника Наслѣднику престола простираетъ радостныя надежды Царя и царства до третіяго и четвертаго рода. И кто же далъ сей вождельный даръ Царю нашему, Россіяне? Кто, какъ не Тотъ, Которому *отверзши руку всяческая исполняются благости*, и особенно, Которымъ *царіе царствуютъ*? Хотя никакой Наѳанъ не явился сказать Царю нашему: *узриши Сына твоего*: тѣмъ не менѣе сіе есть Божіе дѣло, Божій даръ. Какая мать могла когда-либо сказать: буду имѣть плодъ? Какой отецъ могъ сказать: буду имѣть сына?—Поэтому-то слово Божіе признаетъ дѣтей не столько достояніемъ родителей, сколько собственностію Божіею: *се достояніе Господне сынове, мзда плода чреваго* (Псал. 126, 3). И такъ, хотя не слышимъ, но тѣмъ не менѣе дѣйствительно Господь рекъ Благовѣрному Цесаревичу: *будетъ Тебѣ сынъ*. Господь рекъ Благочестивѣйшему Царю: *узриши сына Сына Твоего*. И

видить Онъ; и радуется съ Нимъ Россія ¹⁾. Обшею съ царствомъ радостію радуется и Церковь; потому что надежды благочестиваго Дома Царева суть надежды и Церкви. И въ особенности радуется она о томъ, что Царская радость, подобно какъ радость Давидова, прежде всего идетъ во храмъ, является предъ Богомъ, приноситъ молитвенную жертву. И поелику Благочестивѣйшій Государь высокими обязанностями Своими увлеченъ на сіе время отъ Своей столицы къ одному изъ предѣловъ обширнаго Царства ²⁾: то единоподданная съ Нимъ какъ во всемъ, такъ и въ благочестіи Царица непосредственнымъ Своимъ словомъ призвала къ благодарной молитвѣ вѣрноподанныхъ, и по особенному благоволенію, особенно въ семъ призваніи воспомянула васъ, Церкви и чада первопрестольной столицы ³⁾. Не имѣю нужды,—добавляетъ къ тому въ заключеніе витія,—болѣе возбуждать радость. Она полна и совершенна, безъ сомнѣнія, во всѣхъ насъ. Одно напомнить я долженъ: будемъ внимательны, да будемъ достойны радости, которою насъ ущедряетъ Божіе Провидѣніе. Дѣлами и жизнію вѣры въ Бога и вѣрности Царю тщательно да охраняемъ съ нашей стороны благоденствіе, которое благодать Божія упрочиваетъ для насъ благословеніями Своими надъ Царскимъ Домомъ. Аминь». Краткую характеристику благоговѣнія и усердія самой вѣнчанпой главы августѣйшаго дома къ храму Божію и молитвѣ святитель-витія, кромѣ указапнаго раньше, предлагаетъ въ своемъ словѣ на день восшествія на престоль 20 ноября 1846 года: «Съ утѣшеніемъ воспоминаю,—говоритъ онъ здѣсь,—примѣръ, которымъ въ благоговѣніи къ дому Божію предшествуетъ намъ Благочестивѣйшій Государь Императоръ. Какъ любитъ Онъ сози-

¹⁾ Срав. *Письма Фил. къ Ант.* II, 94.

²⁾ Еще 20 августа государь отбылъ изъ Петербурга въ Пруссію на маневры, имѣвшіе быть въ сентябрѣ.

³⁾ Рожденіе послѣдника послѣднику послѣдовало 8 сентября и въ тотъ же день государыня императрица Александра Феодоровна послала на имя Московскаго генераль-губернатора кн. А. Г. Щербатова рескриптъ, коимъ, по порученію государя, данному предъ его отъѣздомъ, сообщаетъ вѣсть о семъ радостномъ событіи и призываетъ къ молитвѣ и торжеству по сему случаю. См. *Моск. Вѣдом.* 1843 г. № 109 и 110.

дать дома Божіи! Вы сами по временамъ бываете свидѣтелями, какъ благоговѣнно предстоить Онъ Господу во храмѣ! Какъ неуклонно зреть къ олтарю! Какъ внимательно слѣдуетъ молитвамъ о томъ, что Ему любезно, и сопровождаетъ ихъ крестнымъ знаменіемъ! Какъ смиренно преклоняется предъ святынею! 1).

И. Корсунскій.

(Продолженіе будетъ.)

1) Соч. Фил. IV, 466.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРИИ ХРИСТИАНСКАГО ИСКУССТВА

ДО
КОНСТАНТИНА ВЕЛИКАГО.

Neue Kunst heisst—neue Ideale
Lemcke, Aesthetik.

I.

Искусство и письменность всегда являются глашатаями нарождающихся и развивающихся въ обществѣ идей, и, чѣмъ эти идеи серьезнѣе и глубже, чѣмъ онѣ сильнѣе потрясаютъ общество, чѣмъ больше движенія и обновленія вносятъ онѣ въ его культурную жизнь, тѣмъ отзывчивѣе къ нимъ впечатлительная душа художника, тѣмъ полнѣе и шире отражаются онѣ въ произведеніяхъ литературы.

Положеніе это слѣдуетъ считать настолько общепризнаннымъ, что нѣтъ даже надобности ссылаться въ подтвержденіе его на какіе бы то ни было примѣры: исторія любой эпохи, ознаменованной важнымъ политическимъ, умственнымъ или религіознымъ переворотомъ, можетъ достаточно подтвердить сказанное.

Да и было бы странно, если бы было иначе.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы много личного, индивидуальнаго ни вносилъ человѣкъ въ свои созданія, онъ никогда не въ силахъ отрѣшиться отъ воздѣйствій со стороны среды, въ которой развивается его дѣятельность,—со стороны господствующихъ въ этой средѣ воззрѣній, вѣрованій, стремленій и идеаловъ. Онъ не можетъ жить совершенно изолированной жизнью.

Существованіе наше сплетено тысячами нитей съ тѣмъ, что творится вокругъ насъ, и чувство живой симпатіи непобѣдимо влечетъ насъ въ кругъ общественныхъ дѣлъ и общественныхъ интересовъ. И если жизнь общества бываетъ вдругъ взволнована напоромъ новыхъ мыслей, чувствъ и впечатлѣній, то могучая волна поднявшагося въ массахъ броженія непременно захватитъ и насъ,—перемѣна въ общественномъ настроеніи непременно скажется и на состояніи нашего духа,—и тѣмъ скорѣе, чѣмъ болѣе воспримчива и чутка наша натура.

Нѣтъ, стало быть, ничего удивительнаго въ томъ, что великій переворотъ, произведенный въ религіозно-нравственной жизни культурныхъ націй древности проповѣданіемъ Евангелія, знаменуетъ собою и въ исторіи искусствъ, и въ исторіи письменности начало новаго, весьма важнаго періода, — начало новой стадіи развитія, соотвѣтствующей глубокому перерожденію античнаго общества подъ христіанскими вліяніями.

Христіанство внесло въ умственный оборотъ цѣлый міръ новыхъ идей,—возвышенныхъ, свѣтлыхъ, великихъ. Оно потрясло до основанія весь древній строй человѣческаго обществитія, преобразило нравы и чувствованія, намѣтило для человѣческой дѣятельности новыя цѣли и новые пути, смягчило правовыя отношенія, влило жизнь въ одряхлѣвшіе государственныя организмы. Обществу, погрязшему въ матеріализмъ, извѣрившемуся въ силѣ отечественныхъ боговъ и пропитанному религіознымъ индифферентизмомъ, искусившемуся во всевозможныхъ родахъ чувственныхъ удовольствій и пресытившемуся ими, проповѣдники новыхъ началъ говорили о бренности и измѣчивости всего земнаго и матеріальнаго, о вѣрѣ въ единаго, истиннаго Бога, требующаго не *жертвъ*, какъ боги древности, а *милости* и *любви*, взирающаго не на *лица*, а на *сердца* притекающихъ къ нему и дарующаго человечеству свѣтлое обѣтованіе иной, лучшей жизни, въ которой наступитъ полная побѣда духа надъ чувственностью.

Въ среду, гдѣ царило страшное социальное неравенство, гдѣ личная свобода не существовала, гдѣ индивидуумъ имѣлъ

значеніе лишь постольку, поскольку онъ составлялъ часть цѣлаго, которому каждый долженъ былъ жертвовать всѣми своими интересами, всѣмъ своимъ достояніемъ,—въ такую среду проповѣдники Евангелія несли отрадное ученіе о томъ, что всѣ люди суть равно любимы чада единого Отца небеснаго и что законъ братской любви къ ближнему превыше всѣхъ другихъ законовъ, опредѣляющихъ отношеніе людей между собою. Они возвѣщали освобожденіе человѣческой личности, дотолѣ пригнетенной и скованной, и открывали широкій просторъ для индивидуальной жизни, дотолѣ подавленной общественностью. Они требовали прежде всего нравственнаго совершенства и таковое ставили неизмѣримо выше всѣхъ доблестей гражданскихъ. Людямъ, успѣвшимъ присмотрѣться къ картинамъ ужасающаго произвола и привыкнуть къ самымъ грубымъ проявленіямъ эгоизма, къ самымъ чудовищнымъ актамъ насилія, они являли собою чудный примѣръ кротости, самоотреченія и безкорыстія. Они не ненавидѣли, не презирали, не мстили. Они оставались равнодушны къ богатству, славѣ и почестямъ, глухи къ угрозамъ, поношеніямъ и клеветамъ, непреклонны и безтрепетны въ виду ожесточенныхъ преслѣдованій и смертной опасности. Они не добивались власти и искали только торжества истины. Они шли не съ мечемъ въ рукахъ, но съ горячимъ словомъ искренняго убѣжденія на устахъ и безраздѣльно овладѣвали сердцами тѣхъ, кто ихъ слушалъ. Ихъ простая, отъ сердца шедшая рѣчь была равно доступна всѣмъ: она проливала въ озлобленныя и мрачныя души рабовъ живительный лучъ надежды на спасеніе и утѣшеніе во Христѣ, добровольно принявшемъ на себя зракъ раба, и въ то же время своимъ возвышеннымъ и глубокимъ догматическимъ содержаніемъ удовлетворяла требованіямъ пытливаго ума философски-образованныхъ людей. Она была равно способна утишить страданія наболѣвшей, изъязвленной души, какъ и успокоить сомнѣнія колеблющагося разума.

И дѣйствительно, — кого только не встрѣчаемъ мы среди первыхъ поборниковъ христіанства? Здѣсь и славный родомъ и доблестями патрицій, познавшій сердечное умиленіе и сми-

рившій свою гордыню, и сосредоточенный *миста*, жаждущій откровенія свыше, и вдохновенный поэтъ, уставшій слагать звучныя строфы въ честь Киприды и Эроса, и глубокомысленный ученый, не напедшій удовлетворенія въ современной наукѣ, и варварь-рабъ, изнуренный непосильною работою и безчеловѣчнымъ обращеніемъ своихъ надсмотрщиковъ...

Христіанство съ его ученіемъ о всепрощеніи, о жизни для другихъ, о загробномъ блаженствѣ заключало въ себѣ такія начала, которыя одни только и могли противодѣйствовать глубокому нравственному паденію общества. Оно одно могло придать смыслъ и цѣну существованію, потерявшему въ глазахъ лучшихъ людей вѣка всякую привлекательность, — оно одно было въ состояніи наполнить душевную пустоту чело-вѣка, задыхавшагося въ атмосферѣ утонченнаго разврата, неслыханныхъ злодѣйствъ, унижтельнаго притворства и одуряющей праздности, среди мелкихъ интригъ и пошлости, среди раззолоченной толпы утопающихъ въ роскоши тунеядцевъ, чуждой какихъ бы то ни было нравственныхъ интересовъ и составлявшей цвѣтъ образованнаго общества. Духъ провозвѣстниковъ Христовой религіи стоялъ въ полномъ противорѣчій съ тѣмъ духомъ, который царилъ въ этой средѣ. На ихъ знамени было начертано: *«recedant vetera, nova sint omnia,—corda, voces et opera!»*.

Весь складъ человѣческихъ отношеній долженъ былъ измѣниться. Не было такой сферы, которая могла бы остаться въ сторонѣ отъ всколебавшаго до дна общественную жизнь движенія, и немудрено, если и художественныя формы, выработанныя вѣковыми усилями человечества, вдругъ оказались неспособны вмѣстить новое содержаніе, какъ ветхіе мѣхи неспособны сдержать молодое вино. Подъ напоромъ свѣжихъ идей, — неожиданныхъ, смѣлыхъ и потрясающихъ, — художникъ долженъ былъ ощутить всю недостаточность традиціонныхъ средствъ, и вотъ мы видимъ цѣлый рядъ настойчивыхъ попытокъ выйти на новый путь, воплотить новое чувство въ болѣе подходящія для него формы, воспользоваться художественнымъ наслѣдіемъ предковъ для полученія новыхъ эффектовъ, болѣе близкихъ къ новому настроенію умовъ.

Въ произведеніяхъ античнаго искусства есть одна черта, всѣмъ имъ въ большей или меньшей степени общая и тѣмъ сильнѣе насъ поражающая, чѣмъ рѣзче отличается наше міровоззрѣніе отъ міровоззрѣнія древнихъ. Я разумѣю здѣсь общепризнанную *холодность* этихъ произведеній. Когда вы созерцаете античные мраморы, васъ восхищаетъ благородная красота ихъ линій, тонкое изящество отдѣлки, гармонія пропорцій, обдуманность композиціи, величіе замысла, но они не вносятъ въ вашу душу ни тревоги, ни радости, они не заставляютъ ваше сердце ни сжиматься отъ ощущенія боли, ни трепетать отъ умиленія,—они *не трогаютъ* васъ. Вы наслаждаетесь ими спокойно, словно грезами волшебнаго сна. Это все образы, слишкомъ высоко вознесенные надъ юдолю печали и слезъ, слишкомъ далекіе отъ нашихъ скорбей и интересовъ, — то сіяющіе довольствомъ, полные безстрастнаго покоя, важные и царственно-величавые, безучастные къ мелкимъ потребамъ насущной жизни съ ея нестройною борьбою, то подавляющіе своею титаническою мощью, въ самомъ страданіи недосягаемо великіе. Они переносятъ васъ въ такую сферу, гдѣ все способно плѣнить васъ, все поражаетъ васъ изумленіемъ, но гдѣ вы чувствуете себя словно на чужбинѣ. Эти чарующія изваянія не затрогиваютъ нѣжнѣйшихъ струнъ души, и предъ ними всякое теплое чувство какъ бы замираетъ въ вашей груди.

И не отъ однихъ только произведеній скульптуры получаете вы такое впечатлѣніе,—нѣтъ, тѣмъ же холодомъ вѣетъ и отъ памятниковъ античнаго зодчества, и отъ немногихъ уцѣлѣвшихъ отъ тлѣнія и разрушенія образцовъ древней живописи. Сравните, напримѣръ, хотя бы знаменитый пестумскій храмъ въ честь Посейдона съ любымъ готическимъ соборомъ, сопоставьте римскій пантеонъ съ работами византійскихъ зодчихъ, сличите остатки элевсинской или помпейской стѣнописи съ самыми неловкими и неискусными катакомбными фресками, и вы живо ощутите это. Между тѣмъ какъ созданія христіанскихъ художниковъ, несмотря на нѣкоторое подчасъ несовершенство формы, плѣняютъ васъ имен-

но своею искренностью, своимъ чувствомъ, неотразимо влекутъ васъ къ себѣ своею задуманностью, — остатки древняго искусства, блестящіе по идеѣ и исполненію, обнаруживаютъ больше продуманности, нежели чувства, — больше расчета и технической ловкости, нежели безпритязательнаго простодушія и сердечности.

Христіанство произвело *нравственный* переворотъ въ жизни обществъ, оно повело къ *внутреннему* перерожденію челоувѣчества, къ улучшенію и облагороженію его *духовной* природы. Оно стремилось вызвать въ личностяхъ сокровенную работу *духа* надъ самоусовершенствованіемъ, стремилось обновить *душевыя* силы челоувѣка, преобразовать весь тотъ строй *этическихъ представленій*, который являлся неизбѣжнымъ плодомъ царившихъ въ античномъ обществѣ жизненныхъ условій и отношеній. Естественно, что это преобладаніе духовности надъ началомъ матеріальнымъ должно было оставить яркій слѣдъ на произведеніяхъ художественнаго творчества первыхъ христіанъ, и оно-то именно и придало имъ тотъ характеръ неподдѣльной искренности и теплоты, которымъ они отличаются отъ величественно прекрасныхъ, но холодныхъ антиковъ. Впечатлѣнію, производимому ими на cadaго, какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ бы знаменитый эпитафъ: «отъ сердца къ сердцу», выставленный Бетховеномъ надъ одною изъ его лучшихъ композицій. Съ другой стороны мастеръ языческой древности врядъ ли могъ бы подобрать лозунгъ, болѣе подходящій къ общему направленію античнаго искусства, нежели гораціанское: «*odi profanum vulgus et arceo*». Словно спустившись на землю съ снѣжныхъ вершинъ Олимпа, искусство это навсегда сохранило и тотъ грандіозный обликъ, съ которымъ въ воображеніи элина соединялось представленіе объ олимпійцахъ.

Отъ cadaго художественнаго произведенія мы требуемъ прежде всего *экспрессивности*, — другими словами, требуемъ того, чтобы художникъ при помощи доступныхъ ему средствъ, — будь это мраморъ, слоновая кость или бронза, краски или тушь, музыкальные тоны или слова челоувѣческой рѣчи, — увлекалъ и переносилъ насъ въ таинственный міръ души челоувѣ-

ческой, открывалъ намъ глубины человѣческаго сердца, воспроизводилъ передъ нами въ своихъ созданіяхъ процессы душевной жизни. Недостаточно, если онъ соблюдетъ всѣ законы симметріи и пропорціональности въ расположеніи частей своего произведенія; недостаточно, если онъ побѣдоносно справится съ техническими трудностями и достигнетъ величайшей красоты формъ,—нѣтъ, онъ долженъ еще сумѣть вдохнуть въ эти формы *дыханіе жизни*, сообщить имъ отблескъ того священнаго огня, который согрѣваетъ нашу душу истинно человѣческими чувствованіями и побужденіями. Въ погонѣ за формальнымъ совершенствомъ весьма легко упустить изъ виду содержаніе. А между тѣмъ только при полномъ соотвѣтствіи между формою и содержаніемъ, при полной ихъ гармоніи возможно созданіе истинно художественнаго произведенія. Только то, что сродни нашему собственному естеству, въ состояніи глубоко и продолжительно воздѣйствовать на насъ. Эстетическое наслажденіе, получаемое нами отъ предметовъ искусства, находитъ свое основаніе въ нашей способности *симпатизировать*. Къ тому, что не затрогиваетъ этой способности, что не таитъ подъ оболочкою внѣшней, хотя бы и красивой, формы никакого духовнаго содержанія, мы остаемся совершенно равнодушны. Пестрые узоры калейдоскопа, разноцвѣтные камешки и раковины, покрывающія берегъ моря, яркія лоскутья и блески могутъ тѣшить глазъ прихотливымъ сочетаніемъ красокъ, но неспособны надолго приковать къ себѣ вниманіе взрослого человѣка. Намъ влечетъ лишь къ тому, въ чемъ слышится біеніе пульса родственной намъ духовной жизни,—къ тому, въ чемъ замѣтна, хотя бы въ самой слабой степени, *экспрессія*. Вообще потребность сочувствовать въ насъ столь же сильна, какъ и потребность находить сочувствіе. Мы поэтому склонны даже искать экспрессіи тамъ, гдѣ ея не можетъ быть: въ окружающей насъ обстановкѣ, въ явленіяхъ природы внѣшней, въ шелестѣ волнуемыхъ вѣтромъ колосьевъ, въ трепетаніи листьевъ, въ журчаньѣ ручейка, въ завываніяхъ бури слышимъ мы зачастую отголосокъ нашего душевнаго настроенія, видимъ отраженіе тѣхъ психическихъ движеній, которыя происходятъ въ насъ самихъ. Мы гово-

римъ: «меланхолическій ландшафтъ». «грустная природа», «гордая скалы», «сердитое море», — и при этомъ каждый разъ имѣемъ въ виду субъективное настроеніе, возникающее въ насъ подъ извѣстными внѣшними вліяніями въ силу отзывчивости нашей души на всякое поражающее насъ извнѣ впечатлѣніе. Душа—это чудный инструментъ съ весьма чувствительнымъ и сложнымъ механизмомъ. Ея струны звучатъ въ отвѣтъ на всякое прикосновеніе. Извлекать изъ этихъ струнъ полные и стройные аккорды доступно только умѣлой рукѣ истиннаго художника.

Древніе мастера, воплощая въ своихъ созданіяхъ религиозно-этические идеалы своего времени, старательно избѣгали сильной экспрессіи. Цѣня дороже всего то внутреннее равновѣсіе всѣхъ душевныхъ способностей, которому имя—σωφροσύνη и которое приобрѣтается человѣкомъ въ непрерывной, тяжелой борьбѣ съ самимъ собою, съ мелкими эгоистическими побужденіями своей природы, съ дурными желаніями и страстями, грекъ,—этотъ законодатель въ области античнаго искусства,—отступалъ передъ изображеніемъ сильныхъ аффектовъ, нарушающихъ такое равновѣсіе. Здоровое чувство пластической красоты, столь ему свойственное и заставлявшее его, напримѣръ, гнущаться авлетикой по той единственной причинѣ, что игра на флейтѣ обезображиваетъ лицо артиста, побуждало эллинскихъ художниковъ жертвовать экспрессіею въ пользу изящества формъ, гармоніи очертаній, строгой симметріи частей. «Подобно морской глубинѣ», говоритъ Винкельманъ, «всегда остающейся въ спокойствіи, какъ бы ни была возмущена поверхность, выраженіе греческихъ фигуръ при всѣхъ настроеніяхъ обнаруживаетъ величіе, серьезность и силу духа». Страсти звучатъ рѣзкимъ диссонансомъ въ мірѣ человеческихъ чувствованій. Достигая высшей степени своего развитія, онѣ зачастую производятъ такіе эфффекты, которые могутъ поднять дыбомъ волосы, согнать краску съ лица, вызвать трепетъ и содроганіе въ постороннемъ свидѣтелѣ ихъ проявленія. Въ изображеніи ихъ художникъ, стало быть, не долженъ переступать извѣстной черты, за которою начинается ужасное и отвратительное, неспособное служить матеріа-

ломъ для художественнаго воспроизведенія. Явленія патологическія безусловно чужды искусству. Все болѣзненное, уродливое, аномальное исключается изъ числа причинъ, производящихъ эстетическія впечатлѣнія. Поэтому тамъ, гдѣ въ силу неизбѣжныхъ требованій избраннаго сюжета древній мастеръ сталкивался съ необходимостью изобразить страсть въ моментъ сильнѣйшаго ея проявленія, онъ скорѣе предпочиталъ погрѣшить противъ дѣйствительности, нежели хотя на волосъ отступить отъ того, что казалось ему альфой и омегой искусства. Въ крайнемъ случаѣ онъ довольствовался намекомъ, знакомъ, символомъ, предоставляя публикѣ дополнять собственнымъ воображеніемъ недосказанное и недоразвитое. Охотнѣе же всего онъ останавливался на такихъ темахъ, которыя вовсе не грозили ему опасностью подойти слишкомъ близко къ упомянутой заповѣдной чертѣ. Иначе Винкельманъ не имѣлъ бы рѣшительно никакого основанія считать существеннѣйшимъ признакомъ антиковъ «благородную простоту и спокойное величіе» (*edle Einfalt und stille Grösse*). А между тѣмъ, опираясь на долгое и тщательное изученіе классическихъ образцовъ, онъ въ этихъ качествахъ сталъ усматривать даже необходимѣйшее условіе истинной красоты вообще, сравнивая послѣднюю съ чистой водой, которая тѣмъ здоровѣе, чѣмъ меньше имѣетъ вкуса. Сильная экспрессія, по его мнѣнію, могла только нарушить цѣльность эстетическаго впечатлѣнія. Такому воззрѣнію соотвѣтствуетъ и та терминологія, которая донинѣ удерживается въ сочиненіяхъ по исторіи искусствъ: время Перикла, — время созданія наименѣе экспрессивныхъ произведеній, — именуется «золотымъ вѣкомъ античнаго искусства», «кульминаціонною точкою его развитія», «періодомъ наивысшаго его процвѣтанія», тогда какъ эпоха діадочовъ и пора римскаго владычества, выставившія такихъ мастеровъ, какъ Клеомень, Аполлоній, Таврискъ, Агесандръ, Атенодоръ, Полидоръ, неизвѣстные творцы пергамской «Гигантомахіи», Пасптель, Стефанъ, Менелай и др., подъ рѣзцомъ которыхъ мраморъ сталъ могучимъ средствомъ художественнаго воспроизведенія глубочайшихъ душевныхъ потрясеній и острыхъ эмоцій, согласно считаются временемъ выро-

жденія художественнаго творчества и низкаго паденія искусства въ древнемъ мірѣ.

Ради полнаго разъясненія занимающаго насъ здѣсь вопроса слѣдуетъ указать особенно на ту степень развитія, какой достигла въ Греціи и шедшемъ по ея слѣдамъ Римѣ музыка,— это искусство, наиболѣе пригодное для выраженія волнующихъ душу ощущеній и пылкихъ порывовъ чувства. Представьте себѣ, каковы должны были быть музыкальныя композиціи той націи, которая почти не знала гармоніи въ нынѣшнемъ смыслѣ этого слова, не имѣла другихъ музыкальныхъ орудій, кромѣ различныхъ видовъ флейты и лиры, не признавала терціи и сексты за консонирующіе интерваллы и, стало быть, могла въ лучшемъ случаѣ довольствоваться только пѣніемъ, удвоеннымъ октавою, квартою или квинтою! И это при существованіи довольно удобной нотной системы (такъ наз. «се-меіографіи») и весьма полно и широко разработанной музыкальной теоріи! Очевидно, что пластическій геній грека мѣшалъ ему достигнуть и въ этой области художественнаго творчества тѣхъ же успѣховъ, какіе выпали на его долю въ сферѣ искусствъ изобразительныхъ и поэзіи. Міръ звуковъ пугалъ его своею необъятностью и таинственностью. Сила, столь способная умиротворять возмущенныя страсти и подымать смятеніе и бурю въ душѣ, вливать воинственную отвагу въ сердце и разслаблять чарующею нѣгою поработанный духъ, такая сила, согласно приписываемая музыкѣ глубочайшими мыслителями древности, казалась имъ слишкомъ опасною и потому была подчинена ревнивому контролю правительства. Всякое нововведеніе въ этой области будило подозрительность и вызывало преслѣдованіе. Оттого вплоть до временъ упадка нравовъ и политическаго благосостоянія греческихъ городовъ музыка даже и не имѣла самостоятельнаго значенія. Ея роль была служебная. Она была связана тѣснѣйшими узами съ поэзіею и оркестикою въ качествѣ сопровожденія декламации, пѣнія и танцевъ. Такимъ образомъ она не могла отличаться сильною экспрессіею. Даже чисто аріозныя ея формы, безусловно подчиненныя ритмическому строенію текста, не блистали разнообразіемъ и, разумѣется, не имѣли ни мелодиче-

ской красоты, ни яркаго колорита, ни выразительности современной музыки. Строгая простота, почти скудость, вотъ отличительная ея черта. Краснорѣчивымъ языкомъ настроенія, выразительницею перипетій душевной жизни она не могла стать. Для этого ей недоставало потребной свободы.

Съ побѣдою христіанской идеи всѣ виды искусства становятся экспрессивнѣе. «Богъ есть духъ», гласило ученіе новой религіи. Это ученіе обезпечивало торжество духа надъ плотію. Если образъ и подобіе Божіи, сообщенные человѣку при твореніи, сокрыты въ глубокихъ тайникахъ его души; если раскрывать въ себѣ этотъ образъ, это подобіе значитъ, по евангельскому слову, стремиться къ совершенству по первообразу совершенства Отца небеснаго, то живая, осязательная красота фвзически развитаго тѣла, столь высоко цѣнившаяся въ древнемъ мірѣ, разумѣется, ничто въ сравненіи съ красотой нравственною, духовною ¹⁾.

Поэтому съ распространеніемъ христіанства въ противовѣсъ культу матеріальной красоты, господствовавшему въ мірѣ языческомъ, стали выдвигаться на первый планъ аскетическіе идеалы. Слѣды тяжелой внутренней борьбы, суровыхъ подвиговъ умерщвленія плоти, фвзическаго изнуренія, болѣзни, мукъ и т. п. перестали считаться обезображивающими человѣческой обликъ, если этотъ обликъ носилъ на себѣ въ то

1) Тѣ божественныя черты, изъ которыхъ слагается образъ Спасителя въ произведеніяхъ лучшихъ христіанскихъ мастеровъ, заимствованы ими изъ описаній, находящихся у Іоанна Дамаскина (VIII стол.), въ апокрифическомъ посланіи Лентула къ сенату (вѣроятно, VIII стол.) и у греческаго церковнаго писателя Никифора Каллиста (XIV стол.). Болѣе ранніе писатели и нѣкоторые отцы церкви (какъ-то—мученикъ Іустинъ, Климентъ Александрійскій, Тертуліанъ, Кириллъ Александрійскій и др.) были того мнѣнія, что Сынъ Божій во плоти не отличался ни красотой, ни величіемъ, и мнѣніе это, какъ видно изъ сочиненія Оригена «Противъ Цельса», не разъ служило въ соблазну лжчпиковъ. Срв. напр. Cyrill. Alex. Clarhurg. in Ex. I, 5. Вотъ почему противъ него съ такою силою вооружились въ IV стол. св. Григорій Нисскій, св. Амвросій. бл. Августинъ, бл. Іеронимъ, св. Θεодоритъ и др., которымъ и удалось возстановить то убѣжденіе, что Божественное Слово воплотилось въ формы, вполне достойныя Его, и что и въ самой внѣшности, несмотря на смиреніе и уничиженность, уже отражалось Его Божественное достоинство. Въ концѣ концовъ это убѣжденіе восторжествовало, и доказательствомъ тому служатъ древнѣйшія изображенія Спасителя, какія только памъ известны по описаніямъ.

же время отпечатокъ высокихъ душевныхъ качествъ. «*Царствіе Божіе внутри васъ есть*», отвѣчалъ Спаситель фарисеямъ, вопрошавшимъ Его, когда прійдетъ царствіе Божіе (Лук. XVII, 20, 21). Это царство есть царство любви, самоотверженія, мира, и символомъ его сталъ тотъ крестъ, то позорное орудіе казни, на которомъ Сынъ Божій Своєю смертью запечатлѣлъ Свою любовь къ человѣчеству. Искусство, какъ и вся жизнь перерожденнаго и обновленнаго общества, должно было отнынѣ воплощать въ себѣ идею этого царства.

Когда мы говоримъ объ «антикахъ», то разумѣемъ исключительно произведенія пластики: такъ преобладалъ въ античномъ мірѣ этотъ видъ художественнаго творчества надъ всѣми другими. Пластическій стиль съ его математическою опредѣленностью формы, строгою закономѣрностью въ разработкѣ деталей, простотою композиціи, отсутствіемъ движенія, гармоніею цѣлаго и частей царитъ и въ античномъ *зодечествѣ*, высшимъ образцомъ котораго слѣдуетъ считать храмъ, это обиталище антропоморфическаго божества, и въ *живописи*, не знавшей законовъ воздушной перспективы и свѣтотѣни и отличавшейся характеромъ рельефа, и въ *поэзій*, наиболѣе субъективная форма которой—лирика, благодаря тѣснѣйшей связи своей съ оркестикою и мимикою, имѣла столь же яркій пластическій отпечатокъ, какъ эпосъ и драма. Соотвѣтственно съ тѣмъ стиль живописный, отличающійся большею свободою, разнообразіемъ, движеніемъ, широтою и теплотою, оставляющій больше простора для проявленія индивидуальности, дающій художнику возможность *выразить* больше, нежели сколько онъ въ состояніи непосредственно *изобразить* при помощи своихъ средствъ, вообще сильный преобладаніемъ идеальнаго фактора, былъ чуждъ или почти чуждъ древности: онъ начинаетъ входить въ силу лишь съ развитіемъ христіанства, и самая живопись только на христіанской почвѣ становится искусствомъ по преимуществу.

Въ до-христіанскія времена живопись имѣла почти столь же мало самостоятельнаго значенія, какъ и музыка. Въ качествѣ т. наз. «полихроміи» она служила для раскраски зданій и статуй; въ вѣкъ изнѣженности и ослѣпительной роско-

ши ею пользовались при сооруженіи частныхъ домовъ ради декоративныхъ цѣлей. Въ Римѣ и въ особенности въ городахъ Кампаніи сдѣлано немало находокъ, свидѣтельствующихъ о томъ, насколько распространено было нѣкогда искусство декораціи частныхъ жилищъ живописными изображеніями. Богатый римлянинъ столь же охотно, какъ и богатый грекъ — современникъ Хрисиппа, позволялъ расписывать стѣны и плафоны своихъ виллъ, домовъ и фамильныхъ гробницъ. Но среди многочисленныхъ остатковъ этой стѣнописи напрасно стали бы мы искать слѣдовъ какого-либо высшаго полета и даже сколько-нибудь совершенной техники. Полная зависимость отъ скульптурныхъ образцовъ, бѣдность изобрѣтенія и оттого частая повторяемость — вотъ господствующіе въ нихъ недостатки. Разумѣется, выше стояли произведенія живописи въ собственномъ смыслѣ этого слова, произведенія тѣхъ мастеровъ, которые стяжали у современниковъ и у потомства славу величайшихъ живописцевъ древности. Къ сожалѣнію время отказало намъ въ наслажденіи любоваться ихъ твореніями и собственнымъ судомъ провѣрить оцѣнку критиковъ, бывшихъ счастливѣе насъ. Но, преклоняясь предъ вѣковою традиціею, мы не можемъ однако не указать при этомъ на нѣкоторые безспорные факты исторіи античнаго искусства, ясно свидѣтельствующіе о необыкновенно медленномъ преуспѣяніи живописи у грековъ и римлянъ и о незначительности достигнутыхъ ею успѣховъ. Только въ 405 г. до Р. Х., когда Иктинъ и Фидій уже пожали заслуженные лавры, была введена въ употребленіе въ живописной technikѣ кисть. До того времени раскраска производилась при помощи губки, и можно легко себѣ представить, какъ должна была при этомъ страдать точность и правильность рисунка, какъ трудно было достигнуть отчетливой моделировки фигуръ. Изъ цвѣтовъ употреблялись лишь четыре, — бѣлый, черный, желтый и красный; снѣгій цвѣтъ служилъ только для фона, а зеленый по всей вѣроятности совершенно отсутствовалъ на палитрѣ древнѣйшихъ мастеровъ, такъ какъ пейзажною живописью они не занимались. Уловить и закрѣпить на картинѣ свѣтовые эффе́кты, ту градацію тоновъ, тѣ чарующіе переливы свѣта и тѣни, которые сообща-

ють столько жизни, столько натуральности произведеніямъ позднѣйшихъ живописцевъ, художникамъ Греціи и Рима при такой скудости средствъ, естественно, было недоступно. По неволѣ вмѣсто живого и свободнаго воспроизведенія дѣйствительности приходилось замыкаться въ мертвыя формы условности и символизма. По неволѣ нужно было довольствоваться намеками тамъ, гдѣ не доставало технического умѣнія передать свою мысль точно, опредѣленно и ясно.

Современемъ это умѣнье было приобрѣтено. Въ то время какъ языческой міръ доживалъ свои послѣдніе дни и его искусство неудержимо падало, въ таинственной глубинѣ христіанскихъ ипогеевъ шла непрерывная работа надъ дальнѣйшимъ развитіемъ выработанныхъ классическою древностью художественныхъ началъ. Работа подвигалась впередъ медленно, но успѣшно и вѣрно. Она совершалась съ одушевленіемъ, съ любовью, съ горячимъ упованіемъ на помощь свыше. Она привлекала къ дѣлу лучшія силы и, не опираясь на покровительство великихъ міра сего, не встрѣчая поддержки въ богатствѣ и власти, настойчиво побѣждала трудности. Несмотря на самыя невыгодныя внѣшнія условія, на необходимость работать въ темныхъ и узкихъ переходахъ, въ низкихъ комнатахъ, лишенныхъ солнечнаго свѣта, неизвѣстные художники успѣвали создавать произведенія, не только не уступавшія по своимъ качествамъ произведеніямъ современной имъ языческой живописи, но по сочиненію зачастую и превосходившія эти послѣднія. Подкрѣпляемые живымъ, любовнымъ участіемъ всей общины, вдохновляемые величественно-прекрасными образами Св. Писанія, художники эти мало-по-малу вывели живопись на путь самостоятельнаго развитія. Они освободили ее отъ оковъ схематизма, влили новое, живое содержаніе въ традиціонныя формы, уразнообразили и обогатили эти формы созданіями собственной фантазіи, лишили ихъ характера бездушнѣйшей декорации и заставили ихъ заговорить новымъ языкомъ, — языкомъ того настроенія, которое одинаково одушевляло христіанъ и въ Римѣ, и въ Александріи, и въ Киренѣ, и въ Іерусалимѣ, и въ Коринѣ, — повсюду, куда проникло евангельское слово.

Въ первые вѣка распространенія христіанства живопись была искусствомъ чисто народнымъ. Въ духѣ преображенныхъ новымъ ученіемъ общинъ почерпала она ту силу, ту наивность, ту непринужденность, ту благоуханную свѣжесть, ту цѣломудренную красоту, которая нынѣ дѣйствуетъ на насъ такъ обаятельно. Ни о какихъ личныхъ вліяніяхъ здѣсь не можетъ быть и мысли. Это—голосъ народа. Это—прямое и непосредственное выраженіе чувствъ и идей, носимыхъ имъ въ душѣ, владычествовавшихъ въ массахъ.

Позднѣе церковь мудро воспользовалась этою образною рѣчью, способною столь глубоко напечатлѣвать и столь живо сохранять въ сердцахъ людей возвышенные нравственные идеалы христіанства. Она взяла искусство подъ свое высокое покровительство. Она благословила его усилія, она освятила его путь. Въ годину бѣдствій она служила ему могущественнымъ, надежнымъ оплотомъ. И подъ ея сѣнью оно спокойно достигло высшаго процвѣтанія. Торжество церкви было и его торжествомъ.

«Un art ne s'improvise pas», говоритъ Рауль-Рошеттъ. Всякая новизна заключаетъ въ себѣ добрую долю традиціонныхъ элементовъ. Но подъ дѣйствіемъ измѣнившихся условій эти старые элементы даютъ совершенно новыя комбинаціи, входятъ между собою въ совершенно новыя сочетанія и въ свою очередь измѣняются до неузнаваемости. Постоянное перерожденіе формъ—это процессъ, переживаемый языками, искусствами, вѣрованіями, учрежденіями. Это процессъ медленный, но не прекращающійся. Это процессъ, составляющій содержаніе исторіи человѣческой культуры. Изложеніе судебъ искусства, преображеннаго христіанскими вліяніями, есть не болѣе, какъ страница этой исторіи,—страница, полная глубокаго интереса. Она ведетъ насъ сперва въ таинственныя крипты и мрачныя катакомбы, куда, ища спасенія, удалялись послѣдователи Христова ученія въ ужасную пору гоненій; она открываетъ передъ нами двери первыхъ монастырей Египта, Палестины и Сиріи, повѣствуетъ о бурной эпохѣ ересей и вселенскихъ соборовъ, о распространеніи религіознаго просвѣщенія среди варваровъ средней и сѣверной Европы и о

паденіи первоначальнаго единства церкви въ половинѣ XI в.; она слѣдитъ затѣмъ за успѣхами художественнаго творчества на католическомъ и протестантскомъ Западѣ съ одной стороны, на православномъ Востокѣ—съ другой.

Хронологическіе предѣлы, въ которые заключено обозрѣніе всѣхъ этихъ явленій и фактовъ, настолько же обширны, насколько теоретическія проблемы, вызываемыя послѣдними, серьезны и важны.

Итакъ, раскроемъ же великую книгу исторіи на этой поучительной страницѣ.

А. Деревницкій.

(Продолженіе будетъ).

НОВЫЙ РУССКІЙ ФИЛОСОФЪ

Н. М. МИНСКІЙ.

I.

Долгое время, вѣрнѣе сказать, до самыхъ нашихъ дней Русь признавали страной не философскою. Правда, идеи западной философіи всѣхъ возможныхъ направленій у насъ всегда встрѣчали для себя самый радужный пріемъ, наши двери всегда были для нихъ открыты, хотя чрезъ нихъ онѣ также быстро уходили отъ насъ, какъ и входили къ намъ. На русской почвѣ, предъ здравымъ и свѣтлымъ, по самой природѣ своей, аналитическимъ русскимъ умомъ философскія идеи Запада скорѣе всего обнаруживали свою несостоятельность. Преклонялись у насъ въ вѣкъ ложно-классицизма предъ классическими философами, а въ новое время воскуряли фимиамъ знаменитостямъ новой европейской философіи—Шеллингу, Гегелю, Шопенгауеру, французскимъ энциклопедистамъ -- Вольтеру, Дидро, Руссо, а потомъ и не знаменитымъ сенсуалистамъ, коммунистамъ, англійскимъ утилитаристамъ и т. д. Но всѣ эти философы скоро у насъ были забываемы и скоро смѣняемы. Философскія системы самородныхъ мыслителей нашихъ—въ родѣ Скворцова, Голубинскаго, Гогоцкаго, представителей славянофильства—у насъ, собственно говоря, не рѣшались признавать философами—по крайней мѣрѣ—въ западно-европейскомъ смыслѣ, потому что въ своихъ философскихъ міровоззрѣніяхъ они не только не расходились съ Божественнымъ Откровеніемъ, а напротивъ сближались съ нимъ, усматривая

въ немъ единственный источникъ высшей и абсолютной мудрости...

Германія—вотъ та страна, которая, по господствовавшему у насъ до сихъ поръ убѣжденію, могла быть названа странною новѣйшей философіи, какъ Греція—философіи древней, классической. Новѣйшаго философа мы могли представлять себѣ не иначе, какъ въ видѣ нѣмца, на подобіе какого-нибудь Гегеля, Канта или Шопенгауера, способнаго забраться въ даль не всякому доступнаго отвлеченія и вѣщающаго оттуда слова мудрости, которая обѣщаетъ весь міръ сдѣлать счастливымъ, представивъ ему высшій идеаль совершенства...

Но настала, наконецъ, пора покончить навсегда съ этимъ унижительнымъ для насъ предразсудкомъ! Довольно! Будетъ намъ преклоняться передъ нѣмцами! Время—начать жить и своимъ умомъ. Наши дни даютъ намъ ясное доказательство, что и русскіе люди способны быть оригинальными философами, что и мы можемъ «выдумать» свою философію—да еще какую?—такую, предъ которою прадутъ въ изумленіе сами нѣмцы.

Въ самомъ дѣлѣ,—неужели не можетъ быть названъ оригинальнымъ русскимъ философомъ Вл. Соловьевъ, увлекавшій своими философскими чтеніями даже нашихъ барышень, бросившихъ было ради его философіи все—и театры, и балы, и даже увлеченія медицинскими курсами?... Правда, въ настоящее время онъ оставилъ философію и ревностно изучаетъ мудрость Лойолы. Но это его личное дѣло. И русскіе люди объ этомъ нисколько не скорбятъ. Его мѣсто занялъ вполнѣ достойный его преемникъ. Мы говоримъ о М. Н. Толстомъ. Это ли не самородный и не оригинальный русскій философъ? Нѣмецкіе философы мечтаютъ о какомъ-то общественномъ благѣ, о человѣческомъ счастіи, и потому хотятъ возбудить у насъ, своихъ почитателей, стремленіе—соединенными силами бороться съ зломъ, какъ причиною общественныхъ несчастій и помѣхою общему благу. Нашъ Левъ Николаевичъ не желаетъ болѣе слушать нѣмецкихъ философовъ и,—безъ сомнѣнія,—въ укоръ имъ «выдумалъ» свою собственную философію «о непротивленіи злу».—Неужели и это не оригинально?

Текущій (1890) годъ подарилъ намъ еще одного оригинальнаго русскаго философа, о которомъ я и намѣренъ, благоклонные читатели, говорить съ вами въ настоящей статьѣ. Философъ этотъ—Н. М. *Минскій*. Кто онъ такой, я не могу вамъ сказать, но вотъ въ настоящемъ году поступила въ продажу его книга: *«При свѣтъ совѣсти. Мысли и мечты о цѣли жизни. С.-Петербургъ. 1890»*. Я купилъ эту книжку, съ любопытствомъ прочиталъ ее и увидѣлъ, что въ ней находятся не только «мысли и мечты», а цѣлая «философская система», какъ ей и быть должно, и какъ она помещается обыкновенно въ подобныхъ же книжкахъ нѣмецкихъ философовъ. Правда, эта «философская» система не обладаетъ особыми достоинствами, и если бы она принадлежала какому-либо нѣмцу, я бы—сознаюсь откровенно—не обратилъ на нее совершенно никакого вниманія. Но пройти молчаніемъ и не отмѣтить появленія философской системы *русскаго* философа, при нашей сравнительной бѣдности въ философски мыслящихъ людяхъ,—это было бы даже преступленіемъ. Ужъ тамъ философъ онъ, какой бы ни вышелъ, а все-таки *русскій* философъ,—и *русскимъ* людямъ слѣдуетъ съ нимъ познакомиться.

Въ своей книгѣ *Минскій*, впрочемъ, сообщаетъ намъ и нѣкоторыя свѣдѣнія о своей личности и при томъ—такія, которыя окажутся для насъ неизлишними при оцѣнкѣ его философіи. Такъ, изъ нея мы узнаемъ, что философская система г. Минскаго составлена не за одинъ присѣсть, а что къ ней нашъ новый философъ пришелъ послѣ долгихъ и мучительныхъ сомнѣній и колебаній, и что три части, изъ которыхъ состоитъ книга, были задуманы и написаны въ разное время и съ большими промежутками. Далѣе,—мы узнаемъ, изъ нея, что въ молодости г. *Минскій* сильно испыталъ на себѣ обаяніе утилитарной философіи, проповѣдующей о возможности личнаго земнаго счастья для человѣка, о свободѣ, независимости, одномъ благѣ лишь временномъ, а не заоблачномъ и туманномъ, философіи, уничтожающей всякое понятіе о нравственности и оправдывающей пороки всякаго рода. Подъ вліяніемъ этой философіи онъ попалъ было въ кругъ

тѣхъ безумныхъ людей, которые еще такъ недавно мечтали сдѣлать счастливымъ нашъ бѣдный русскій народъ, но вмѣсто счастья принесли ему такъ много горя и несмываемаго позора. Здѣсь-то онъ самъ видѣлъ, какъ были сѣяны химерныя надежды, взошедшія разочарованіями, ядовитый урожай которыхъ еще у всѣхъ на виду, не сжатый и не убранный въ тихіе закрома исторіи. «Припоминаю я, говоритъ г. Минскій (стр. 166), маленькія комнаты и насъ, безумцевъ, кричащихъ, спорящихъ, подвластныхъ какому-то чудному молодому бреду. Совѣсть всегда незримо присутствовала среди насъ. Говорили мы и читали всегда объ одномъ и томъ-же: о несправедливости, о лжи людской. Приводились примѣры ужасающихъ страданій, обнажались язвы человѣчества. Лица наши становились суровы, глаза загорались, что-то жесткое и разрушительное, какъ жгучій вѣтеръ, прокрадывалось въ самые тайники души, на вѣки умерщвляя въ ней безпечность и миръ. Но сколько было наслажденія въ этой боли, когда сердце какъ бы истекало кровью отъ состраданія и праведнаго гнѣва! Для большей наглядности мы превращали людское горе въ цифры, жестокость міра изображали графически. И человѣчество казалось намъ сборищемъ мучениковъ, голодныхъ, озлобленныхъ, погруженныхъ въ нескончаемыя вычисленія своихъ обидъ, не знающихъ ни молитвъ, ни праздниковъ, ни любви, ни пѣсенъ. Оно томится въ сѣтяхъ вражды и предрасудковъ. Мы пойдемъ къ нему съ неопровержимыми, вопіющими цифрами; мы съ карандашемъ въ рукахъ докажемъ, что братство выгодно, для нихъ-же выгодно, что справедливость полезна, что взаимная помощь спасительна. Стоитъ только сосчитать и понять! Вѣдь вотъ мы воспылали любовью къ людямъ, мы рады умереть за чужія страданія. Во сколько же разъ пламеннѣе будетъ ихъ восторгъ, когда они начнутъ бороться не за чужое счастье, а за свое. Отъ нашихъ словъ миллионы сердецъ загорятся быстрѣе, чѣмъ сухія вѣтви отъ лѣснаго пожара»...

Этимъ галлюцинаціямъ экзальтированныхъ безумцевъ суждено было однакоже скоро разсѣяться. Если исповѣдь г. Минскаго пскрення, въ чемъ мы не имѣемъ, впрочемъ, права сомнѣваться, то онъ самъ скоро увидѣлъ всю пустоту и бесо-

держательность увлекшей его философіи, способной производить только разрушенія, а не созиданіе человѣческаго счастья, къ своему стыду онъ увидѣлъ, что самый «немудрящій попикъ» гораздо мудрѣе и умнѣе его и даже самыхъ его учителей. «Мы забывали, говоритъ Минскій (стр. 169), что самый немудрящій попикъ или начетчикъ во сто разъ сильнѣе и, главное, нужнѣе для людей, чѣмъ мы со всѣми своими Родбертусами и Марксами, потому что начетчикъ увѣренъ, что знаетъ, въ чемъ цѣль жизни и гдѣ душа будетъ послѣ смерти, а мы не только не знали, но и не хотѣли знать. Цѣною гибели цѣлаго поколѣнія исторія доказала намъ, что любовь къ людямъ не есть еще святыня, и что для того, чтобы эта любовь была плодотворной, нужно любить нѣчто выше себя и людей. Мы думали не такъ, и вотъ почему наша любовь сверкнула надъ міромъ бесплодной зарницей, и мы умерли апостоламъ, не приобрѣвши вѣрующихъ».

Лучшее опроверженіе разныхъ соціалистическихъ бредней, безъ сомнѣнія, представилъ никто другой, какъ самъ здраво-мыслящій народъ нашъ, тотъ именно народъ, среди котораго безумцы хотѣли найти своихъ «вѣрующихъ». Его міровоззрѣніе, сложившееся въ длинномъ историческомъ процессѣ на твердыхъ началахъ Православія, самодержавія и народности, оказалось тою грозною скалою, о которую въ дребезги разбилась безстыдная ложь соціализма. Это сознаеть и г. Минскій. «Наша совѣсть, говоритъ онъ (стр. 168), столкнулась съ совѣстью народною. столкнулась не явно, не на страницахъ книгъ или въ логическомъ спорѣ, а гдѣ-то тайно, въ глубинѣ самосознанія, въ сумеркахъ предчувствій и упованій—и мы были побѣждены. Въ этомъ весь смыслъ, вся высшая правда нашего пораженія. Мы должны были погибнуть, мы забывали, что толпа, которой мы шли проповѣдывать новую жизнь, не голыя цифры, а живые люди—любящіе, скорбящіе, ищущіе примиренія съ совѣстью, презирающіе свое самолюбіе, не менѣе насъ. Мы еще могли оболъщать себя призракомъ героизма. Но для тѣхъ голодныхъ, которымъ мы несли свое ученіе, оно превращалось въ проповѣдь самаго голаго, грубаго самолюбія. Борясь за благо людей, мы презирали ихъ. И лю-

ди отвергли насъ; ихъ совѣсть крѣпко цѣплялась за вѣковую святыню, за вѣру въ безсмертіе и въ лучшій міръ, между тѣмъ какъ мы, запасшись цыфрами о заработной платѣ, отъ вопросовъ о безсмертіи и верховной цѣли отдѣльвались или молчаніемъ, или плоскою шуткой. Чѣмъ могли мы утѣшить простаго человѣка, опускающаго въ могилу дорогой прахъ? Неужели проповѣдью артельныхъ началъ? или проклятіями по адресу капитала?»

Какъ бы то ни было, но съ философіею утилитаризма и социалистическими бреднями г. Минскій, повидимому, рѣшился покончить навсегда и безповоротно. Критическому разбору этой философіи, ясно обнаруживающему всю ея пустоту и бессодержательность, онъ даже посвятилъ въ своей книгѣ отдѣльную главу, хотя она и стоитъ какъ-то одиноко, безъ всякой связи съ общимъ содержаніемъ книги,—ясный признакъ негодованія автора противъ обманувшаго его прежняго друга. Но что оставалось дѣлать далѣе? Подъ ногами г. Минскаго не было никакой почвы. Старое брошено какъ негодное; во ваго на его мѣсто ничего не найдено. Въ это время уже сталъ раздаваться голосъ Л. Н. Толстаго, осуждающаго города и цивилизацію и указывающаго на села и крестьянъ, какъ на единственныхъ носителей и хранителей человѣческаго спасенія. Минскому дали совѣтъ «жить, какъ живутъ простые люди, окунуться въ живыя волны народныхъ идеаловъ». И Минскій ухватился за этотъ совѣтъ, какъ утопающій хватается за соломенку. Поддавшись ему, онъ дѣйствительно нѣсколько лѣтъ тому назадъ, отправился пожить среди молоканъ, въ робкой надеждѣ (въ которой, впрочемъ, по его собственнымъ словамъ, онъ и самъ себѣ не сознавался), въ надеждѣ услышать простыя слова, которыя чудомъ примирили бы всѣ его сомнѣнія и противорѣчія. И что-же? Увидѣлъ онъ тамъ трезвыхъ людей, занимающихся земледѣліемъ, извозомъ, торговлей, знающихъ наизусть евангеліе и любящихъ «собесѣдовать» присутствовалъ на ихъ моленіяхъ, проводилъ вечера и ночи въ «собесѣдованіяхъ» съ молодыми и старыми, раскрывалъ свою душу и взамѣнъ выслушивалъ наивныя рѣчи по поводу разныхъ умственныхъ и душевныхъ предметовъ и, въ осо-

бенности, по поводу жгучаго вопроса, волновавшаго Кавказъ и Волгу, раздѣлившаго современное молоканство на два толка, вопроса о какихъ-то «узилищахъ», о томъ, гдѣ именно, «у престола» или «подъ алтаремъ», будутъ находиться наши души послѣ смерти? Само собою понятно, что молокане и ихъ ученіе не могли удовлетворить нашего мудреца, нищуцаго истины,—и онъ разстался съ ними раньше, чѣмъ предполагалъ, унося съ собою въ сердцѣ большую любовь и еще большее разочарованіе. «Какимъ образомъ споры объ «узилищахъ»,—спрашиваетъ Минскій (стр. VI),—могли бы разрѣшить сомнѣнія моей совѣсти, до которыхъ народъ не до-развился?» ...

Къ ученію Православной Церкви, къ мудрости Христовой, онъ вовсе не считалъ нужнымъ обращаться за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній и недоумѣній. Повидимому, онъ или никогда не имѣлъ связей съ Православною Церковію, или же порвалъ ихъ окончательно еще до своего увлеченія утилитарною філософіею и соціалистическими бреднями. По крайней мѣрѣ, его книга по мѣстамъ дышетъ прямо явною враждебностію къ ученію Православной Церкви. Онъ саркастически отзывается о нашихъ «немудрящихъ попикахъ», которые напрасно только тратятъ время, проповѣдуя о безкорыстной братской любви къ ближнему, о безсмертіи души, вѣчной жизни, страшномъ судѣ, нравственной отвѣтственности за свои дѣйствія, добрѣ и злѣ и т. п. Аскетизмъ и подвижничество онъ называетъ сильнѣйшимъ проявленіемъ самаго грубаго человеческого эгоизма или самолюбія. Правда, онъ утверждаетъ при этомъ, что имѣетъ въ виду исключительно аскетовъ древней Индіи, практиковавшихъ аскетизмъ съ чисто философскою цѣлью (стр. 210). Но фразой, очевидно, наготы своей не прикроешь...

Итакъ.—пусть нѣмцы разрабатываютъ свою философію въ аудиторіяхъ своихъ философскихъ факультетовъ и въ своихъ ученыхъ кабинетахъ. Для русскаго философа такіе факультеты и кабинеты излишни; ихъ мѣсто замѣняютъ или конспиративныя квартиры соціалистовъ, или сборища сектантовъ. Быть можетъ, этимъ объясняется и самое различіе въ характерѣ ихъ философствованія.

Какъ бы то ни было, но не подлежитъ сомнѣнію, что въ своихъ аудиторіяхъ и кабинетахъ нѣмецкіе философы никогда не достигнутъ тѣхъ результатовъ, какихъ достигъ нашъ новый философъ, г. Минскій, бродя по разнымъ труппамъ и «маленькимъ комнатамъ».

Вотъ его послѣдніе и окончательные выводы, увѣнчивающіе его философскую систему:

1. «Ничего не признавать и ничего не отрицать—таковъ послѣдній удѣлъ нелицемѣрной совѣсти». (Стр. 170). Такъ заканчиваетъ г. Минскій свое изслѣдованіе по *гносеологии*; такъ отвѣчаетъ онъ на самый коренной философскій вопросъ объ источникѣ человѣческаго познанія и его достовѣрности. Глубоко ошибся бы нашъ читатель, если бы на основаніи этихъ словъ призналъ г. Минскаго философскимъ скептикомъ, отвергающимъ возможность точнаго познанія, подобно скептикамъ древней философіи—Пиррону, Тимону, Аркезилаю, Карнеаду или проповѣднику европейскаго скептицизма — шотландцу Юму. У Минскаго нѣтъ ничего подобнаго. Какъ увидимъ ниже, онъ многое—даже невозможное—прекрасно умѣетъ признавать, а еще лучше самое важное и существенное—отрицать. Его выводъ сильнѣе всего опровергаетъ его же собственная философская система и признающая, и отрицающая. Минскій, безъ сомнѣнія, здѣсь впалъ въ совершенно непопнтное противорѣчіе съ самимъ собою. Но это, читатель, съ нимъ будетъ случаться еще не разъ.

2. Въ области *космологии* и *онтологии*:

а) Минскій отрицаетъ самую возможность существованія Абсолюта, подъ которымъ онъ разумѣетъ совершеннѣйшее Существо, вѣчную субстанцію, источникъ свѣта, бытія и силы, т. е. Бога, почему эпилогомъ своего разсужденія объ этомъ предметѣ онъ и избираетъ извѣстное схоластическое изреченіе: «*Nemo contra deum nisi deus ipse*». Почему же бытіе Абсолюта не возможно? Потому, отвѣчаетъ нашъ новый философъ (стр. 136), что анализъ, разбирая свойства Абсолюта, доказываетъ, что его бытіе дѣлаетъ немислимымъ бытіе міра, который несомнѣнно и дѣйствительно существуетъ. Абсолютъ единъ и ничѣмъ неограниченъ; какимъ же образомъ суще-

ствую я—не Абсолютъ, граница Абсолютнаго? Одно изъ двухъ: или разрозненный міръ, или единый Абсолютъ; вмѣстѣ они существовать не могутъ. Міръ *стремится* къ единому Абсолюту, слѣдовательно внѣ міра существуетъ Абсолютъ; міръ, стремящійся къ единому Абсолюту, *существуетъ*, слѣдовательно Абсолюта единаго нѣтъ». Это разсужденіе служитъ яснымъ доказательствомъ того, что г. Минскій совершенно неспособенъ къ философскому мысленію. Онъ, очевидно, не знаетъ самой азбуки онтологической философіи, именно, — что «условное и безусловное, случайное и необходимое, возможное и дѣйствительное, суть понятія коррелятивныя: одно изъ нихъ немыслимо безъ другого, что уничтожая или подвергая сомнѣнію бытіе безусловное, мы этимъ самымъ уничтожаемъ и бытіе условное, уничтожаемъ достовѣрность какого бы то ни было бытія»¹⁾. Въ этомъ случаѣ не худо было бы г. Минскому вспомнить хотя основное и первоначальное правило математики, что величины измѣряются, опредѣляются, а слѣдовательно и ограничиваются только однородными величинами, что вѣса нельзя опредѣлять аршинами, а пространства—пудами. Абсолютъ можетъ быть ограниченъ, а слѣдовательно и исключенъ только Абсолютомъ; поэтому безъ противорѣчія нельзя допускать бытія двухъ Абсолютовъ, или двухъ неограниченныхъ боговъ. Конечное же уже потому, что оно—конечное, не можетъ служить ограниченіемъ безконечнаго; а потому если мы утверждаемъ, что міръ существуетъ, какъ совокупность конечныхъ вещей, то отсюда нельзя дѣлать вывода, что «слѣдовательно Абсолюта единаго нѣтъ», а напротивъ должно умозаключать только такимъ образомъ: если существуетъ конечное, то безусловно должно существовать и безконечное какъ его первопричина, —положеніе, которое у всѣхъ философовъ служило основаніемъ такъ называемаго космологическаго доказательства бытія Божія. Выводъ, сдѣланный довольно опрометчиво нашимъ доморощеннымъ философомъ, можетъ имѣть значеніе лишь въ отношеніи къ дуали-

¹⁾ Прав. Обзор. 1886. т. II. Стр. 66. Статьи В. Д. Кудрявцева «Онтологическое доказательство бытія Божія».

стическому міровоззрѣнію, которое рядомъ съ абсолютнымъ духомъ признаетъ еще существованіе и *самобытной* матеріи, или въ отношеніи къ деистическому представленію, допускающему безусловную самостоятельность міра и его законовъ,—самоограниченіе Божества. Но эти оба міровоззрѣнія и должны быть признаны ложными именно потому, что, допуская въ себѣ противорѣчіе, какъ бы бытіе двухъ абсолютовъ, сами себя уничтожаютъ. Что же касается г. Минскаго, то онъ, повидимому, не раздѣляетъ этихъ міровоззрѣній. Есть много пантеистовъ, признающихъ міръ только развитіемъ или проявленіемъ абсолютнаго, которые въ то же время утверждаютъ, что абсолютное, существуя въ конечномъ бытіи и объемля его собою, можетъ вмѣстѣ съ тѣмъ существовать и внѣ его и выше его, какъ чистое абсолютное, или божественное бытіе. А это также свидѣтельствуетъ намъ, что представленіе бытія Абсолюта одновременно съ существованіемъ конечнаго міра, во все не противорѣчитъ законамъ человѣческаго мышленія.

б) Далѣе,—Минскій объявляетъ «абсолютно несуществующими» вселенную, атомъ, «вещь саму въ себѣ», вѣчность, мгновеніе, первопричину всего существующаго,—что бы подъ нею ни разумѣли,—«самопознающее я», полное бытіе и полное небытіе. На какомъ основаніи онъ дѣлаетъ этотъ выводъ и какъ нужно понимать его,—объ этомъ намъ прійдется говорить подробнѣе въ свое время. Мы останавливаемъ вниманіе читателя на этомъ выводѣ лишь для предварительнаго ознакомленія его съ характеромъ работы нашего поваго философа.

3. Выводы *иѳки* г. Минскаго:

а) «Кому дѣроги судьбы міра, тотъ пусть благословитъ несовершенство міра и радуется своей печали» (стр. 254).

«Да будутъ они благословенны, страданія несовершеннаго міра! Да будетъ благословенно отсутствіе любви, истины, свободы!» (стр. 260).

«Силой внутренняго страданія мы измѣряемъ *величіе божественной жертвы, принесенной ради насъ*. Поэтому, чѣмъ глубже раскрывается безцѣльность и зло міра, тѣмъ сильнѣе мы должны любить міръ.... Пусть мы—жертва, которая должна

своею смертію, своими муками прославлять величіе Единого, но мы же свидѣтели жертвоприношенія, и мы—жрецы, поющіе торжественный гимнъ, и мы—божество, внимлющее этому гимну!» (стр. 252).

Услышавъ рѣчь о «величіи божественной жертвы, принесенной ради насъ», о «праславленіи величія Единого», да не подумаетъ благосклонный читатель, что г. Минскій имѣетъ здѣсь въ виду христіанское ученіе объ искупительной жертвѣ, принесенной ради насъ Спасителемъ! Ничего подобнаго здѣсь нѣтъ. Что же это? Выводы мрачнаго, безотраднаго философскаго пессимизма? — нѣтъ! Благодушіе близорукаго оптимизма?—Тоже нѣтъ. Это — плоды нашего доморощеннаго недомыслія: это—пустая болтовня капризнаго русскаго барича. Видите ли, когда Минскій увлекался социалистическими идеями и артельными началами, тогда онъ слишкомъ возмущался какъ несовершенствомъ міра, такъ и страданіями людей, онъ былъ недоволенъ существующимъ порядкомъ міровой жизни и желалъ измѣненія его «къ лучшему» съ своей, конечно, точки зрѣнія; когда же, въ силу «сложившихся обстоятельствъ» онъ теперь увидѣлъ всю ложь своего увлеченія и всю пустоту своего прежняго міровоззрѣнія, когда онъ убѣдился, что въ то время онъ только донкихотствовалъ, сражался съ призраками, — онъ теперь бросился въ противоположную крайность, махнулъ рукой на всѣхъ и вся—и на народныя страданія, и на несовершенство существующаго порядка, все наше «обстоящимъ благополучно» и затянулъ въ одинъ голосъ съ другимъ русскимъ баричомъ—Толстымъ пѣсню о «непротивленіи злу»... вмѣстѣ съ Толстымъ, онъ признаетъ теперь за зломъ и несовершенствомъ міра самое существенное значеніе, ибо вмѣстѣ съ нимъ онъ готовъ утверждать, «что всякія страданія всегда нужны, необходимы для блага жизни людей», что «боль не только не есть зло, но есть необходимое условіе какъ нашей животной, такъ и разумной жизни», что «если бы боги сотворили людей безъ ощущенія боли, то люди сами очень скоро стали бы просить о ней» боговъ и т. д.

б) Далѣе,—Минскій отвергаетъ существенное различіе между добромъ и зломъ, не признаетъ нравственной отвѣтствен-

ности человѣка за его дѣйствія, не признаетъ справедливости ни за наградами, ни за наказаніями, потому что отвергаетъ свободу воли у человѣка, допуская, что воля дѣйствуетъ только по необходимымъ отъ нея независящимъ мотивамъ, и что, слѣдовательно, «всѣ наказанія и награды становятся, предъ судомъ высшей справедливости, нелѣпостью». «Всякій поступалъ такъ, какъ долженъ былъ, какъ иначе не могъ поступать: какимъ-же образомъ,—спрашиваетъ нашъ философъ (стр. 47),—можно его наказать или наградить?»... Лучшимъ опроверженіемъ всякаго рода детерминистическихъ теорій обыкновенно служитъ указаніе на факты, несомнѣнно доказывающіе существованіе свободной воли у человѣка. Но съ нашимъ оригинальнымъ философомъ этимъ ничего не подѣлаешь: у него «всякая вина виновата». Онъ, если хотите, можетъ согласиться съ вами, можетъ допустить и свободу воли.—но дѣло въ томъ, что выводы у него все-таки получаются одни и тѣ же даже и въ этомъ совершенно противоположномъ случаѣ. «Допустимъ,—говоритъ онъ (*ibid.*). — что воля свободна и собственной силой опредѣляетъ себя доброй или злой. Тогда, передъ судомъ высшей справедливости, наказанія и награды становятся бесполезными и незаслуженными. Они бесполезны, ибо страхъ наказанія и желаніе награды суть мотивы, а мы допустили, что воля стала доброй или злой безъ мотивовъ. Они не заслужены, ибо воля, имѣвши выборъ руководиться мотивами добрыми или злыми, избрала тѣ или другіе, уже не подчиняясь никакой причинѣ или мотиву; въ противномъ случаѣ, въ чемъ бы выразалась ея свобода? Если же воля опредѣлила себя доброю или злою безъ всякой причины, безъ всякаго мотива, совершенно случайно,—за что тогда ее наказывать или награждать?» Совершенно иначе рассуждаетъ г. Минскій, когда онъ подвергаетъ разбору чужія теоріи; тогда онъ оказывается уже признающимъ наказанія и награды даже и при признаніи воли несвободною, не замѣчая однако же того, въ какое глубокое противорѣчіе впадаетъ онъ въ этомъ случаѣ съ самимъ собою. Вотъ одинъ изъ примѣровъ. Детерминистъ Робертъ Оуэнъ, отрицая у человѣка свободу воли, нападаетъ на всякую систему наказаній, счи-

тая ее несправедливостію и предлагаетъ поэтому раскрыть тюрьмы и выпустить на свободу всѣхъ преступниковъ. По его мнѣнію, несправедливо вообще наказывать преступника, такъ какъ преступленіе, какъ и всякій поступокъ, совершается лишь по необходимымъ, независящимъ отъ воли, мотивамъ. Общество, говоритъ онъ, само толкнуло преступника на путь зла и потому должно терпѣть его въ своей средѣ, какъ наказаніе за свои дѣйствія. Разбирая эту теорію, нашъ философъ разсуждаетъ совершенно здраво и даже съ негодованіемъ восклицаетъ: «Удивительная логика! Никто не виноватъ, даже тотъ, кто совершилъ преступленіе, — *следовательно* виноваты судьи, осудившіе преступника. Всякій поступаетъ такъ, какъ долженъ поступать, — *следовательно* мы не должны были наказывать тѣхъ, кого наказали. Никто не отвѣтственъ за свои поступки, — *следовательно* общество отвѣтственно за то, что создало преступниковъ. Всякая система наказаній безсмысленна, — *следовательно* общество должно быть наказано».

Какъ видите, г. Минскій можетъ иногда разсуждать вполне дѣльно, и хотя въ полномъ противорѣчій съ самимъ собою, но прекрасно опровергъ не только ученіе Роберта Оуэна, но и самого себя. Что же это значитъ? Въ чемъ здѣсь секретъ? Все дѣло въ неискренности нашего поваго философа. Онъ говоритъ одно, а думаетъ и дѣлаетъ совершенно другое. Онъ торжественно отрекся отъ увлекшей его первоначально утилитарной философіи и даже жестоко «раскритиковалъ» ее въ своей книгѣ; но въ дѣйствительности онъ и теперь живетъ ею, дышетъ ея атмосферою; для него нѣтъ, собственно, нравственныхъ принциповъ человѣческой дѣятельности, а если онъ и говоритъ о нихъ, то не иначе, какъ съ точки зрѣнія утилитарной философіи. Нравственной оцѣнки дѣйствій въ смыслѣ «вышей справедливости» онъ не признаетъ; для него справедливость есть только одна изъ формъ эгоизма или самолюбія. «Понятіе о какой-то высшей справедливости, отрѣшенной отъ самолюбія того или другого лица, говоритъ онъ (стр. 48), само себя пожираетъ, сводя свое содержаніе къ нулю; такъ и быть должно, ибо справедливость, отрѣшенная отъ самолюбія, есть нѣчто несуществующее, немислимое, также

нуль»¹⁾. То же самое нужно сказать и о совѣсти, какъ внутреннемъ голосѣ, какъ внутреннемъ судіи нашихъ дѣйствій. Минскій отказываетъ ей въ нравственномъ характерѣ и смотритъ на нее лишь чрезъ призму утилитаризма. Онъ не признаетъ ее даже ни въ смыслѣ чувства нравственнаго долга, ни въ смыслѣ Кантовскаго императива. «Совѣсть рождается, говоритъ онъ (стр. 50), отъ присущаго душѣ ужаса небытія». т. е. изъ боязни понести убытокъ, ущербъ. Отсюда для него безразлично признавать ли свободу воли или нѣтъ. Никакой нравственной природы въ дѣйствіяхъ человѣка онъ не видитъ; для него важно только одно, каковы эти дѣйствія въ отношеніи «ко мнѣ», къ моему самолюбію, полезны или вредны, выгодны или убыточны. Въ этомъ случаѣ онъ похожъ на того базарнаго торговца, который покупаетъ вещи, не разсуждая о томъ, краденныя онѣ или нѣтъ, лишь бы только онѣ были для него выгодны, куплены, какъ можно дешевле, перепроданы, какъ можно, дороже. «Передъ судомъ высшей справедливости, говоритъ Минскій (стр. 49), убійца не виновенъ въ томъ, что убилъ свою жертву, а судья не виновенъ въ томъ, что осудилъ убійцу: воля обоихъ подчинялась «необходимымъ мотивамъ. Но передъ судомъ моего самолюбія одинъ изъ нихъ правъ, а другой виновенъ. *Виновенъ тотъ, кто намъ вреденъ: вотъ верховный принципъ нашей справедливости*».

в) Послѣ сказаннаго легко понять, какимъ образомъ нашъ новый философъ приходитъ къ отрицанію «верховой цѣли» и утвержденію, что «верховная цѣль есть понятіе о чемъ-то абсолютно невозможномъ и противорѣчивомъ» (стр. 194).

г) Наконецъ, Минскій совершенно отрицаетъ загробную жизнь и безсмертіе не только личное, но и пантеистическое, даже безсмертіе въ потомствѣ или человѣчествѣ. И это онъ дѣлаетъ съ такою циничностію, на которую едвали способенъ самый грубый матеріалистъ. Ясно, что изъ его головы еще и до сихъ поръ не вышелъ тотъ нигилистическій чадъ, кото-

¹⁾ Подобно этому училъ и Милль (Утилитаріанизмъ, гл. VI), когда утверждалъ, что «чувство справедливости есть не что иное, какъ чисто животное желаніе отразить зло или отомстить за него»...

рымъ онъ былъ отуманенъ въ «маленькой комнатѣ» социалистическихъ бредней, когда онъ не только не знаетъ, гдѣ будетъ душа послѣ нашей смерти, но и знать этого не хотѣлъ. Жизнь каждаго человѣка, по ученію Минскаго, окончится только разложеніемъ и вонью трупа. Затѣмъ, подобно отдѣльному организму, со временемъ остынетъ и солнце, и придетъ день, когда земля, скрывшая наши трупы, сама превратится въ холодный трупъ ¹⁾. Даже человѣческіе подвиги и добродѣтели въ его глазахъ не имѣютъ никакого смысла, никакого значенія, кромѣ временнаго. «Ничто, вѣщаетъ нашъ мудрецъ (стр. 259), ничто не сохранится отъ нашихъ мыслей, и дѣлъ, и чувствъ: ни добро, ни зло, ни слава, ни безславіе, ни разумъ, ни безуміе, ни подвиги, ни преступленія. Они должны исчезнуть на вѣки, безъ возврата» ... Какая отрадная перспектива для несчастнаго человѣчества! Какой же послѣ этого смыслъ нашей жизни на землѣ? «Тайнственный и непонятный», говоритъ Минскій. Т. е., сказать по просту, это значитъ, —никакого!

Итакъ, вотъ главнѣйшіе изъ выводовъ философіи г. Минскаго. Чтобы правильно оцѣнить ихъ, намъ необходимо прослѣдить тотъ путь, которымъ шелъ къ нимъ самъ Минскій. Необходимо поэтому намъ ближе познакомиться съ самою системою новосозданной философіи. Къ изложенію этой-то системы, изложенію объективному и безпристрастному, мы теперь и переходимъ, оставляя за собою право въ заключеніе высказать свое сужденіе о ея достоинствахъ и недостаткахъ.

II.

Исходною точкою философіи Н. М. Минскаго служитъ дѣйствительность въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ каждый данный моментъ, жизнь, полная противорѣчій, съ разладомъ между совѣстью и разумомъ, съ жаждой недосыгаемой любви, съ презрѣніемъ къ несокрушиму самолюбію, съ безпрестанною борьбою и страданіями, безъ точно опредѣленной цѣли жизни, безъ высшихъ одушевляющихъ началъ и идеа-

¹⁾ Стр. 258.

ловъ. По изслѣдованію Минскаго, три великихъ противорѣчія, развиваясь одно изъ другого, наполняютъ собою нашу жизнь и служатъ причиною всѣхъ нашихъ душевныхъ страданій.

Первое изъ этихъ противорѣчій Минскій формулируетъ слѣдующимъ образомъ: «Я созданъ такъ, что любить долженъ только себя, но эту любовь къ себѣ я могу проявлять не иначе, какъ первенствуя надъ ближнимъ своимъ, такимъ же, какъ я, самолюбомъ, жаждущимъ первенства; поэтому цѣль моей жизни и цѣль жизни моего ближняго одна другую отрицаютъ и уничтожаютъ». Эту мысль, которая должна лечь въ основу всей системы, нашъ философъ старается доказать и теоретически и практически, подкрѣпляя ее фактами, взятыми изъ области самой дѣйствительности. Затѣмъ, развивая свою мысль далѣе, онъ указываетъ и на тѣ послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого противорѣчія. Прежде всего, вслѣдствіе господства въ жизни самолюбія и жажды первенства онъ признаетъ невозможнымъ какъ всеобщее благо, такъ и личное счастье кого бы то ни было изъ людей. Если бы, подчиняясь самолюбію, человекъ желалъ только дышать, пить, ѣсть, одѣваться, размножаться, ласкать свои чувства, изощрять разумъ стремиться къ развитію всѣхъ силъ, то счастье личное и благо всеобщее, при всѣхъ трудностяхъ ихъ достиженія, все-таки, думаетъ Минскій (стр. 7), не таили бы въ себѣ ничего безусловно невозможнаго, нелѣпаго, противорѣчиваго. Но неподчиненное ни разуму, ни волѣ, неограниченно властное самолюбіе заставляетъ человека роковымъ образомъ стремиться къ достиженію еще одного блага—къ первенствованію надъ равнымъ себѣ. и вслѣдствіе этого всеобщее благо становится иллюзіей, безусловно невозможной въ дѣйствительности, ибо превосходство и счастье одного неизбежно предполагаютъ униженіе и страданіе другого. По этой же причинѣ становится несбыточной иллюзіей и счастье отдѣльнаго человека. Сила, движущая мою душу, т. е. мое неограниченное самолюбіе и цѣль, къ которой она движется, ограниченіе самолюбія ближняго постоянно находятся въ трагическомъ, неразрѣшимомъ противорѣчій между собою, отрицаютъ одна другую. А основанныя на такомъ противорѣчій отношенія людей не мо-

гутъ, очевидно, приводить ни къ чему другому, какъ только къ постояннымъ страданіямъ и лжи. «Сонъ, приснившийся отроку Іосифу, говоритъ Минскій, снится каждому изъ насъ отъ рожденія до могилы». Блага жизни для насъ имѣютъ значеніе только тогда, когда ими доставляется удовлетвореніе нашей жаждѣ къ первенствованію. Въ этомъ отношеніи всѣ блага жизни можно подраздѣлить, по мнѣнію Минскаго (стр. 18), на три разряда. Ниже всѣхъ слѣдуетъ поставить тѣ блага, въ которыхъ чувство первенства является лишь постороннимъ и случайнымъ элементомъ. Ко второму разряду нужно отнести тѣ блага, въ которыхъ сознаніе первенства является необходимымъ предикатомъ. Такова припудительная власть всякаго рода: богатаго надъ бѣднымъ, сильнаго надъ слабымъ, побѣдителя надъ покореннымъ. «Побѣждать отрадно, говоритъ г. Минскій, не только врага, но вообще подобнаго себѣ. Побѣда надъ кѣмъ бы то ни было позволяетъ мнѣ глубже вдыхать радость бытія, сильнѣе сознавать себя существующимъ». Тѣмъ не менѣе благо побѣдителя еще не есть самое высшее въ жизни. Побѣдитель хотя и первенствуетъ, но ему извѣстно, что побѣжденный въ душѣ своей не признаетъ законности этого первенства, не считаетъ его, побѣдителя, бытія чѣмъ-то завѣтнымъ, а наоборотъ жаждетъ его униженія и гибели. Поэтому третій разрядъ благъ самолюбія достигается лишь тогда, когда передъ яркимъ свѣтомъ души самолюбца другая душа добровольно померкнетъ, добровольно признаетъ его первенство, добровольно полюбитъ его бытіе больше своего собственнаго. Этого блага нельзя достичь прямымъ путемъ или виѣшнею силою. «Чтобы добиться добровольнаго поклоненія себѣ, говоритъ Минскій (стр. 21), человѣкъ долженъ притворяться передъ собою и другими, будто никакого поклоненія онъ не ищетъ, будто счастье людей само по себѣ ему дороже собственнаго счастья». Вотъ почему въ жизни *притворство* и *ложь* и господствуютъ въ безграничномъ размѣрѣ. Но какъ бы однако искусно ни притворялся герой предъ собою и другими любящимъ людей ради нихъ самихъ, цѣли, которая его манитъ, онъ не достигнетъ. Приблизившись къ ней, онъ съ горечью долженъ увидѣть, что эта

завѣтная цѣль была иллюзіей, ибо каждый изъ толпы, добровольнаго поклоненія которой онъ жаждалъ, такъ же, какъ и онъ, можетъ любить только свое бытіе и можетъ поклоняться только одному себѣ. Добытая слава оказалась полною отравы. Отсюда, *неудовлетворенность и страданія, грусть и вѣчное чувство* одиночества являются неизбежными послѣдствіями стремленія человѣка къ высшему счастью, результатомъ перваго указаннаго противорѣчія въ жизни.

Второе великое противорѣчіе жизни, найденное нашимъ новымъ философомъ, выражено имъ въ такой формѣ: «Любя только себя самого, я больше всего презираю и ненавижу свое самолюбіе». «Внутренній голосъ, который велитъ мнѣ презирать свое самолюбіе, рисуя мнѣ его въ видѣ жаднаго, ненасытнаго идола, говоритъ Минскій (стр. 27), принято называть совѣстью, причеиъ полагаютъ, что совѣсть ополчается на самолюбіе во имя нравственнаго идеала или чувства долга». На самомъ же дѣлѣ, по убѣжденію нашего философа, какъ мы уже сказали выше, совѣсть ополчается на самолюбіе вовсе не во имя нравственнаго идеала, а лишь во имя страха смерти (стр. 29). Если бы человѣкъ былъ бессмертнымъ, то онъ, по словамъ Минскаго, не имѣлъ бы даже и малѣйшаго понятія о совѣсти и воображалъ бы свое самолюбіе въ видѣ прекраснаго божества. Теперь же онъ презираетъ это самолюбіе, ибо знаетъ, что онъ любитъ пѣчто, обреченное тлѣнію, мраку, ничтожеству, вѣчному небытію. Онъ знаетъ, что причина его небытія таится не въ чемъ иномъ, какъ въ его же собственномъ тѣлѣ, въ его сердцѣ, которое въ эту минуту бьется для блаженства жизни, а черезъ часъ, можетъ быть, будетъ разгонять по его жиламъ смертельную отраву. «Если бы меня привязали къ трупу, говоритъ Минскій (стр. 28), и такъ заставили жить, всюду волоча его за собою,—мнѣ бы не было тяжелѣе, чѣмъ теперь, когда я оцупаю трупъ въ себѣ, въ своей крови, въ мозгу, въ каждомъ атомѣ тѣла». Итакъ, если совѣсть ополчается на *самолюбіе*, то тѣмъ болѣе невозможна для человѣка безкорыстная любовь къ другимъ людямъ. Къ другимъ людямъ человѣкъ можетъ относиться только по побужденію своего самолюбія, т. е. враж-

дебно и злорадно. Вотъ почему даже лучшія отношенія къ людямъ, выражающіяся, напр., въ состраданіи и справедливости, Минскій также признаетъ лишь чувствами, порожденными самолюбіемъ. «Я сострадаю чужому горю, говоритъ онъ (стр. 31), потому что при видѣ его я или припоминаю подобное-же, мною нѣкогда перенесенное горе, или опасаясь его въ будущемъ». Мало этого, по его словамъ (стр. 35), состраданіе никогда не рождается въ душѣ одно, а всегда совмѣстно съ другимъ чувствомъ, противоположнымъ даже ему, именно—съ чувствомъ злорадства, и они такъ тѣсно связаны между собою, что ихъ слѣдуетъ считать не двумя чувствами, а двумя сторонами, двумя полюсами одного и того же душевнаго движенія. При состраданіи человѣкъ невольно сознаетъ еще свое преимущество надъ страждущимъ, испытывая не дѣйствительное, а лишь отраженное страданіе. Кромѣ того, и страждущій только въ злорадствѣ можетъ получить наибольшее утѣшеніе. Ему пріятно, что другіе ему сострадаютъ, т. е. страдаютъ вмѣстѣ съ нимъ. Ему пріятно въ это время узнать, что не у него одного, а и у другихъ есть горе. Поэтому, говоритъ Минскій (стр. 38), испоконъ вѣковъ дознано, что вѣрнѣйшее средство утѣпить несчастнаго—это рассказать ему о чужомъ, еще большемъ несчастіи. Если вы потеряли любимаго человѣка и предаетесь уединенной печали, непременно ждите благороднаго пріятеля, который, съ лучшими намѣреніями, придетъ къ вамъ и станетъ повѣствовать о своихъ необычайныхъ злополучіяхъ, а когда изсякнетъ его фантазія или запасъ его личныхъ несчастій, онъ примется утѣшать васъ бѣдствіями народными. «Такое ли еще горе бываетъ!» — начнетъ онъ свой рассказъ и кончитъ его словами: «вотъ это горе, такъ горе! Не твоему чета!» Если пріятель поступитъ такимъ образомъ, благодарите его: онъ, въ самомъ дѣлѣ, утѣшитъ васъ. Но знайте, что этотъ благородный другъ играетъ на струнѣ вашей души, именуемой злорадствомъ, и не очень-то вѣритъ въ вашу сострадательность».

Третье противорѣчіе жизни, указываемое г. Минскимъ, и, по словамъ его, самое разрушительное, обращающее жизнь человѣческую въ безцѣльное и безотрадное прозябаніе, это—

разладъ между совѣстью и разумомъ. Пока господствовала надъ умами одна совѣсть, человѣческая жизнь имѣла свой смыслъ и ясно видѣла свою цѣль. Совѣсть не давала блуждать человѣку. «Среди омута противорѣчивыхъ, исключаящихъ одна другую страстей, говоритъ Минскій (стр. 50), она, подобно стрѣлкѣ компаса среди моря, указываетъ душѣ на неподвижную полярную звѣзду нравственности — на безсмертіе». Но характеръ жизни совершенно измѣнился, когда разумъ вступилъ въ разладъ съ совѣстію и сталъ оспаривать у нея первенство. Цѣльность души оказалась нарушенной. Начавъ съ отрицанія вѣчности и полноты бытія, разумъ, говоритъ Минскій (стр. 52), потушилъ самый свѣточъ безсмертія; человѣчество осталось безъ верховной цѣли; мѣрило добра и зла потеряно; душа раздвоилась, и обѣ ея половины — стремленіе къ правдѣ и стремленіе къ истинѣ — вступили между собою въ междоусобную борьбу, неизбежную и непримиримую. Ибо истина разума и правда совѣсти роковымъ образомъ отрицаютъ, уничтожаютъ одна другую. Правда исповѣдуетъ то, что должно быть; истина признаетъ то, что есть; правда считаетъ самолюбіе ложью міра, истина возводитъ самолюбіе въ непреложный его законъ; правда проповѣдуетъ разумность и цѣлесообразность вселенной, истина съ увѣренностію указываетъ на ея случайность и безцѣльность: правда размахомъ гигантскихъ крылъ хочетъ унести душу въ надзвѣздныя края, къ солнцу безсмертія, въ обитель вѣчной любви; истина желѣзными кольцами сжимаетъ эти крылья и притягиваетъ душу къ грязной землѣ. Противорѣчіе непримиримо и соглашеніе невозможно. Вотъ почему «то, что мы называемъ песимизмомъ и что римляне называли *toedium vitae*, говоритъ Минскій (стр. 54), такъ же неизбежно, какъ неизбежна крутящаяся пыль, при столкновеніи двухъ вѣтровъ». Въ этомъ разладѣ, въ этой непримиримой борьбѣ съ разумомъ, по словамъ Минскаго, измѣнилась самая природа человѣческой совѣсти. Убѣдившись (будто бы) въ истинности доводовъ разума, испивъ отраву предвѣчныхъ противорѣчій, совѣсть изъ силы созидательной и животворной становится силой разрушительной и смертоносной. Человѣческое добро

и зло предъ ея судомъ уже являются безразличными, такъ какъ и то, и другое порождены самолюбіемъ, безцѣльными, ибо не ведутъ къ безсмертію. «Совѣсть, говоритъ нашъ новый философъ (стр. 56), она, которая на зарѣ развитія оторвала душу отъ грубой матеріи, вела ее къ духовному свѣту, къ добру, къ любви, къ славѣ,—эта же совѣсть, подчиняясь торжествующему разуму, теперь толкаетъ душу назадъ въ первобытную грязь, влечетъ ее къ разврату, къ самопризрѣнію, къ человѣконенавистничеству». Недовольство жизнию—вотъ все, что остается совѣсти, отчаявшейся въ безсмертіи и внушившей человѣку лишь презрѣніе и къ людямъ, и къ самому себѣ. Такое разложеніе жизни человѣческой г. Минскій находитъ возможнымъ представить намъ наглядно на фактахъ жизни французскаго народа—его общественномъ разстройствѣ, упадкѣ искусства, поэзіи, науки и т. д. Несчастному человѣку дышать нечѣмъ. Окружающая его атмосфера вся пропитана зловоніемъ отъ разлагающагося трупа человѣческой жизни...

«Чѣмъ же исцѣлить душу или чѣмъ опьянить ее?» спрашиваетъ нашъ новый философъ ¹⁾. «Ужъ не правы ли творцы пессимистическихъ теорій, проповѣдующіе нирванну, уничтоженіе противорѣчій и зла міра посредствомъ убіенія воли и самоотреченія? А если они не правы, если противорѣчій міра нельзя распутать, то, можетъ быть, ихъ слѣдуетъ разрубить, и тогда не лучше ли сразу подрѣзать дерево жизни, чѣмъ подрубать его корни одинъ за другимъ? Не устарѣлъ ли вопросъ Гамлета: быть или не быть? и не замѣнить ли его другимъ: какъ не быть? Что благороднѣе: медленное самоубійство или мгновенное? Безстрастіе аскетизма или приѣмъ яда?».

Освѣжить человѣческую жизнь, уничтожить ее противорѣчій, положить конецъ разладу между совѣстью и разумомъ, указать человѣку конечную цѣль его жизни—не въ состояніи ничто. Рѣчей анахорета и подвижника-аскета толпа болѣе не слушаетъ; его кредитъ подорванъ безъ поворота. «Не

¹⁾ Стр. 64.

слушай его! — кричатъ негодующіе голоса изъ толпы: это— безумецъ! юродивый!» (стр. 74). Ему не вѣрять и совѣсть. «Ты бѣжалъ отъ самолюбія, говоритъ она (стр. 75), а между тѣмъ заботился только о себѣ и за долгіе годы лишеній привыкалъ ко вкусу смерти, чтобы потомъ ядъ ея показался тебѣ менѣе горькимъ. Ты ушелъ съ торжища людскаго тщеславія, а между тѣмъ только и дышешь тщеславнымъ сознаниемъ своего превосходства надъ слабовольными людьми. Ты оттолкнулъ опьяняющій напитокъ наслажденій, какъ будто не все равно, отъ чего пьянѣть, отъ лишеній или излишествъ... Да и стоило ли всю жизнь бороться съ силой страстей, изощрять волю для ея же укрощенія, чтобы въ концѣ концовъ превратиться въ живой трупъ, въ дышущій камень? Не лучше ли сразу разбить сознание, чѣмъ уродовать его по частямъ?».

Разлагающейся жизни не можетъ оживить ни такъ называемое «семейное счастье», ни любовь къ красивой женщинѣ, которая столь идеальной представляется неопытному, не знающему жизни юношеству, ни красота вообще. «Кто въ любви искалъ нѣчто большее, чѣмъ наслажденіе, и нѣчто иное, чѣмъ основа для семьи, говоритъ Минскій отъ лица совѣсти (стр. 83), тотъ неизбежно долженъ обрѣсти въ ней обманъ и ложь». То же самое нужно сказать и о красотѣ вообще. «Если красота—символь невѣдомой мнѣ святости, отчего она не служитъ орудіемъ добра и кротости, отчего она жестока, отчего она влечетъ къ преступленіямъ, отчего она—злѣйшій врагъ долга, отчего истинно вѣрующіе и кроткіе сердцемъ всегда проклинали красоту, какъ соблазнъ и грѣхъ? Становился ли хотя одинъ деспотъ добрѣе, надѣвъ прекрасную мантию? Смягчилось ли сердце хоть одного пирата оттого, что скалы и волны такъ прекрасны въ лучахъ зари?».

Возродить жизнь, уничтожить ея противорѣчія, ясно опредѣлить ея конечную цѣль бессильна даже и наука. Она указываетъ намъ только ближайшія причины, окутывая загадку жизни безчисленными и непроницаемыми тайнами. Исчисливъ всѣ заслуги научныхъ изслѣдованій, совѣсть нашего философа, олицетворенная въ образѣ суровой таинственной женщины, обращается къ представителю новѣйшей науки и говоритъ:

«Въ концѣ каждаго изъ путей, которые ты обходилъ со свѣточемъ знанія — былъ ли это млечный путь звѣздъ или тончайшей паутины кровяной сосудъ твоего тѣла—ты упирался въ неперешагаемый порогъ въ закрытую дверь съ надписью: «тайна». Тогда ты говорилъ: «ignovimus» и возвращался назадъ, гордо отсчитывая пройденные шаги. Я же не могла возвращаться съ тобою: гдѣ кончалось твое торжество, начиналась моя скорбь. Я скорбѣла оттого, что не понимала, кому нужно, чтобы я жила, окруженная тайнами, не зная своего назначенія въ мірѣ? А ты не только не въ силахъ былъ утѣшить меня, но и не раздѣлялъ моей печали; ты бездушно и грубо насмѣхался надъ ней. Быть можетъ, по своему ты правъ, ибо все, находящееся по ту сторону таинственнаго порога, для тебя не существуетъ; въ твоей лабораторіи нѣтъ пробирнаго камня, дабы отличить священное отъ низменнаго, цѣлесообразное отъ безцѣльнаго, бессмертное отъ бреннаго—и поэтому ты ихъ не отличаешь. Но услышавъ твой бездушный смѣхъ, я поняла, какъ непримиримы мои стремленія и твои... И какъ дѣти похожи на родителей, такъ прославленные твои открытія похожи на тебя и также служатъ безразлично добру и злу, жизни и разрушенію, мирному труду и губительной войнѣ. Твои машины въ рукахъ человѣчества—острый ножъ въ рукахъ слѣпого. И вооруживъ руки людей острымъ ножемъ знанія, ты опустошилъ ихъ душу, отвергъ цѣлесообразность міра, мракъ могилы сдѣлалъ безразсвѣтнымъ и ея сонъ—непробуднымъ, снялъ съ самолюбія древній позоръ, снялъ съ божественнаго разума вѣнецъ и надѣлъ его на слѣпой Случай и на уродливую Пользу, толкнулъ человѣка въ объятія пресыщенія и разврата и въ утѣшеніе бросилъ ему нѣсколько замысловатыхъ игрушекъ. Всѣ твои кичливыя изобрѣтенія—слава нашего вѣка—какъ онѣ жалки по своему внутреннему содержанію, по ничтожности цѣлей, которымъ онѣ служатъ! Для того, чтобы проповѣдывать бога любви и правды человѣка, ни апостолы, ни философы не нуждались въ телеграфѣ; нынѣ же милліоны проведенныхъ тобою проволокъ служатъ биржевой плутнѣ и газетной болтовнѣ. Оттого, что теперь по ночамъ ты освѣтилъ города электрическими солнца-

ми, позоръ ночныхъ нравовъ и уличный торгъ женскимъ тѣломъ не сдѣлался ни стыдливѣй, ни привлекательнѣй. Пускай ты намъ далъ возможность запечатлѣть на вѣки вѣчные не только сказанную фразу, но и всѣ оттѣнки голоса: намъ нечего завѣщать будущимъ поколѣнiямъ, кромѣ своей тоски и безвѣрiя!> ...

Искусство оказывается не сильнѣе и не благотворнѣе науки. Если оно не въ силахъ самого художника сдѣлать ни добрымъ, ни счастливымъ, то какимъ образомъ оно сдѣлаетъ добрыми и счастливыми другихъ? Будучи лишь отраженiемъ дѣйствительности, какъ оно можетъ стать выше или быть болѣе божественнымъ и менѣе безцѣльнымъ, чѣмъ сама дѣйствительность?—Смотри, говоритъ Минскiй отъ лица своей совѣсти (стр. 95), кому служитъ искусство, кто имъ наслаждается, кто его поощряетъ? Когда въ пышной залѣ, при сильнiи люстръ, растутъ и замираютъ звуки симфонiи,—кто внимаетъ имъ въ качествѣ признанныхъ цѣнителей, чье одобрение—высшая награда для артиста, предъ кѣмъ раболѣпно раскланиваетесь вы, жрецы свободнаго искусства? Торгаши, все утро измышлявшiе способы вѣрнѣйшей наживы, цѣлый день ставившiе капканы на тружениковъ, вечеромъ, послѣ сытого обѣда, отнятаго у бѣдняка, приходятъ угощать свои пресыщенные нервы сладкими звуками симфонiи, вмѣсто того, чтобы дома попивать сладкiй ликеръ. Они съ дѣтства приучали слухъ и зрѣнiе къ тончайшимъ оттѣнкамъ звуковъ и красокъ—отчего же божественное искусство не смягчило ихъ каменныхъ сердець? Богачъ въ своемъ кабинетѣ умиляется до слезъ видомъ дорогой картины, изображающей бѣднаго просителя въ роскошной передней,—и въ то же самое время откормленный слуга этого богача выпроваживаетъ изъ его передней того же просителя, но не нарисованнаго, а живого. Развѣ Неронъ не любилъ искусства? Мраморныя статуи въ его дворцахъ ничего не говорили о томъ, сколько людей плакало въ каменоломняхъ, прежде чѣмъ тотъ мраморъ сталъ улыбаться. И нынѣ,—утверждаетъ совѣсть Минскаго, —если встрѣтишь чело-вѣка, восторгающагося чистыми образами искусства, знай напередъ, что передъ тобой грязный и порочный себялюбецъ...

Больше всего хлопотали о томъ, чтобы указать человѣку цѣль его жизни, философы, и они-то именно меньше всего сдѣлали что-либо въ этомъ отношеніи. Таковъ, по крайней мѣрѣ, приговоръ произнесенъ послѣднимъ представителемъ философствующей мысли — Минскимъ. Всякая система морали уже по одному тому, что она система, въ его глазахъ оказывается лживой (стр. 138), потому что творцы системъ избираютъ изъ двухъ равно несомнѣнныхъ истинъ какую-нибудь одну и уже прилѣпляются къ ней навсегда, совершенно закрывая глаза на другую. Вслѣдствіе этого область мысли г. Минскому представляется чѣмъ-то похожимъ на базаръ, гдѣ мыслители расположились, подобно купцамъ, каждый подъ навѣсомъ своей системы, зазывая прохожихъ въ эту систему и ругая умственный товаръ сосѣдей ¹⁾. Человѣческую душу они, такъ сказать, разобрали по частямъ и каждый цехъ мыслителей признаетъ за всю душу ту ея часть, которую избралъ своею спеціальностію. Понятно, что въ такомъ видѣ философія не можетъ удовлетворить истинной потребности души человѣка; она можетъ служить только одному комфорту ея. «Поэтому, читатель, — говоритъ Минскій (стр. 144), — если вы ищете міросозерцаніе для душевнаго комфорта, смѣло отправляйтесь на базаръ мысли и выберите по вкусу, какое угодно: теплое или холодное, широкое или узкое. А еще лучше сдѣлаете, если выберете нѣсколько міросозерцаній и будете пользоваться ими попеременно, смотря по настроенію, какъ вы пользуетесь, смотря по погодѣ, различнымъ платьемъ. Пейте вино, если имѣете, съ Эпикуромъ, пейте воду, если нѣтъ вина, съ Діогеномъ, фантазируйте по вечерамъ съ мистиками и обдѣлывайте днемъ свои дѣла съ утилитаріанистами. Но если вы отправитесь въ поиски за магическимъ словомъ, которое бы вдохнуло смыслъ и цѣль во всѣ проявленія жизни, такъ, какъ она есть, — съ разладомъ между совѣстью и

¹⁾ Къ числу такихъ философскихъ системъ Минскій относитъ и христіанское вѣроученіе. По крайней мѣрѣ, въ такомъ смыслѣ мы понимаемъ его слова: «Есть еще рядъ на базарѣ мысли, гдѣ также отмежевали себѣ одно изъ стремленій души и отрицаютъ всѣ другія: искусство, философію и науку, называя первое соблазномъ, а послѣднія — сумудріемъ!» (стр. 140).

разумомъ, съ жаждой недосыгаемой любви, съ презрѣніемъ къ несокрушиму самолюбію, то вамъ, пожалуй, грозитъ опасность совсѣмъ не отыскать міросозерцанія, и чѣмъ цѣльнѣе будетъ система, тѣмъ болѣе лживой она вамъ покажется».

Итакъ, оказывается, что міру не ожидать спасенія ни отъ религіи, ни отъ прекраснаго въ природѣ, ни отъ науки, ни отъ искусства, ни отъ философіи. Какая же ожидаетъ его участь? Какъ и чѣмъ онъ будетъ существовать? Кто спасетъ его отъ явной и неминуемой гибели? Чья могучая рука остановитъ его на пути къ ужасной, зіяющей пропасти, къ которой онъ мчится такъ безумно? Кто облегчитъ судьбу бѣднаго человѣчества? Укажетъ ему цѣль жизни, опредѣлитъ его назначеніе, исцѣлитъ его душу?

Трудно, конечно, предугадать, что случилось бы съ міромъ и человѣчествомъ, если бы не было на свѣтѣ Минскаго. Но—возблагодаримъ, читатель, судьбу! —теперь опасность миновала. Человѣчество спасено и у него уже есть будущее. Г. Минскій отыскалъ то «магическое слово, которое вдохнетъ смыслъ и цѣль во всѣ проявленія жизни». Это слово — «*меонъ!*» Оно положено имъ въ основу метафизики и ему-то суждено возродить весь одряхлѣвшій міръ...

Что-же это за *меонъ*? Изученіе понятій о бытіи и небытіи привело г. Минскаго къ «высшей идеѣ, въ которой, по его убѣжденію, примиряются и разрѣшаются всѣ противорѣчія жизни». Эту-то идею онъ и называетъ *меономъ*, заимствуя терминъ у Платона, но придавая ему нѣсколько иное значеніе. По-гречески *меонъ* значитъ—несуществующій (отъ словъ $\mu\eta$ $\omega\nu$). Однако не все, что не существуетъ, Минскій называетъ этимъ словомъ (стр. 174), но и то, что *абсолютно не существуетъ* (стр. 183, 184, 186 и т. д.), что противоположно всему существующему и что въ то же время кажется душѣ завѣтнымъ и священнымъ (стр. 183) и существуетъ отчасти. Число меоновъ, кажется, довольно значительное; въ книгѣ Минскаго ихъ насчитывается около четырнадцати. Есть меоны пространства—вселенная и атомъ ¹⁾, есть меоны вре-

¹⁾ Стр. 175—186.

мени—вѣчность и мгновение ¹⁾, есть мѣоны первопричины и верховной цѣли, куда причисляется и мѣонъ свободной воли ²⁾, есть мѣоны познанія—«вещь сама въ себѣ» и самопознающее «Я» ³⁾, есть мѣоны бытія и небытія,—это—понятія о полномъ бытіи и небытіи ⁴⁾, есть, наконецъ, и мѣоны нравственной дѣятельности,—это—«понятіе о какой-то чудной, чистой любви, всеобъемлющей и невождедѣющей, о безкорыстной жертвѣ ради того, что мнѣ абсолютно не нужно» и «свобода отъ вождедѣній» ⁵⁾. Всѣ эти мѣоны сродны между собою и потому имѣютъ довольно много общихъ признаковъ. Всѣ они сливаются въ понятіи о *единомъ*, которое поэтому и можно назвать главнымъ или верховнымъ мѣономъ ⁶⁾. Вслѣдствіе близкаго сродства между мѣонами, каждый изъ нихъ необходимо предполагаетъ всѣ остальные ⁷⁾. А такъ какъ мѣоны суть понятія о чемъ-то абсолютно противоположномъ явленіямъ, то всѣ они по самой природѣ своей суть понятія «насквозь отрицательныя» ⁸⁾. Мало того, каждый мѣонъ таитъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе ⁹⁾; а такъ какъ, по закону логики, непримиримыя противорѣчія сами себя уничтожаютъ, то всѣ мѣоны суть понятія о чемъ-то совершенно несуществующемъ ¹⁰⁾. Тѣмъ не менѣе всѣ мѣоны суть самое желанное, завѣтное, священное изъ всего, что даетъ намъ жизнь ¹¹⁾, хотя ихъ и нельзя смѣшивать съ идеалами ¹²⁾. Мѣоны постигаются исключительно посредствомъ явленій ¹³⁾,—почему и не удивительно, что наши чувства, по своей ограниченности, всегда склонны принимать мѣоны за явленія ¹⁴⁾.

Этимъ-то мѣонамъ или вѣрнѣе одному мѣону—*единому* міръ по словамъ Минскаго, обязанъ своимъ происхожденіемъ. До начала бытія міра существовалъ однократно только мѣонъ *единое*, полный любви и блаженства, свободный и невозмутимо спокойный. Тѣмъ не менѣе вмѣстѣ съ блаженствомъ онъ долженъ былъ испытывать и величайшую скорбь; воплощая въ себѣ полнѣйшее знаніе, мѣонъ не могъ не знать про нашъ міръ, тогда еще «не рожденный», не могъ не созерцать въ

1) Стр. 187—190. 2) Стр. 190—194. 3) Стр. 195—197. 4) Стр. 198—202. 5) Стр. 203—211). 6) Стр. 212. 7) Ibid. 8) Стр. 213. 9) Стр. 214. 10) Ibid. 11) Стр. 216. 12) Стр. 218. 13) Ibid. 14) Стр. 223.

себѣ разнообразія безчисленныхъ формъ и существъ, которымъ онъ, единый мѣонъ, своимъ абсолютнымъ бытіемъ мѣшаетъ достигнуть временнаго, призрачнаго и все же отраднаго существованія. Поэтому безкорыстно любящій мѣонъ силою своей собственной воли долженъ былъ рѣшиться на великое таинство самопожертвованія; чтобы міръ могъ возникнуть, мѣонъ, по словамъ Минскаго (стр. 229), долженъ былъ изъ безконечной любви не къ себѣ обречь себя на абсолютное небытіе, т. е. на небытіе во времени, въ пространствѣ и въ сознаніи, сдѣлать себя и свои атрибуты абсолютно непостижимыми, противоположными всему существующему и мыслимому.

«Дерзнемъ же, говоритъ нашъ новый и «оригинальный» философъ (стр. 230), ограниченою мыслию какъ бы приблизиться къ мѣону, добровольно погружающему себя въ небытіе, и подслушать предродовые крики явленій.

«Я хочу не быть, твердило въ экстазѣ воплощеніе единаго, я хочу исчезнуть, чтобы уступить радость бытія многимъ. Пусть возникнетъ міръ, во всемъ противоположный мнѣ, міръ, въ которомъ не будетъ великаго и добраго самого по себѣ, а лишь большее и меньшее, лучшее и худшее, міръ движущійся, стремящійся, полный распадающихся формъ, безчисленныхъ существъ, неравныхъ, но сравниваемыхъ между собою, различныхъ, но переходящихъ одно въ другое, борющихся, но тяготящихся другъ къ другу.

«Пусть возникнетъ бытіе, постигаемое черезъ сравненіе и поэтому невольно обреченное на противорѣчіе. Пусть каждое существо стремится быть сильнѣе, лучше, мудрѣе другихъ, стать отличнымъ отъ всѣхъ, единымъ въ мірѣ! Пусть они ищутъ самаго большаго во всемъ: въ пространствѣ и времени, въ познаніи и волѣ, въ чувствѣ и въ бытіи, пусть страстно ищутъ единаго, меня, кто исчезъ изъ любви къ нимъ, чтобы дать имъ бытіе. Пусть при этомъ они все болѣе и болѣе достигаютъ сложности отношенія другъ къ другу въ разнообразія формъ, и такимъ образомъ постигаютъ меня, какъ полнѣйшую противоположность съ собою. Я радуюсь оттого, что одинъ существую; они познаютъ радость, если будутъ суще-

ствовать больше другихъ; я скорблю оттого, что мнѣ, любвеобильному, некого любить; они, самолюбивые, познають скорбь оттого, что всѣ будутъ любить лишь себя; я, свободный, приношу себя въ жертву изъ любви къ себѣ; они, поработанные, будутъ приносить себя въ жертву своимъ страстямъ и самолюбію. Пусть сознаніе своей противоположности со мною будетъ критеріемъ и цѣлью міра; пусть оно яснѣетъ и растетъ, сопровождаемое подобіемъ того чувства экстаза, которое ощущаю я. Эта сознанная міромъ противоположность со мною да будетъ моимъ небытіемъ»...

«И міръ, купленный тайнствомъ священнаго самопожертвованія, говоритъ Минскій (стр. 231), возникъ такимъ, какимъ видимъ его вокругъ себя и въ себѣ: стремящимся познать единое и святое, какъ противоположность себѣ».

Послѣ сказаннаго, очевидно, яснымъ становится все. Минскому, которому судьба дала возможность предъ самымъ сотвореніемъ міра мысленно приблизиться къ самому мэону, творившему міръ, и подслушать предродовые крики явленій вмѣстѣ съ выше приведенною болтовнею мэона, конечно, для него нетрудно теперь опредѣлить намъ какъ цѣль каждаго отдѣльнаго существа, такъ и цѣль всего міра; для него нетрудно теперь выяснитъ намъ смыслъ жизни и назначенія человека. Ему остается только передать то, что онъ подслушалъ отъ самого мэона, да нѣсколько развитъ подслушанное въ частностяхъ. Такъ онъ и дѣлаетъ. И вотъ, благодаря ему мы видимъ теперь все ясно, какъ на ладони.

Цѣль развитія отдѣльныхъ организмовъ, по его словамъ (стр. 233), состоитъ въ томъ, чтобы достигать наиболѣе сложнаго отношенія къ міру, дабы такимъ образомъ яснѣе сознать единое, какъ свою противоположность.

Цѣль міра, т. е. всѣхъ существъ, жившихъ и живущихъ, состоитъ въ томъ, чтобы развиваться, искать мэона разумомъ, чувствомъ и волей и на высшей ступени развитія постигать безцѣльность исканій и свою абсолютную противоположность мэону.

Послѣ этого уже не трудно уяснить себѣ какъ смыслъ мірового развитія вообще, такъ и смыслъ человѣческой жизни

въ частности. Мэонъ, по ученію Минскаго (стр. 245), проявляетъ свое бытіе повсюду и вѣчно. Всѣ формы и явленія хотятъ наслаждаться этимъ бытіемъ, стать чѣмъ-то единымъ, нераспадающимся, но, двигаясь и мѣняясь, они сами отрицаютъ себя. Кристалль своимъ созиданіемъ и распаденіемъ, дерево своимъ разцвѣтомъ и увяденіемъ, животное своими аппетитами и смертію -- всѣ они равно воплощаютъ собою небытіе мэона. Когда земля наша была безформеннымъ хаосомъ, небытіе это воплощалось движеніемъ паровъ, кипѣніемъ жидкостей, мерцаніемъ свѣта. Мэоны воплощаются всегда и повсюду, но воплощеніе ихъ можетъ быть болѣе или менѣе сознательное, въ этомъ, утверждаетъ нашъ философъ, смыслъ и цѣлесообразность мірового развитія.

То же самое нужно сказать и о смыслѣ человѣческой жизни. Въ человѣческой жизни, говоритъ Минскій (стр. 246), всякое чувство, желаніе, мысль, доведенныя до конца, воплощаютъ торжество мэоновъ. Наслажденія приводятъ къ разврату, счастье къ пресыщенію, умѣренность къ оупѣнью, слава къ одиночеству, жажда жизни къ страху смерти. Разбойникъ, грабящій на большой дорогѣ, и герой, жертвующій собою для блага ближняго, оба служатъ міровой цѣли, жаждутъ превосходства, ищутъ единаго и не достигаютъ его. Отъ служенія міровой цѣли уклониться не можетъ никто, ни самоубійца, ни жизнерадостный эпикуреецъ, ни аскетъ, ни невѣжда, ни ученый. Кто достигаетъ *крайней цѣли жизни* -- яснаго познанія мэоновъ, для того всѣ предшествовавшія ступени становятся только средствами: ѣда средствомъ для поддержанія силы, половая любовь средствомъ для продолженія рода. Вообще же нужно сказать, что подобно тому, какъ волны стремятся къ берегу, но по пути разбиваются и взаимно поглощаются, и лишь одна передовая волна доходитъ до берега, чтобы разбиться на немъ, такъ и всѣ существа стремятся къ отрицанію себя во имя мэоновъ, но только немногіе, будто бы, избранные, достигаютъ цѣли вполнѣ. «Нужно однакоже думать, говоритъ нашъ философъ (стр. 247), что для всякой частицы матеріи настаетъ свой чередъ, своя пора быть составной частью этихъ избранныхъ существъ».

Къ достиженію цѣли жизни, т. е. ясному познанію мѣоновъ и совершенному самоотрицанію во имя ихъ, ведутъ три ступени, это—точное знаніе, удовлетвореніе жажды первенства и борьба со своими желаніями. По этимъ-то ступенькамъ намъ и нужно взбираться для того, чтобы съ общей верхней площадки низринуться въ мистическую бездну познанія мѣоновъ. Философія вообще, какою она была до сихъ поръ, не могла содѣйствовать намъ къ достиженію этой высшей цѣли бытія, потому что до сихъ поръ философія метафизиковъ сама себя опредѣляла, какъ высшую цѣль жизни, какъ искусство достигнуть полного счастья. Иной отзывъ даетъ г. Минскій только о своей собственной философіи, на которую онъ смотритъ какъ на объединяющій синтезъ всѣхъ разнообразныхъ направленій философствующей мысли и которую онъ назвалъ уже (конечно, для облегченія труда будущихъ историковъ философіи) особеннымъ техническимъ терминомъ *мѣонизма*. Если вѣрить г. Минскому, то лишь одна его философія, лишь ученіе о мѣонахъ, въ которомъ оптимизмъ и пессимизмъ неразрывно слиты воедино, способно принести исцѣленіе и бодрость больной душѣ человѣка.

Всю свою философскую систему, для лучшаго усвоенія читателемъ, Минскій резюмируетъ въ концѣ книги въ слѣдующихъ выраженіяхъ. «Мѣонизмъ, говоритъ онъ (стр. 251), учитъ, что міръ движется и борется, умираетъ и воскресаетъ, наслаждается и страдаетъ для того, чтобы постоянно, въ каждое мгновеніе, отрицать себя во имя той святости, которая, изъ любви къ міру, сама себя повергла въ небытіе. Мы, помимо воли, осуждены съ несутаннымъ любопытствомъ измѣрять пространства и времена, изучать причины явленій и законы ихъ, для того, чтобы въ концѣ концовъ развѣнчать и времена и пространства, и причины, и силы, такъ какъ истинное пространство, истинная причина, истинная сила есть *мѣонъ*. Мы осуждены любить безчисленное множество предметовъ и существъ для удовлетворенія своего самолюбія, для того, чтобы въ концѣ концовъ познать свое одиночество и убѣдиться, что любви не существуетъ. Мы осуждены съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ искать счастья, привязываться душою къ тому.

что чрезъ мегновеніе потеряемъ и на вѣки похоронимъ, для того, чтобы познать, что блаженнымъ могло бы быть только единое существо, если бы оно не уступило намъ радость существованія».

Такъ какъ Минскій выдаетъ себя за мудреца, отыскавшаго, по волѣ мэоновъ, «то магическое слово, которое должно вдохнуть смыслъ и цѣль во всѣ проявленія міровой жизни», то преступно было бы съ нашей стороны не выслушать его послѣдняго совѣта и наставленія людямъ о томъ, что же намъ остается дѣлать, какъ быть и какъ вести себя далѣе, когда намъ стало уже извѣстнымъ то «животворное», «магическое слово». Вотъ этотъ послѣдній его совѣтъ: «Не обольщая себя несбыточными надеждами, не притворяясь способными къ безкорыстной любви, будемъ стремиться къ отрицанію самолюбія черезъ достиженіе его высшихъ проявленій. Сдѣлать нѣчто большее мы не можемъ. Остановиться на меньшемъ намъ помѣшаетъ стремленіе къ превосходству и первенству. Если видимый міръ похожъ на приснившуюся патриарху лѣстницу, по которой одни призраки куда-то поднимаются, другіе—откуда-то спускаются,—то постараемся принадлежать къ призракамъ, которые идутъ вверхъ!».

Таково философское міровоззрѣніе г. Минскаго, изложенное въ недавно изданной имъ книгѣ—«При свѣтѣ совѣсти». Не думаемъ, чтобы оно стало такимъ распространеннымъ, какимъ было нѣкогда, на примѣръ, міровоззрѣніе Гегеля или Шеллинга, не надѣемся, чтобы оно произвело впечатлѣніе подобное тому, какое производилъ и производитъ неспемизмъ Шопенгауэра. Но въ русскомъ, по крайней мѣрѣ, обществѣ оно едва ли останется незамѣченнымъ. Предполагаемъ это по двумъ основаніямъ; съ одной стороны наше общество, не имѣющее, къ сожалѣнію, возможности получать дома серьезное философское образованіе, все больше и больше начинаетъ интересоваться философскими вопросами, доказательствомъ чего служитъ какъ появленіе въ короткое время нѣсколькихъ философскихъ періодическихъ изданій, такъ и повальное почти

увлеченіе даже такими философскими міровоззрѣніями, какъ-вы воззрѣнія Вл. Соловьева и графа Толстаго; съ другой стороны, — при всѣхъ своихъ недостаткахъ, книга Минскаго имѣетъ и свои достоинства: она написана языкомъ не только простымъ, общепонятнымъ, яснымъ и живымъ, но даже художественнымъ, а потому читается легко, почти до увлеченія; ее будутъ читать несомнѣнно и люди, не привыкшіе къ тому сухому, книжному, отвлеченному изложенію, которое, по невѣдомымъ судьбамъ, выпало почему-то на долю философскихъ изслѣдованій, и у обыкновенныхъ смертныхъ почти окончательно убило всякій интересъ къ чтенію серьезной книги; воззрѣнія, проведенныя въ книгѣ Минскаго, не отличаются особенною глубиною и какъ разъ прійдутся по плечу нашему обществу; наконецъ, пессимистическій духъ книги, огульное отрицаніе высшихъ началъ нравственной дѣятельности и оправданіе самыхъ грубыхъ эгоистическихъ проявленій въ человѣческой жизни также не могутъ не разсчитывать на тяготѣніе къ нимъ нашего общества. Вотъ почему мы и считаемъ не лишнимъ высказать свой безпристрастный взглядъ на книгу Минскаго и сдѣлать нѣсколько замѣчаній на многія одно-сторонности, явную фальшивость и непримиримыя противорѣчія въ его философскомъ міровоззрѣніи...

III.

О двухъ первыхъ частяхъ своей книги самъ г. Минскій отозвался довольно вѣрно, говоря (стр. 171), что «въ нихъ находится нѣчто недосказанное для ума и—жестокое для сердца». Если бы болѣе строгій приговоръ въ томъ же духѣ опъ произнесъ и о третьей части своей книги, т. е. о своей метафизикѣ, то, безъ сомнѣнія, онъ лишь выполнилъ бы требованіе отвергаемой имъ справедливости. Дѣйствительно, философская система г. Минскаго, какъ она изложена въ его книгѣ, представляетъ собою «нѣчто недосказанное для ума», а потому только одному и «нѣчто жестокое для сердца». Она недостаточно еще продумана, неосновательно разработана и непослѣдовательно проведена въ своемъ развитіи. Она не цѣльное,

не философскимъ умомъ созданное міровоззрѣніе; она не то, что называютъ систематическимъ раскрытіемъ одной определенной идеи, аналитическимъ разложеніемъ луча божественной истины. Она спита—и спита руками неумѣлыми и неопытными—изъ различныхъ лоскутковъ уже заброшенныхъ и признанныхъ негодными, выцвѣтшихъ и устарѣлыхъ философскихъ системъ. Первая часть книги, довольно, впрочемъ, живо и ярко рисующая мрачную картину міровой жизни, написана несомнѣнно подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауэровскаго сочиненія «Міръ какъ воля и представленіе»; по мѣстамъ въ ней замѣчаются заимствованія у Шопенгауэра даже отдѣльныхъ фразъ и выраженій (напр., въ анализѣ чувства состраданія); уклоненія отъ Шопенгауэра въ употребленіи терминовъ должны быть признаны только незначительными,—напр., Шопенгауэровскія — «утвержденіе воли», «воля къ жизни», «жизнехотѣніе» у Минскаго повсюду замѣнены словами — «самолюбіе», «желаніе бытія», «боязнь смерти» и т. д. Встрѣчаются въ книгѣ Минскаго приемы, явно заимствованные у Канта (анализъ понятія о космосѣ, абсолютѣ); есть, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, слѣды увлеченія утилитаризмомъ и нигилистическимъ всеотрицаніемъ,—сюда относится отрицаніе сверхъестественнаго бытія, Бога, какъ существа личнаго, безсмертія души, вѣчности, отождествленіе природы человѣческой съ природою всѣхъ живыхъ существъ вообще, отрицаніе безкорыстной любви къ ближнему, справедливости, совѣсти, различія между добромъ и зломъ и т. д. Въ приемахъ философскаго мышленія замѣтно если не заимствованіе, то по крайней мѣрѣ нѣкоторое знакомство г. Минскаго съ тѣми классическими представителями новѣйшей философіи, которыхъ Шопенгауэръ почти никогда иначе и не называлъ, какъ «триа нѣмецкими софистами».

Такъ какъ міровоззрѣніе Шопенгауэра, а также и теоріи утилитаризма и нигилизма уже достаточно разобраны въ нашей русской литературѣ, обнаружены ясно всѣ ихъ достоинства и недостатки, то и мы находимъ излишнимъ долго останавливать вниманіе нашихъ читателей на первой половинѣ книги Минскаго, повторяющей ихъ взгляды, тѣмъ болѣе, что

на пункты болѣе важные (сужденіе Минскаго объ Абсолютѣ, свободѣ человѣческой воли и различіи между добромъ и зломъ) мы уже указывали выше.

Характеромъ нѣкоторой оригинальности и большей или меньшей самостоятельности отличается у Минскаго, собственно, третья часть его книги, его ученіе о *мэонахъ* или его метафизика. На этой части нельзя не остановиться даже только потому, что изъ русскихъ людей, насколько мы знаемъ, еще никто не говорилъ до сихъ поръ ничего подобнаго.

Самъ Минскій сознается, что свой основной терминъ, т. е. слово—*мэонъ* онъ заимствовалъ у Платона, но значеніе его нѣсколько измѣнилъ. Это совершенная правда. Слово $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ (*ми он*), по свидѣтельству исторіи философской мысли, извѣстный греческій мыслитель Платонъ первый употребилъ въ смыслѣ философскаго термина. Правда и то, что смыслъ, данный этому слову греческимъ мудрецомъ, г. Минскій измѣнилъ... къ худшему. У Платона слово это пишется такъ: $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ и правильно переводится на нашъ языкъ словомъ— «не сущее»; у Минскаго слово это пишется такъ: $\mu\eta\ \omega\nu$ и переведено неправильно по-русски словомъ— «не существующій» вмѣсто «не сущій». Такимъ образомъ уже въ филологическомъ отношеніи Минскій измѣнилъ смыслъ этого слова, ограничивъ его употребленіемъ въ мужескомъ родѣ (въ среднемъ родѣ это слово имѣетъ болѣе обширное значеніе) и замѣнивъ его значеніе бытія въ идеѣ (*быть*) значеніемъ бытія въ явленіи (*существовать*). Это, впрочемъ, не такъ важно; важнѣе измѣненіе значенія этого слова въ смыслѣ философскаго термина.

Обыкновенно думаютъ, что словомъ $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ Платонъ называлъ только матерію (вещество) вслѣдствіе ничтожества ея. Но это объясненіе не совсѣмъ точно. Слову $\mu\eta\ \acute{o}\nu$ Платонъ несомнѣнно придавалъ болѣе обширный смыслъ. Какъ извѣстно, онъ признавалъ существованіе двухъ міровъ—міра идей и міра явленій. Онъ училъ, что то, что въ идеяхъ соединено вмѣстѣ, какъ въ математической точкѣ, то въ предѣлахъ пространства разбросано во времени, находится въ безчисленныхъ мѣстахъ, разсѣяно въ самыхъ разнообразныхъ видахъ и

положеніяхъ. Это-то послѣднее Платонъ и назвалъ словомъ $\mu\eta\ \delta\upsilon$, т. е., говоря проще, онъ назвалъ такъ нашъ видимый, феноменальный міръ, или міръ явленій. Жизнь этого міра проявляется или состоитъ въ постоянномъ движеніи или измѣненіи, нашъ видимый міръ какъ бы не имѣетъ твердаго и устойчиваго бытія, но постоянно измѣняется, только какъ бы переходитъ отъ одного бытія къ другому, изъ одного состоянія въ другое, на его долю выпали какъ бы переходы или измѣненія бытія, а не самое бытіе. Вотъ почему Платонъ и нашелъ терминъ для его названія въ словѣ $\mu\eta\ \delta\upsilon$ — «не сущее». Думается, что великій мудрецъ Греціи вполне одобрилъ бы въ этомъ отношеніи еврейское словоупотребленіе, по которому понятіе «Сый», «Сущій» могло быть относимо только къ единому Богу, какъ Существу вѣчному, неизмѣняемому и постоянно пребывающему равнымъ самому себѣ.

Теперь спрашивается: что подъ словомъ *мэонз* разумѣетъ Минскій?—Этимъ словомъ онъ хочетъ обозначить нѣчто такое, что не можетъ переваривать никакая логика. «Не все, что не существуетъ, говоритъ онъ (стр. 175) я буду называть этимъ словомъ». Слѣдовательно, онъ будетъ называть этимъ словомъ и нѣчто существующее или существующее, по крайней мѣрѣ, отчасти. Говоря о намѣреніи мэона создать міръ, Минскій утверждаетъ, что ради этого мэонъ рѣшился обречь себя на «небытіе во времени, въ пространствѣ, въ сознаніи»; отсюда слѣдовало бы вывести заключеніе, что нашъ философъ отказываетъ своимъ мэонамъ только въ мысленномъ бытіи, а не реальномъ, вѣчномъ, внѣ предѣловъ нашего сознанія. Но во многихъ мѣстахъ онъ утверждаетъ, что мэоны *абсолютно* не существуютъ, т. е. не существуютъ совсѣмъ ни въ мысленіи или сознаніи человѣка, ни въ вѣчности, ни во времени, ни въ мірѣ явленій, ни внѣ его предѣловъ. Есть однако мѣста въ книгѣ Минскаго, которыя говорятъ о совершенномъ противномъ. На стр. 245 Минскій прямо говоритъ: *«Мэонз проявляетъ свое бытіе повсюду и вѣчно»*; слѣдовательно, у мэона бытіе есть, если онъ его проявляетъ повсюду и вѣчно; нѣсколько ниже Минскій идетъ еще далѣе, когда называетъ своимъ мэонамъ «воплощеніе болѣе или менѣе соз-

нательное; ясно, что мэоны имѣютъ даже *личное* бытіе, когда они могутъ «воплощаться болѣе или менѣе сознательно». Мэоны имѣютъ много признаковъ; очевидно, они имѣютъ и бытіе, иначе къ чему же эти признаки будутъ относиться, кому они будутъ принадлежать? Мэоны суть *нѣчто* совершенно несуществующее; но если они суть *нѣчто*, то слѣдовательно они существуютъ. Каждый мэонъ таитъ въ себѣ неразрѣшимое противорѣчіе; слѣдовательно, мэонъ существуетъ, иначе въ немъ не тайлось бы, т. е. не существовало бы и неразрѣшимаго противорѣчія и т. д. Въ виду такого множества самыхъ непримиримыхъ противорѣчій, положительно невозможно даже и приблизительно составить себѣ понятія о томъ, что Минскій хотѣлъ разумѣть подъ словомъ мэонъ, которое онъ положилъ въ основу всей своей философской системы. Ясно, что онъ самъ еще недостаточно уяснилъ себѣ, что такое онъ хотѣлъ видѣть въ отысканномъ имъ магическомъ словѣ. Это, по всей вѣроятности, сознавалъ и самъ нашъ новый философъ, иначе онъ не уклонился бы дать точнаго опредѣленія тому, что онъ и его читатели должны разумѣть подъ словомъ мэонъ. А такъ какъ это слово употребляется въ книгѣ Минскаго для обозначенія чего-то невысказаннаго, то ясно, что оно есть только пустой, бессмысленный звукъ. Нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, такъ издѣваться надъ человѣческой логикою, чтобы ради какой-то непонятной любви г. Минскаго къ этому странному звуку заставить читателей существующее мыслить абсолютно несуществующимъ и наоборотъ. Вѣдь это хуже, чѣмъ требовать отъ читателей вообразить четырехугольный треугольникъ!..

Не лучшею окажется способность Минскаго къ философскому мышленію и въ томъ случаѣ, когда мы будемъ разсматривать его мэоны, какъ метафизическія начала. Въ этомъ случаѣ намъ необходимо прежде всего разрѣшить слѣдующій вопросъ: что такое у нашего философа мэонъ, —реальный ли принципъ бытія или отвлеченная, сухая и безжизненная абстракція? Минскій называетъ его *высшею идеею, понятіемъ*. «Мэоны, говоритъ онъ (стр. 213), суть *понятія* о чемъ-то противоположномъ явленіямъ», «мэоны суть *понятія* насквозь отрица-

тельныя», «мэоны суть *понятія* о чемъ-то совершенно несуществующемъ» (стр. 214) и т. д. Но если мэоны суть только логическія понятія, да притомъ еще «паксвозь отрицательныя», «о чемъ-то совершенно несуществующемъ», т. е. пустое безсодержательное отвлеченіе, голая абстракція, такъ вся філософія Минскаго и выѣденнаго яйца не стоитъ. Пустая абстракція не дастъ смысла реальной жизни, а тѣмъ болѣе не въ силахъ создать міра реального, дѣйствительно существующаго, съ разладомъ между совѣстью и разумомъ... Въ этомъ случаѣ філософія Минскаго имѣла бы пезавидное значеніе неудачной попытки повторить ошибку Гегеля, который также хотѣлъ объяснить происхожденіе реального бытія изъ пустой и безсодержательной логической абстракціи—своей пресловутой «абсолютной идеи».

Но да позволено мнѣ будетъ взять на себя защиту нашего неопытнаго философа! Не вѣрьте ему, читатель, онъ самъ необдуманно клевететь на себя. Его мэоны вовсе не понятія, не абстракціи только, а реальные принципы бытія, и даже этого мало—они принципы живые и личные. По крайней мѣрѣ, изъ книги же Минскаго мы видимъ, что мэонъ *единое*, которому какой-то рокъ судилъ быть творцомъ міра, имѣетъ свободу, наслаждается спокойствіемъ, безкорыстно любить, блаженствуетъ, хочетъ, знаетъ, скорбитъ, рѣшается на великое таинство самопожертвованія и т. д. Пустая абстракція, безсодержательное понятіе дѣлать этого не могутъ. Ясно, что мэонъ *единое* есть существо личное; а такъ какъ, по словамъ Минскаго, всѣ мэоны имѣютъ одну и ту же природу, то, слѣдовательно, всѣ они суть существа личные, мыслящія, хотящія, свободно дѣйствующія. Такимъ образомъ *мнновеніе* есть живая личность, *вѣчность* тоже, *вселенная* тоже, *атомъ* тоже и т. д. Но дальше уже, кажется, по этому пути и идти нельзя..

Анализируя понятіе Абсолюта, по не совсѣмъ точно понятому рецепту Канта, Минскій не счелъ возможнымъ допустить его бытіе рядомъ съ бытіемъ конечнымъ, ограниченнымъ и условнымъ. Между тѣмъ насъ, своихъ читателей, онъ хочетъ заставить признать совмѣстность не менѣе четырнадцати абсолютовъ, ибо его мэоны всѣ имѣютъ абсолютность

своимъ существеннымъ признакомъ. Изъ уваженія къ человѣческой логикѣ, думаемъ, что этого требованія нашего новаго философа никто не исполнить.

Наконецъ, нельзя не отмѣтить, что между Мянскимъ и его мѣонами вовсе не существуетъ полного единомыслія. Такъ, напр., Мянскій утверждаетъ (стр. 229), что для сотворенія міра мѣонъ долженъ былъ обречь себя на абсолютное небытіе «изъ безконечной любви *не къ себѣ*»; а самъ мѣонъ по тому же самому поводу говоритъ такъ: «я, свободный, приношу себя въ жертву *изъ любви къ себѣ*», хотя, правда, на три строки выше онъ и жалуется на свою скорбь, что ему, «любвеобильному, *некого любить*». Ясно, что что-нибудь да не такъ, кто-то говорить неправду. Другой примѣръ. Творя міръ, мѣонъ говоритъ: «я хочу исчезнуть, чтобы уступить *радость бытія* многимъ»; а Мянскій, со словъ Шопенгауэра, пространно доказывалъ намъ, что этому бытію и радоваться нельзя, что въ немъ невозможно ни личное счастье, ни всеобщее благо, что въ немъ разладъ и т. д. Что-же это? Или нашъ мудрецъ говорилъ намъ неправду, или мѣонъ его не въ силахъ былъ выполнить своего обѣщанія?..

Итакъ, послѣ сказаннаго ясно, что все «ученіе» Мянскаго о какихъ-то мѣонахъ есть не что иное, какъ пустая, безсодержательная болтовня на «философскіе» мотивы. Заключая въ себѣ непримиримыя логическія и метафизическія противорѣчія, оно является невозможнымъ для всякаго здравогомыслящаго человѣка по самому существу своему. Поэтому, едва ли наши читатели найдутъ основаніе не согласиться съ нами, когда мы, прочитавъ книгу г. Мянскаго, думали, что въ ней изложена лишь пародія на философскую систему если не древнихъ александрійскихъ гностиковъ съ ихъ «*зонами*», то, по крайней мѣрѣ, какого-нибудь нѣмецкаго заоблачнаго метафизика; и въ самомъ дѣлѣ, мы долго останавливались на вопросѣ, шутитъ ли г. Мянскій своими «мѣонами» или говоритъ серьезно...

Теорія происхожденія міра, предложенная нашимъ новымъ философомъ, также нелѣпа, какъ и его ученіе о мѣонахъ. Какой-то недоступный законамъ человѣческаго мышленія мѣонъ

не захотѣлъ существовать, и черезъ это нашъ міръ явился на свѣтъ Божій! Что можетъ быть безсмысленнѣе этого предположенія? Можетъ ли здравый человѣческій разумъ допустить, чтобы «абсолютное», т. е. безусловное, совершенное небытіе могло произвести бытіе чего-либо, кромѣ только развѣ того, что да позволено намъ будетъ назвать «бытіемъ небытія»? По законамъ человѣческаго мышленія причину бытія міра можно полагать только или въ мірѣ или внѣ міра; третьяго допустить невозможно. По этимъ законамъ до сихъ поръ и развивалось философское мышленіе. Были философы теисты и деисты, которые признавали непосредственною причиною существованія міра Бога, неограниченное, всемогущее и всеблагое личное Существо, вѣчно пребывающее отдѣльно отъ міра; были философы пантеисты, которые признавали причину міра въ самомъ мірѣ, а не внѣ его, ибо, по ихъ ученію, міръ есть проявленіе самаго божества, какъ его непосредственной и неотдѣлимой отъ него первопричины. Ничего же подобнаго тому, что высказываетъ о происхожденіи міра г. Минскій, философское мышленіе до сего года не знало, да, конечно, и знать не будетъ, такъ какъ оно все-таки подчиняется законамъ логики, а нашъ философъ, кажется, о нихъ и слышать не хочетъ.

Свое «міровоззрѣніе» г. Минскій поспѣшилъ самъ назвать «мэонизмомъ». Но такъ какъ самое слово «мэонъ» есть не что иное, какъ пустой и безсодержательный звукъ, то тѣмъ болѣе таковымъ должно быть признано слово, произведенное отъ него. Давая отдѣльное самоизмысленное названіе своему міровоззрѣнію, г. Минскій, очевидно, находился въ большомъ затрудненіи, онъ не зналъ, къ какой изъ философскихъ системъ онъ долженъ былъ причислить его. Наше положеніе не лучше. Если міръ обязанъ своимъ существованіемъ «абсолютному небытію» мэона, т. е. если первопричины міра съ самаго начала его существованія *абсолютно* не существуетъ, нѣтъ ея ни въ мірѣ, ни внѣ міра, то очевидно, что міровоззрѣніе Минскаго менѣе всего можетъ быть названо пантеистическимъ. Между тѣмъ въ самой книгѣ Минскаго есть не мало мѣстъ, которыя могутъ принадлежать только патенто-

ванному пантеисту. Такъ, на стр. 245 говорится, что «мэонъ проявляетъ свое бытіе повсюду и вѣчно», что самый міръ есть не что иное, какъ «воплощеніе мэона» и «воплощеніе болѣе или менѣе сознательное», а на стр. 223 и 224 доказывается, что проявленіе въ мірѣ мэоновъ и ихъ развитіе даже доступно «эмпирическому знацію», благодаря чему наши внѣшнія «чувства, по своей ограниченности, всегда склонны принимать мэоны за явленія». Наконецъ, Минскій утверждаетъ, что смыслъ самой жизни состоитъ въ томъ, что каждое существо должно стремиться къ чистому познанію мэона. Но что же это за противорѣчія и какъ они возможны? Эти противорѣчія возможны только потому, что у Минскаго, собственно говоря, нѣтъ никакого міровоззрѣнія: въ этомъ отношеніи, повторяемъ, книга его представляетъ странную смѣсь взглядовъ и положеній, захваченныхъ изъ всевозможныхъ системъ и міровоззрѣній и накиданныхъ безъ разбора въ одну кучу. Неудивительно, что по мѣстамъ, какъ здѣсь, встрѣчаются у него и пантеистическія представленія. Это механическое сплетеніе различныхъ философскихъ міровоззрѣній, по всей вѣроятности, имѣлъ въ виду и самъ Минскій, когда свое «міровоззрѣніе» называлъ синтезомъ философской мысли, и утверждалъ съ наивною откровенностію, что «въ ученіи о мэопахъ оптимизмъ и пессимизмъ неразрывно слиты воедино» (стр. 250). Но вѣдь оптимизмъ, все въ мірѣ видящій въ самомъ розовомъ свѣтѣ, и пессимизмъ, признающій настоящій міръ самымъ худшимъ изъ возможныхъ міровъ, въ которомъ жить не стоитъ, ибо въ немъ жить значитъ только страдать, суть міровоззрѣнія настолько противорѣчивыя, что они взаимно уничтожаютъ другъ друга! Ясно, почему и въ книгѣ Минскаго они могли быть «слиты воедино» лишь механически, чисто внѣшнимъ образомъ. Только благодаря тому, что Минскій пораскидалъ эти доскутья чужихъ противорѣчивыхъ міровоззрѣній по разнымъ страницамъ своей книги и помѣстилъ ихъ между другими міровоззрѣніями, менѣе рѣзкими, есть нѣкоторая возможность читать вторую и въ особенности третью часть его книги; а собери онъ всѣ ихъ вмѣстѣ, они бы сами себя опровергали, и критикъ здѣсь нечего было бы дѣлать....

Своимъ ученіемъ г. Минскій обѣщаетъ «исцѣлить душу», міръ сдѣлать счастливымъ, раскрывъ ему смыслъ его жизни и указавъ ему конечную его цѣль. Мы думаемъ совершенно на-противъ! Жизнь безъ вѣры въ Бога, безъ вѣры въ личное бессмертіе, безъ существеннаго различенія, гдѣ добро, гдѣ зло, жизнь безъ вѣры въ высшую справедливость, съ вѣчнымъ стремленіемъ къ тому (мѣону), чего достичь нельзя, жизнь съ постояннымъ разладомъ между совѣстію и разумомъ, жизнь съ безграничнымъ господствомъ самолюбія и произвола,—это ли счастливая жизнь? Она ли можетъ исцѣлить разслабленную душу? Цѣль жизни состоитъ въ ея безцѣльности! Что можетъ быть сказано болѣе циничнаго, безразсуднаго, пошлаго!

По словамъ Минскаго, только одно ученіе о мѣонахъ или мѣонизмъ (т. е. болтовня самого г. Минскаго) способно принести исцѣленіе и бодрость больной душѣ, только въ немъ одномъ заключается все наше спасеніе. А намъ кажется наоборотъ. Если бы всѣ люди какъ-либо усвоили себѣ тотъ взглядъ на жизнь, какой проповѣдуетъ Минскій,—чего, впрочемъ, и допускать невозможно.—то міръ самъ собою не могъ бы существовать болѣе, ибо на тѣхъ началахъ, которыя указываетъ нашъ новый философъ для лучшей постановки жизни всего человѣчества, не могла бы существовать даже и шайка разбойниковъ. Въ самомъ дѣлѣ,—выспіимъ началомъ жизни и дѣятельности человѣка онъ совѣтуетъ признать только одно самолюбіе и притомъ—въ наисильнѣйшей степени его развитія. «Не обольщая себя несбыточными надеждами, говоритъ онъ (стр. 260), — не притворяясь способными къ безкорыстной любви, будемъ стремиться къ отрицанію самолюбія *черезъ достиженіе его высшихъ проявленій*». Т. е. если, читатель, ты хочешь быть счастливымъ, насколько въ мірѣ возможно быть счастливымъ, такъ ты старайся быть насколько возможно самолюбивѣе и все дѣлай только по требованію одного твоего самолюбія, потому что твое самолюбіе есть причина несчастія, есть причина всѣхъ перенесенныхъ и переносимыхъ тобою непріятностей и страданій. Что если бы всѣ разбойники какой-либо шайки соревновали въ самолюбіи и честолюбіи своему предводителю,—долго ли просуществовала бы эта шай-

ка? Но что было бы съ человѣческими обществами, если бы люди стали руководиться совѣтами нашего доморощенного философа? — Они пожрали бы другъ друга... Если теперь жизнь человѣческая представляетъ собою весьма мрачную картину, какъ обрисовалъ ее и Минскій въ первой части своей книги, теперь, когда совѣсть человѣка еще не совсѣмъ уничтожена, а только находится въ разладѣ съ разумомъ, если еще жизнь поддерживается живою вѣрою въ Бога и личное безсмертіе, если еще, по настойчивому требованію совѣсти, человѣкъ долженъ глубоко презирать свое самолюбіе, или по крайней мѣрѣ скрывать всю его наготу отъ другихъ людей хотя бы то и подъ покрываломъ притворства (хотя это притворство далеко не такъ всеобще, какъ утверждаетъ Минскій), — то что было бы тогда, если бы въ жизни человѣческой дѣйствительно безгранично и беспрепятственно царило одно грубое самолюбіе?

У Минскаго достало циничности «героя, жертвующаго собою» не по самолюбію, а «для блага ближняго», какъ утверждаетъ и самъ философъ нашъ (стр. 246), поставить на одномъ ряду съ «разбойникомъ, на большой дорогѣ», такъ какъ «оба они служатъ міровой цѣли, жаждутъ превосходства, ищутъ одинаго». Что вышло бы, если бы это убѣжденіе раздѣляли всѣ люди? Кто захотѣлъ бы «жертвовать собою для блага ближняго», когда его заслуги, по своей природѣ, по своему внутреннему основанію, не отличаются отъ дѣйствій самаго отъявленнаго негодяя, даже разбойника? Съ точки зрѣнія Минскаго, разбойникомъ быть даже лучше, ибо гораздо выгоднѣе, чѣмъ безкорыстнымъ труженикомъ или «героемъ, жертвующимъ собою для блага ближняго». Какъ возможна была бы послѣ этого жизнь человѣческихъ обществъ, разумѣя подъ нею не животное только прозябаніе, а ея прогрессъ, ея духовное развитіе?...

Своимъ разъясненіемъ смысла человѣческой жизни г. Минскій хочетъ освятить все, что представляетъ собою жизнь во всякій данный моментъ, а само человѣчество онъ обрекаетъ на нравственный застой и окончательное разложеніе. Отъ служенія міровой цѣли, говоритъ онъ (стр. 246), «уклониться не

можетъ никто, ни самоубійца, ни жизнерадостный эпикуреецъ, ни аскетъ, ни невѣжда, ни ученый». Переводя на простой русскій языкъ, мы должны эту фразу нашего мудреца передать такимъ образомъ: ты не долженъ стремиться ни къ нравственному усовершенствованію, ни къ нравственному исправленію. Если ты имѣешь несчастье быть жалкимъ пьяницей, то и не старайся объ оставленіи этого порока, только съ нимъ ты служишь міровой цѣли; если ты ведешь дурную и распутную жизнь, не стѣсняйся этимъ нисколько, потому что только этою именно развратною жизнію ты служишь общей міровой цѣли и т. д. Такой чисто нигилистическій взглядъ на жизнь и въ особенности на ея нравственную сторону, по всей вѣроятности, есть еще остатокъ юношескихъ грѣховъ нашего философа, когда онъ «возсылалъ проклятiя капиталу» и увлекался «артельными началами». Впрочемъ, въ немъ несомнѣнно произошла и перемѣна,—только не знаемъ — къ лучшему, или къ худшему. Исповѣдуя тотъ же нравственный кодексъ, онъ тогда болѣлъ душою и страстно возмущался людскими страданіями и несовершенствами человѣческой жизни; теперь онъ «благословляетъ» и людскія страданія и несовершенства общественной жизни. Тогда онъ жаждалъ реформъ, улучшенія условій общественной жизни, а, можетъ быть, и еще чего большаго; теперь онъ противъ реформъ, противъ даже облегченія людскихъ страданій самымъ «легальнымъ» путемъ. Отчего же съ г. Минскимъ произошла такая перемѣна? Оттого, что теперь онъ сталъ фаталистомъ не менѣе самаго «правовѣрнаго» мусульманина. Разница не особенно большая: по мнѣнію мусульманина, все въ мірѣ происходитъ единственно по волѣ Аллаха, а по мнѣнію нашего новаго философа — по волѣ Мэона. «Вы страдаете и мучитесь, какъ бы такъ говоритъ онъ людямъ,—приносите себя въ жертву своимъ страстямъ и самолюбію. Такъ все это и должно быть, ибо такова была воля Мэона еще до творенія міра, а потому съ вашей стороны было бы безумною дерзостью думать объ улучшеніи своей жизни, объ облегченіи своихъ страданій. Въ этомъ случаѣ вы, жалкіе и безсильные, стали бы противиться всесильному року, мэону. Знайте одно, что отъ міровой цѣли никто

не можетъ уклониться,—кому суждено быть самоубійцею, того никто и ничто не спасетъ отъ самоубійства, кому суждено быть невѣждою, тому не помогутъ никакіе учителя, никакія учебныя заведенія, кому суждено быть ученымъ, тотъ достигнетъ цѣли своей и безъ университетовъ». Самъ человѣкъ, по ученію Минскаго, безсиленъ достигнуть чего-либо, если ему это не было суждено мѣономъ, т. е. рокомъ, судьбою.

Если только послѣднее положеніе справедливо, то г. Минскій напрасно взялъ на себя трудъ создать философію, которая должна примирить противорѣчія жизни. Безъ сомнѣнія, не это дѣло ему суждено было совершить великимъ мѣономъ!...

Т. Б—чѣ.

О БЛАГОДѢЯНІЯХЪ

(«De Beneficiis»).

Л. Аннея Сенеки къ Эбуцію Либералію.

(Продолженіе *).

Глава 22.

Когда мы рѣшили принять благодѣяніе, то будемъ стараться быть веселыми, явно обнаруживая радость, и это должно быть очевиднымъ для дающаго, дабы онъ получалъ плодъ своихъ благодѣяній въ тотъ самый моментъ, когда давалъ. Ибо законна причина радости видѣть своего друга радостнымъ, но еще болѣе законна—сдѣлать его такимъ. Станемъ высказывать, не скрывая своихъ чувствъ, что благодѣяніе принято нами съ благодарностію и будемъ свидѣтельствовать объ этомъ не только тогда, когда слушаетъ самъ благодѣтель, но и повсюду. Кто принялъ благодѣяніе съ благодарностію, тотъ этимъ самымъ уплатилъ уже первое вознагражденіе за него.

Глава 23.

Бываютъ люди, которые не желаютъ принимать иначе, какъ только тайно; они избѣгаютъ всякаго свидѣтеля и повѣреннаго (въ благодѣяніи); въ такихъ лицахъ можно предполагать дурныя намѣренія. Подобно тому, какъ оказывающій благодѣяніе долженъ приводить его въ извѣстность, насколько

*) См. журн. «Вѣра и Разумъ» 1890 г. № 2.

это будетъ доставлять удовольствіе тому, кому оно оказывается, такъ равно и принимающій (благодѣяніе) долженъ предать его всеобщей гласности. Не принимай того, въ чемъ стыдно сознать себя должникомъ. Иные приносятъ благодарность украдкой, въ углу или на ухо. Это не скромность, а своего рода неблагодарность. Кто приноситъ благодарность, удаляя свидѣтелей, тотъ человѣкъ неблагодарный. Иные не желаютъ ни заключать долговыхъ контрактовъ, ни допускать участія маклеровъ, ни приглашать свидѣтелей для приложенія печати, ни дѣлать рукоприкладства,—подобнымъ же образомъ поступаютъ и люди заботящіеся о томъ, чтобы оказанное имъ благодѣяніе оставалось, насколько возможно, въ неизвѣстности. Они боятся открыто приносить (благодарность) съ цѣлію прослыть болѣе обязанными своей энергіи, чѣмъ посторонней помощи. Они черезъ-чуръ умѣренны въ исполненіи своего долга въ отношеніи къ тѣмъ, кому обязаны жизнью или честью. Опасаясь прослыть кліентами (своихъ благодѣтелей), эти лица приобрѣтаютъ себѣ болѣе непріятную репутацію людей неблагодарныхъ.

Глава 24.

Иные на худшій образъ отзываются о самыхъ важныхъ услугахъ, (оказанныхъ имъ). Нѣкоторыхъ безопаснѣе бываетъ оскорбить, чѣмъ оказать имъ услугу: въ своей ненависти они ищутъ доказательства того, что ничѣмъ не обязаны другимъ. Но ни о чемъ не слѣдуетъ такъ заботиться, какъ о томъ, чтобы твердо помнить оказанныя намъ услуги и время отъ времени возобновлять въ себѣ это воспоминаніе, потому что кто не помнитъ (объ этомъ), тотъ не можетъ воздать благодарности, а кто помнитъ, тотъ уже тѣмъ самымъ приноситъ ее. Не слѣдуетъ принимать благодѣяній пренебрежительно, но не слѣдуетъ принимать ихъ и подобострастно или униженно. Ибо кто бываетъ небреженъ во время самаго принятія дара, тогда какъ всякое новое благодѣяніе должно бы доставлять удовольствіе, то что же онъ будетъ дѣлать послѣ того какъ изгладится первое впечатлѣніе отъ этого благодѣянія? Иной принимаетъ (благодѣяніе) съ презрительнымъ ви-

домъ, какъ-бы говоря этимъ: «хотя я въ этомъ и не нуждаюсь, но такъ какъ ты сильно того желаешь, то предоставлю себя въ твое распоряженіе». Иной принимаетъ горделиво, такъ что у дающаго остается сомнѣніе, сознаетъ ли онъ его благодареніе. А иной едва раскрываетъ ротъ и такимъ образомъ обнаруживаетъ болѣе неблагодарности, чѣмъ въ томъ случаѣ, если бы вовсе промолчалъ. Надобно говорить съ усердіемъ тѣмъ большимъ, чѣмъ важнѣе предметъ (благодаренія) и прибавлять при этомъ слѣдующія слова: «тебѣ обязано болѣе людей, чѣмъ ты думаешь». Каждый, вѣдь, чувствуетъ удовольствіе, когда благодареніе его приобретаетъ болѣе широкую извѣстность. «Ты не знаешь, что сдѣлалъ для меня, но тебѣ надлежитъ знать, насколько это важнѣе того, чѣмъ ты самъ предполагаешь». Кто такимъ образомъ возвышаетъ цѣну своего долга, тотъ въ это же самое время становится пріятель (для своего благодарителя). «Я никогда не буду въ состояніи воздать тебѣ благодарность, но, по крайней мѣрѣ, не перестану всюду заявлять, что (ничѣмъ) не могу вознаградить тебя».

Глава 25.

Фурній ничѣмъ инымъ такъ не угодилъ Цезарю Августу и ничѣмъ инымъ не приобрѣлъ столь легкаго доступа къ испрошенію его милостей, какъ при помощи тѣхъ словъ, которыя сказалъ, умоляя о помилованіи своего отца, примкнувшаго къ партіи Антонія. «Ты, Цезарь, сказалъ онъ, обижаешь меня только тѣмъ, что заставляешь жить и умереть неблагодарнымъ». Что иное столь свойственно благодарной душѣ, какъ не то, что она никакъ не можетъ успокоиться, если не имѣетъ даже надежды когда-нибудь вознаградить за оказанное ей благодареніе? При помощи такихъ и подобнаго рода рѣчей постараемся достигнуть того, чтобы наше расположеніе не оставалось скрытымъ, но обнаруживалось во вѣѣ и появлялось на свѣтъ. Можно обойтись и безъ словъ: сознаніе проявится въ выраженіи лица, коль скоро мы проникнуты надлежащимъ чувствомъ. Кто желаетъ отблагодарить, тотъ помышляетъ о возвращеніи (благодаренія) уже въ то самое время, когда (его) принимаетъ. «Онъ, говоритъ Хризиппъ, подобно предназна-

ченному для состязанія въ бѣгѣ и заключенному ¹⁾ (предварительно) въ особое помѣщеніе (carcer) долженъ выждать своего времени, чтобы, по данному сигналу, устремиться впередъ. И для него необходима большая поспѣшность, сильное напряженіе, чтобы догнать человѣка, который его опередилъ.

Глава 26.

Теперь слѣдуетъ рассмотреть, что главнымъ образомъ дѣлаетъ людей неблагодарными: преувеличенное ли мнѣніе о себѣ и врожденный всѣмъ людямъ недостатокъ восхищаться собою и всѣмъ своимъ, или же алчность и зависть. Начнемъ съ перваго. Никто не бываетъ безпристрастнымъ судьей въ отношеніи къ самому себѣ; отсюда происходитъ то, что онъ мнитъ себя всего заслужившимъ, и все принимаетъ какъ должное, считая себя, при этомъ, недостаточно оцѣненнымъ по своему достоинству. «Мнѣ оказано это (благодѣяніе), говоритъ онъ, но какъ поздно и послѣ какой борьбы? Насколько большаго могъ бы я достигнуть, если бы предпочелъ ухаживать за такимъ-то, или такимъ-то или заботиться о самомъ себѣ. Не этого ожидалъ я. Меня смѣшали съ толпою: стало малаго сочли достойнымъ, лучше было бы обойти вовсе».

Глава 27.

Авгуръ Лентуль ²⁾, слывшій примѣромъ колоссальнѣйшаго богатства—до тѣхъ поръ пока вольноотпущенники не сдѣлали его бѣднякомъ (онъ видѣлъ 4000 своихъ собственныхъ сестерцій: я говорю въ собственномъ смыслѣ, ибо не болѣе какъ только «видѣлъ»), былъ человѣкомъ столь же скудомнымъ, сколько малодушнымъ. Будучи въ высшей степени скупъ, Лентуль, однако, скорѣе тратилъ деньги, чѣмъ слова: такова была у него скудость рѣчи. Хотя всѣмъ своимъ богатствомъ этотъ человѣкъ былъ обязанъ Августу, которому

1) *Carceres*—мѣсто въ циркѣ, откуда *стадиобромои* (скороходы) начинали бѣгъ. Чновники, заправлявшіе играми, давали сигналъ, отодвинувъ желѣзные и деревянные запоры, задерживавшіе скороходовъ, послѣ чего скороходы выскакивали, при чемъ выскочившій послѣ старался догнать и опередить перваго.

2) Сп. *Lentulus augur*. О немъ *Sueton. Tib.* 49.

(отъ себя) принесъ одну бѣдность, обремененную тяжестью знатнаго имени, тѣмъ не менѣе, занимая уже по своему богатству и расположенію, какимъ пользовался, первенствующее положеніе въ государствѣ, онъ время отъ времени обыкновенно жаловался на Августа, говоря, что его отвлекли отъ занятій и не дали того, сколько онъ потерялъ, оставивъ краснорѣчіе. А между тѣмъ божественный Августъ между прочими благами доставилъ ему и то, что избавилъ его отъ насмѣшекъ и напраснаго труда. Алчность никому не позволяетъ быть благодарнымъ, такъ какъ для нескромныхъ надеждъ никогда не бываетъ достаточно того, что предлагается. Мы тѣмъ большаго желаемъ, чѣмъ болѣе намъ досталось, и алчность человѣка, находящагося среди огромной массы богатствъ, становится еще болѣе ненасытною, подобно тому какъ сила пламени бесконечно увеличивается, когда сильнѣе бываетъ пожаръ, отъ котораго оно поднимается. Равнымъ образомъ и честолюбіе никому не позволяетъ успокоиться на той степени почестей, которая нѣкогда была дерзкою мечтою. Никто не довольствуется назначеніемъ въ трибуны, но жалуется, что его до сихъ поръ еще не возводятъ въ званіе претора. Но и это достоинство не удовлетворяетъ, если не даютъ консульства. Да и консульство не можетъ успокоить, коль скоро въ эту должность избирали только одинъ разъ. Страсть (человѣка) стремится все далѣе, не сознавая своего блага, потому что обращаетъ вниманіе не на то, откуда получила начало, но на то, гдѣ цѣль ея стремленія. Сильнѣе и могущественнѣе всѣхъ этихъ пороковъ зависть, которая беспокоитъ насъ при каждомъ сравненіи (себя съ другими).

Глава 28.

«Мнѣ сдѣлано благодареніе, но вонъ такому-то сдѣлано болѣе, а такому-то скорѣе». Зависть, далѣе, не оправдываетъ никого: въ ущербъ другимъ она дѣйствуетъ исключительно въ свою пользу. Насколько проще, насколько благоразумнѣе вышпаты достоинство полученнаго благодаренія и знать, что никого такъ не цѣнятъ другіе, какъ мы. «Я долженъ былъ получить болѣе, но для него не легко было болѣе дать: ему надобно было раздѣлить свои щедроты между многими. Это лишь

начало; будемъ питать къ нему добрыя чувства и своею призвательною вызовемъ его на новыя благодѣянiя. Онъ сдѣлалъ мало, но будетъ дѣлать чаще. Онъ предпочелъ мнѣ этого человѣка, но за то и меня предпочелъ многимъ. Тотъ не равенъ мнѣ ни по достоинствамъ, ни по заслугамъ, но на его сторонѣ было счастье. Благодаря жалобамъ, я не сдѣлаюсь достойнымъ большихъ даровъ, но окажусь недостойнымъ и того, что дано. Этимъ презрѣннѣйшимъ людямъ дано болѣе, но что за важность! Вѣдь Фортуна такъ рѣдко руководится разумнымъ соображенiемъ! Мы ежедневно жалуемся на то, что злые люди счастливы. Часто градъ, миновавъ нивы какого-нибудь весьма дурного человѣка, побиваетъ посѣвы достойнѣйшихъ людей. Каждому свой жребiй какъ во всемъ прочемъ, такъ и въ дружбѣ! Нѣтъ столь полного благодѣянiя, котораго не могла бы унизить злоба и нѣтъ столь ничтожнаго, которое не возвысилось бы въ своемъ достоинствѣ благодаря истолкованiю его въ лучшую сторону. Никогда не будетъ недостатка въ причинахъ для жалобъ, если будемъ разсматривать благодѣянiя съ ихъ слабѣйшей стороны.

Глава 29 ¹⁾.

Посмотри, какъ несправедливо относятся къ Божественнымъ дарамъ даже нѣкоторые мудрецы по профессiи ²⁾. Они жалуются на то, что величиною тѣла мы не равняемся слонамъ, быстротою—оленьямъ, легкостью—птицамъ, стремительностью—быкамъ; что крѣпостью кожи мы уступаемъ звѣрямъ, красотой лапамъ, густотою (волосъ)—медвѣдямъ, нѣжностью—бобрамъ; что собаки превосходятъ насъ чуткостью обонянiя, орлы—остротою зрѣнiя, вороны—продолжительностью жизни, многія животныя—счастливою способностью къ плаванiю. И между тѣмъ какъ природа не терпитъ соединенiя въ одномъ существѣ нѣкото-

¹⁾ Въ этой главѣ Сенека, чтобы показать благодѣянiя боговъ, пользуется телеологiей, которую стоики признавали, такъ какъ, по ихъ ученiю, все произведено ради боговъ и людей.

²⁾ «*Etiā quidam professi sapientiam*». Между этими философиами первое мѣсто занимаетъ Теофрастъ, ученiе Аристотеля, который, говорить, умирая обвинялъ природу въ томъ, что она вѣронамъ дала болѣе продолжительную жизнь, чѣмъ людямъ. (Cic. Tusc.: III, 28). Подобное замѣчанiе объ эпикурейцахъ см. *Lucretii de rer. nat.* V, 201 и сл.

рыхъ изъ перечисленныхъ нами свойствъ, напр., подвижности тѣла и силы, они считаютъ несправедливостью то обстоятельство, что человѣкъ не одаренъ столь различными и несомнѣстными благами. Они упрекаютъ боговъ въ пренебреженіи къ намъ за то, что человѣку не дано физической крѣпости и непобѣдимой силы, не дано предвѣденія будущаго. Эти люди едва удерживаются отъ увлеченія постыднымъ желаніемъ ненавидѣть природу за то, что мы ниже боговъ, что мы не стоимъ наравнѣ съ ними. Насколько будетъ лучше, если мы обратимся къ созерцанію столь многочисленныхъ и великихъ благодѣяній и возблагодаримъ боговъ за то, что они соблаговолили помѣстить насъ въ этомъ прекрасномъ жилищѣ на второмъ мѣстѣ послѣ себя и превознести выше всего земного. Уподобитъ ли намъ кто-либо тѣхъ животныхъ, власть надъ которыми находится въ нашихъ рукахъ? Все, въ чемъ намъ отказано, не могло быть и дано. Посему кто-бы ни былъ ты, несправедливый цѣнитель человѣческаго жребія, подумай о томъ, сколько благъ даровалъ намъ Отецъ нашъ, сколькихъ превосходящихъ насъ силою животныхъ мы поработили, превосходящихъ быстротою догнали; подумай о томъ, что нѣтъ ни одного существа (*mortale*), которое было бы внѣ нашей власти. Мы получили такъ много силъ, такъ много дарованій и наконецъ душу, для которой все становится доступнымъ въ то самое время, когда она обращаетъ на то свое вниманіе,--душу болѣе быструю, чѣмъ звѣзды, пути которыхъ она предусматриваетъ за много вѣковъ. Въ наше распоряженіе, далѣе, предоставлено такъ много плодовъ, такъ много богатствъ и такое множество другихъ вещей. Обойди все: не нашедши ни одного существа, каковымъ бы предпочелъ быть во всей его цѣлости, ты пожелаешь обладать отдѣльными свойствами, заимствованными ото всѣхъ существъ. Оцѣнивъ надлежащимъ образомъ щедрость природы, необходимо сознаешь, что ты для нея составляешь предметъ особаго расположенія. Такимъ образомъ безсмертные боги цѣнили и цѣнятъ насъ выше всего. Поставивъ насъ на первомъ мѣстѣ послѣ себя, они оказали этимъ величайшую почесть, какая только могла быть намъ оказана. Мы получили много, и большаго не въ состояніи были получить.

Глава 30.

Я счелъ необходимымъ, Либералій, высказать это съ одной стороны потому, что нужно было что-нибудь сказать о великихъ благодѣяніяхъ, говоря о малыхъ; съ другой стороны потому, что дерзость этого гнуснаго порока, проистекая отсюда, простирается и на все остальное. Въ самомъ дѣлѣ, кому отвѣтить благодарностію, какой даръ сочтетъ достаточно великимъ или достойнымъ воздаянія тотъ, кто презираетъ высочайшія блага? Тотъ, кто не признаетъ, что получилъ отъ боговъ ту жизнь, которую онъ ежедневно отъ нихъ принимаетъ, кому будетъ признателемъ за свое спасеніе и жизнь? Посему всякій, кто учитъ благодарности, дѣйствуетъ въ пользу людей и боговъ; этимъ послѣднимъ, хотя они и ни въ чемъ не нуждаются и стоятъ выше всякихъ желаній, мы, тѣмъ не менѣе, можемъ воздавать благодарность. Никому нельзя извинять свою неблагодарность своимъ ничтожествомъ и бѣдностью, говоря: «что я буду дѣлать и какъ? Когда могу воздать благодарность владыкамъ и повелителямъ всего?» Тебѣ легко можно это сдѣлать, если ты жаденъ безъ расходовъ, если лѣнивъ безъ труда. Ты можешь разсчитаться съ кѣмъ угодно въ то же самое время, когда принимаешь благодѣяніе, если желаешь, ибо кто съ охотою принялъ благодѣяніе, тотъ уже возвратилъ его.

Глава 31.

Изъ всѣхъ парадоксовъ стоической школы наименѣе удивительнымъ и невѣроятнымъ мнѣ представляется слѣдующій: кто охотно принялъ благодѣяніе, тотъ уже возвратилъ его. Такъ какъ мы все относимъ къ душѣ (обо всемъ судимъ по настроенію души), то въ данномъ случаѣ каждый достигаетъ того, чего желаетъ. Какъ благочестіе, вѣрность, справедливость и наконецъ всякая добродѣтель бывають совершенны сами по себѣ, хотя бы онѣ и не выставлялись на показъ, такъ точно и благодарнымъ можно быть даже при одномъ желаніи со своей стороны. Всякій разъ, какъ кто-либо достигаетъ предположенной цѣли, онъ пожинаетъ плоды своего труда. Какую цѣль имѣетъ человѣкъ, оказывая благодѣяніе? Безъ сомнѣнія, принести пользу тому, кому оказываетъ, и доставить себѣ удовольствіе. Если онъ выполнилъ то, чего хотѣлъ,

если его расположеніе тронуло меня и возбудило въ томъ и другомъ изъ насъ радостное чувство, то онъ достигъ своей цѣли. Не могло же, вѣдь, у него быть желанія что-нибудь получить отъ меня въ свою очередь: иначе это было бы не благодарніемъ, а торговою сдѣлкою. Кто достигъ предположенной имъ пристани, тотъ совершилъ благополучное плаваніе; ударъ, сдѣланный вѣрною рукою, достигъ своего назначенія, если попалъ въ цѣль. Кто даетъ благодарніе, тотъ желаетъ, чтобы оно было принято съ благодарностью. Онъ получаетъ желаемое, если благодарніе принято съ признательностью. Но быть можетъ, онъ надѣялся на нѣкоторую прибыль? Въ такомъ случаѣ это было уже не благодарніе, отличительная черта котораго ничего не помышлять объ уплатѣ. Если полученное мною (благодарніе) принято съ такимъ расположеніемъ, съ какимъ оно оказывалось, то я уже вознаградилъ за него. Въ противномъ случаѣ это благороднѣйшее дѣло (благодарность) поставлялось бы въ зависимость отъ самаго унизительнаго условія: чтобы воздать благодарность, приходилось бы обращаться къ Фортунѣ. На самомъ же дѣлѣ должно быть не такъ. Если я не могу отплатить тѣмъ, что не зависитъ отъ моей воли, то достаточно отвѣтить на расположеніе расположеніемъ. Итакъ, что же? Ужели не стану дѣлать и воздавать всего, что будетъ въ моихъ силахъ, не стану выбирать для того удобнаго времени и обстоятельствъ? Не пожелаю съ избыткомъ наполнить лоно того, отъ кого я что-либо получилъ? Безъ сомнѣнія (стану и пожелаю). Но въ худомъ положеніи оказалась бы благотворительность, если бы нельзя было воздавать благодарности и съ пустыми руками.

Глава 32.

Говорятъ: «кто принялъ благодарніе, хотя бы и съ глубочайшею признательностью, тотъ еще не выполнилъ всего, остается еще часть долга, которую слѣдуетъ уплатить. Подобнымъ образомъ въ игрѣ имѣетъ нѣкоторое значеніе умѣнье ловко и искусно поймать мячъ; однако хорошимъ игрокомъ называютъ лишь того, кто, поймавъ мячъ, умѣетъ также ловко и искусно бросить его далѣе». Сравненіе сюда не идетъ. Почему? Потому что въ данномъ случаѣ достоин-

ство заключается въ подвижности и ловкости тѣла, а не въ душѣ. Посему-то о комъ судять на основаніи одного внѣшняго вида, тому слѣдуетъ (постараться) раскрыть себя со всѣхъ сторонъ. И тѣмъ не менѣе я не назову плохимъ игрокомъ того, кто поймалъ мячъ какъ слѣдуетъ, но замедлилъ—бросить его далѣе, если только не самъ игрокъ былъ причиною этого замедленія. «Но хотя, возражать намъ далѣе, искусство играющаго и не потерпѣть никакого ущерба въ томъ случаѣ, когда онъ одну задачу игры выполнить, а другую, которую не выполнитъ, тѣмъ не менѣе будетъ въ состояніи выполнить, самая игра, состоящая изъ поочереднаго бросанія и подхватыванія (мяча), остается не совсѣмъ выполненною» Я не хочу долѣе заниматься разборомъ этого возраженія. Допустимъ, что недостатокъ былъ въ игрѣ, а не въ игрокѣ. Подобнымъ образомъ и въ предметѣ нашего спора (благодѣяніи) есть нѣкоторый недостатокъ, относящійся въ подаренной вещи, которой должна соотвѣтствовать другая равная ей вещь, а не къ душѣ, которая встрѣчается (въ такомъ случаѣ) съ душею себѣ подобной; что касается здѣсь до внутренней жизни благотворителя, то онъ достигъ, чего желалъ.

Глава 33.

Мнѣ оказали благодѣяніе; я принялъ его именно такъ, какъ желалъ того самъ благодѣтель. Послѣдній, такимъ образомъ, достигъ того, къ чему стремился и что, притомъ, составляло единственный предметъ его желанія: слѣдовательно я отблагодарилъ его. Послѣ сего ему остается еще сдѣлать изъ меня какое-нибудь употребленіе, извлечь изъ признательнаго ему человѣка какую-нибудь выгоду. Это не осталшая часть еще не выполненнаго съ моей стороны долга, но прибавленіе къ исполненному. Фидій сдѣлать статую. Иное дѣло—награда за искусство,—иное за—ремесло. Назначеніе художника сдѣлать то, что онъ хотѣлъ; назначеніе ремесленника сдѣлать такъ, чтобы вышла польза. Фидій выполнилъ свое дѣло, хотя и не продалъ. Для него вознагражденіе за трудъ можетъ быть тройное: одно въ собственномъ сознаніи, которое онъ получаетъ, выполнивъ свой трудъ; другое въ видѣ доброй славы и третье въ видѣ пользы, которую можетъ принести

ему покровительство, продажа или какая-нибудь другая выгода. Такъ точно и первая награда за благодѣяніе дается въ собственномъ сознаніи. Эту награду получаетъ тотъ, кто вручилъ свой даръ кому желалъ. Второй видъ награды—добрая слава, третій—что-либо изъ тѣхъ предметовъ, которые обратно могутъ быть предложены въ подарокъ. Посему, когда благодѣяніе принято съ признательностью, благодѣтель уже получилъ благодарность, но вознагражденія еще не получалъ. Такимъ образомъ я остаюсь долженъ ему то, что не относится къ благодѣянію; за самое же благодѣяніе я вознаградилъ его благодарнымъ приемомъ.

Глава 34.

Итакъ, снова будутъ намъ возражать, ужели воздалъ благодарность тотъ, кто ничего не сдѣлалъ?—Онъ—отвѣчаемъ,—сдѣлалъ главное: на душевное расположеніе отвѣтилъ расположеніемъ же и притомъ, что свойственно дружбѣ, сохранилъ равенство ¹⁾. Затѣмъ обрати вниманіе на различіе между вознагражденіемъ за благодѣяніе и уплатою за долгъ: не ожидай, чтобы я сдѣлалъ тебѣ матеріальное вознагражденіе, здѣсь дѣло касается душъ. Рѣчь моя не станетъ казаться тебѣ суровою, хотя она, главнымъ образомъ, и направлена противъ твоего мнѣнія, какъ скоро ты станешь на мою точку зрѣнія и подумаешь о томъ, что предметовъ больше, чѣмъ словъ. Существуетъ великое множество предметовъ, не имѣющихъ своего названія. Мы обозначаемъ ихъ не собственными названіями, а иностранными и заимствованными отъ другихъ предметовъ. Такъ, словомъ *pes* мы называемъ и свою ногу и ножку кровати, и мачту паруса, и стопу стиха. Названіе *canis* прилагается и къ охотничьей собакѣ, и къ морской, и къ созвѣздію. Не имѣя возможности обозначать каждый отдѣльный предметъ особымъ названіемъ, мы всякій разъ, какъ представляется нужда, употребляемъ заимствованныя выраженія. Храбрость есть добродѣтель, презирающая дѣйствительныя опасности или умѣнье ихъ устранять, встрѣчать и вызывать. Тѣмъ не менѣе мы называемъ храбрымъ человѣ-

¹⁾ *Et, quod est amicitiae, ex aequo*. Ср. Cicer. de amic. 5 etc.

комъ и гладіатора, и презрѣннаго раба, котораго на презрѣніе къ смерти вызываетъ безразсудство. Бережливость (*parsimonia*) есть умѣнье избѣгать излишнихъ расходовъ или искусство умѣренно пользоваться родовымъ богатствомъ; однако мы называемъ весьма бережливымъ—(*paucissimum*) и человекъ малодушнаго и во всемъ себя стѣсняющаго, между тѣмъ какъ существуетъ безконечно великое различіе между умѣренностью и скупостью. Эти два свойства—по существу своему различны, но бѣдность языка заставляетъ насъ и того и другого называть бережливымъ, подобно тому, какъ мы называемъ храбрымъ какъ того, кто на разумномъ основаніи презираетъ опасности, такъ и того, кто безразсудно стремится на встрѣчу опасностямъ. Такъ и благодѣяніемъ, какъ мы говорили, называется и благодѣтельное дѣйствіе, и то самое, что подается чрезъ это дѣйствіе, какъ-то: деньги, дома, нарядная одежда ¹⁾. И для того и для другого—одно названіе; сущность же ихъ и значеніе далеко не одни и тѣ же.

Глава 35.

Итакъ, будь внимателенъ, и ты поймешь, что я ничего не сказалъ противнаго твоему мнѣнію. За то благодѣяніе, которое состоитъ въ дѣйствіи, мы уже воздали благодарность, какъ скоро приняли его съ признательностью. Другое же благодѣяніе, которое заключается въ предметѣ, мы еще не возвратили, но только имѣемъ намѣреніе возвратить. За оказанное намъ расположеніе мы расплатились расположеніемъ, а за дарованную вещь обязаны вещью. Итакъ,—хотя мы и говоримъ, что съ охотою принять благодѣяніе значитъ воздать благодарность, тѣмъ не менѣе мы совѣтуемъ дарить въ свою очередь что-либо подобное полученной нами вещи. Нѣкоторыя изъ высказанныхъ нами мнѣній, повидимому, не согласны съ общепринятыми обычаями, но онѣ опять будутъ согласоваться съ этими обычаями, если разсматривать ихъ съ другой точки зрѣнія. Мы утверждаемъ, что для мудреца нѣтъ обиды; и однакожь, кто ударить его кулакомъ, будетъ обвиняться въ нанесеніи обиды. Мы утверждаемъ, что глупый не можетъ

¹⁾ *Praetexta* (Sc. toga)—тога, обложенная червеною опушкою, какъ знакъ отличія и высокаго положенія лица, ее надѣвавшего.

имѣть никакой собственности, и однако похитившаго у глупца какую-нибудь вещь мы будемъ обвинять въ кражѣ. Мы говоримъ, что всѣ бѣснуются; однако не лѣчимъ всѣхъ чемерицей; и даже тѣмъ самымъ, которыхъ называемъ безумными, мы даемъ право голоса въ собраніяхъ и право судебной юрисдикціи. Такъ, мы говоримъ: кто принялъ благодареніе благосклонно, тотъ расплатился за него; тѣмъ не менѣе, мы считаемъ его въ долгу, считаемъ обязаннымъ снова благодарить даже послѣ того, какъ онъ уже отблагодарилъ. Это поощреніе къ (принятію) благодаренія, а не отсовѣтываніе. Не будемъ страшиться и падать духомъ, какъ бы подавляемые невыносимою тяжестью. Мнѣ даны богатства, честь моя защищена, позоръ снятъ, мнѣ дана жизнь и что дороже жизни—свобода: какимъ образомъ я могу изъявить свою благодарность? Когда настанетъ тотъ день, въ который я открою свою душу предъ благодѣтелемъ? Это тотъ самый день, въ который онъ открываетъ свою (душу). Прими благодареніе съ распростертыми объятіями: радуйся не тому, что получаешь, а тому, что возвращаешь, оставаясь, въ то же время, должникомъ. Не подвергай себя столь великой опасности, какъ возможность, благодаря случаю, сдѣлаться неблагодарнымъ. Я не стану указывать тебѣ на предстоящія трудности, дабы ты не упалъ духомъ и дабы перспектива трудовъ и продолжительной зависимости не ослабила твоей энергіи, не стану отсылать тебя къ будущему: пусть дѣло идетъ о настоящемъ. Никогда не будешь благодарнымъ, если не почувствуешь благодарности въ то же самое время, когда примешь благодареніе. Итакъ, что же слѣдуетъ дѣлать? Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ нужды братья за оружіе, но въ будущемъ, можетъ быть, придется: нѣтъ нужды измѣрять моря; но въ будущемъ, можетъ быть, придется даже при неблагопріятныхъ вѣтрахъ. Ты хочешь отплатить за благодареніе? Прими его съ признательностію и ты воздашь благодарность; однако, не считай себя совершенно уплатившимъ долгъ, но только съ большимъ спокойствіемъ совѣсти сознавай его за собою.

* * *

(Продолженіе будетъ)

ЛИСТОКЪ

для

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

15 Марта № 5. 1890 года.

Содержаніе. Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.—Епархіальныя извѣщенія.—Извѣстія и замѣтки.—Объявленія.

Отъ Харьковскаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества.

Въ январѣ мѣсяцѣ сего 1890 года въ Комитетъ Православнаго Миссіонерскаго Общества поступило: процентовъ на капиталъ Комитета 197 р., кружечнаго сбора отъ церквей 1 Харьковскаго округа 13 р. 36 к., собрано по листамъ благочин. 1 Сумскаго окр. 31 р. 35 к., отъ священника Іоанна Туранскаго чл. вз. 3 р., отъ крестьянина Ѳеодора Бублаева чл. вз. 3 р., кружечнаго сбора отъ церквей 1-го Старобѣл. окр. 20 р. 48 к., отъ протоіерея Іоанна Касьянова 3 р., отъ свящ. Николая Любичаго 3 р., протоіерея Николая Шокотова 3 р., отъ священниковъ: Василія Аристова 3 р., Петра Литкевича 3 р., Іоанна Давидовича 3 р., Петра Макаровскаго 3 р., Василія Насѣдкина 3 р., Іоанна Ковалевскаго 3 руб. Петра Приходькова 3 р., Григорія Соколова 3 р., Евлампія Макухина 3 р., Данила Ветухова 3 р., Ѳеодора Попова 3 р., Іоанна Шишлова 3 р., собрано по листамъ благочин. 1 Старобѣл. округа 52 руб. 52 к. кружечнаго сбора отъ церквей 2 Изюмскаго округа 21 р. 37 к., собрано по листу настоят. Высочиновскаго монастыря 3 р. 25 к., кружечнаго сбора отъ церквей 1 Изюмскаго округа 19 р. 14 к. и сбора по листамъ отъ разныхъ лицъ 2 р. 6 к., отъ протоіерея Іоанна Рудинскаго чл. вз. 6 р., отъ купца Евгенія Буймистрова 3 р., отъ Ивана Степанова 3 р., отъ свящ. Антона Рудинскаго 3 р., отъ протоіерея Алексѣя Сильванскаго 3 р., отъ священниковъ Іанна Жадановскаго 3 р., Ѳеодора Юшкова 3 р., Николая Сильванскаго 3 р., отъ діакона Ѳеодора Лихницкаго 3 р.,

отъ псаломщика Михайла Семейкина 3 руб., отъ священниковъ: Александра Анисимова 3 р., Николая Найдовскаго 3 р., Дмитрія Вышемірскаго 3 р., Θεоктиста Корнильева 3 р., Алексѣя Пономарева 3 р., отъ учениковъ церковно-приходской школы с. Бороваго 3 р., отъ священниковъ: Григорія Корнильева 3 р., Петра Тимоѣева 3 р., Павла Тимоѣева 3 р., Дмитрія Андреевскаго 3 р., Давида Антонова 3 р., Павла Македонскаго 3 р., собрано по листамъ благоч. 1 Зміевскаго окр. 48 р. 59 к., кружечнаго сбора отъ церквей 2 Богодух. окр. 26 р. 83 к., отъ свящ.: Петра Ѳедоровскаго 3 р., Симеона Котлярова 3 р., Аѳанасія Горайна 3 р., Алексѣя Снѣсаревскаго 3 р., отъ церк. старосты Ивана Фрейсара 3 руб., отъ священниковъ: Михайла Сильванскаго 3 р., Мартирія Подольскаго 3 р., собрано по лист. благоч. 2 Богодух. окр. 60 р. 8 к., кружечнаго сбора отъ церквей 2 Харьк. окр. 10 руб. 18 к., отъ священниковъ: Александра Вертеловскаго 3 р., Моисея Руссовскаго 3 р., Михайла Клечнова 3 р., Николая Житлова 3 р., Павла Дахивскаго 3 р., собрано по листамъ благоч. 2 Харьковскаго округа 44 р. 90 к., кружечнаго сбора отъ церквей: 3 Староб. окр. 14 р. 99 к., 1 Сумскаго окр. 57 р., 3 Изюмскаго окр. 16 р. 23 к., 4 Изюмскаго окр. 6 р. 9 к., отъ священниковъ: Зиновія Гладкова член. вз. 3 р., Николая Антонова 3 р., отъ протоіерея Михаила Куницына 3 р., отъ церк. старосты Θεоктиста Ѳенченко 3 р., собрано по листамъ благоч. 4 Изюмск. окр. 34 р. 21 к., собрано по листамъ благочин. 3 Лебединскаго окр. 35 р. 77 к. членскіе взносы: протоіерея Андрея Савинова 3 р., свящ.: Александра Давидова 3 р., Антонія Дикарева 3 р., Іоанна Матвѣева 3 р., протоіерея Петра Краснопольскаго 3 р., свящ.: Алексѣя Лихницкаго 3 р., Измаила Дмитриева 3 р., Михайла Кремповскаго 3 р., Андрея Люминарскаго 3 р., Николая Рубинскаго 3 р., Василя Флоринскаго 3 р., Александра Грызодубова 3 р., Михайла Лободовскаго 3 р., Петра Яповскаго 3 р., Іосифа Полницкаго 3 р., Михайла Ѳедоровскаго 3 р., Стефана Попова 3 р., Петра Новицкаго 3 р., Григорія Сапухина 3 р., Іосифа Крохатскаго 3 р., княгини Анны Николаевны Щербатовой 3 р., кол. секретаря Ивана Люминарскаго 3 р., отъ мѣщанина Пустовалова 3 р., отъ крестьянъ: Матвѣя Босенко 3 р., Карпа Иваненко 3 р. дворянина Василя Добрѣсельскаго 3 р., кружечнаго сбора отъ церквей 2 Волчанскаго окр. 16 р. 59 к., отъ священниковъ: Василя Корнильева 3 р., Стефана Виноградскаго 3 руб., Іоанна Діаконова 3 руб., Симеона Краснокутскаго 3 р., Николая Колчанскаго 3 р., Николая Ястрем-

скаго 3 р., Виктора Власовскаго 3 р., собрано по листамъ благочин. 2 Волчанск. окр. 43 р. 80 к., кружечнаго сбора отъ церквей 2 Валковскаго окр. 14 р. 88 к., отъ свящ. Александра Вербицкаго 3 р., отъ протоіерея Димитрія Сильванскаго 3 р., собрано по листамъ благочин. 2 Валковск. округа 16 р. 84 к., кружечнаго сбора отъ церквей 3 Зміевскаго округа 19 р. 11 к., членскіе взносы: свящ. Василя Васильковскаго 3 р., отъ крестьянъ: Прокофія Мироненко 3 р., Василя Пономаренко 3 р., отъ свящ. Василя Ковалевскаго 3 р., собрано по листамъ благоч. 3 Зміевскаго Округа 50 р. 6 к.—Всего въ январѣ мѣсяцѣ въ Комитетъ поступило: тысяча сто шестьдесятъ одинъ рубль шестьдесятъ восемь копѣекъ (1161 р. 68 к.).

Епархіальныя извѣщенія.

Окончившій курсъ въ Харьковской Духовной семинаріи Викторъ *Евфимовъ* опредѣленъ на праздное священническое мѣсто при Сошествіевской церкви, слободы Малой Волчьей Волчанскаго уѣзда.

— Студенту семинаріи Николаю *Твердохлбову* отказано въ представленномъ ему второмъ священническомъ мѣстѣ при Іоанно-Богословской церкви слободы Шандриголовой, Изюмскаго уѣзда, а на это мѣсто опредѣленъ окончившій курсъ въ Харьковской Духовной семинаріи воспитанникъ Евменій *Панкратьевъ*.

— Священническій сынъ Тихонъ *Пантелеймоновъ* опредѣленъ псаломщикомъ къ Благовѣщенской церкви сл. Зориковки Старобѣльскаго уѣзда.

— На праздное штатное діаконское мѣсто къ Ахтырско-Богородичной церкви слободы Изюмца (Бугасвка тожь) Изюмскаго уѣзда, переведенъ діаконъ Успенской церкви слоб. Коробочки, Зміевскаго уѣзда, Григорій *Макаровскій*.

— Псаломщикъ Митрофаніевской церкви слоб. Волвенкиной, Изюмскаго уѣзда, Яковъ *Пивоваровъ*, уволенъ заштатъ за нетрезвую жизнь.

— Псаломщикъ Воскресенской церкви города Славянска Василій *Никитинъ*, за нетрезвое поведеніе отрѣшенъ отъ сей должности.

— На праздное псаломщическое мѣсто къ Воскресенской церкви города Славянска опредѣленъ канцелярскій служитель Харьковской духовной консисторіи Леонидъ *Ильинскій*.

— Утверждены въ должности церковныхъ старостъ: къ церквамъ соборной Троицкой г. Волчанска кр. Димитрій *Заика*, а помощникомъ церковнаго старосты къ той церкви крестьянинъ Иванъ *Заика*; къ Нико-

лаавской сл. Новой Айдарн, Старобѣльскаго уѣзда, кр. Михаилъ *Грешинъ*; къ Вознесенской сл. Курячевки того-же уѣзда кр. Семенъ *Бѣлокобыльскій*; къ Рождество Богородичной сл. Бондаревой, того же уѣзда, кр. Алексій *Матвѣенко* и къ Александро-Невской Ново-Александровекаго конскаго завода дѣйств. стат. сов. Павелъ Павловъ *Гротенъ*; Кр. Іаковъ *Поповичъ*, къ Николаевской церкви сл. Грушевахн Изюмскаго уѣзда, на первое трехлѣтіе; къ церквамъ Изюмскаго уѣзда: Пророко-Ильинскаго села Лозоватаго, кр. Авраамъ *Саоченко* на 1-е трехлѣтіе; Іоанно-Предтечевской села Ивасовки кр. Емельянъ *Носаковъ* на первое трехлѣтіе; Варваровской села Капцотльскаго, кр. Иванъ *Злобинъ* на 2-е трехлѣтіе; Вознесенской пригородней г. Изюма сл. Песокъ куп. Василій *Запрісовъ* на 2-е трехлѣтіе и Вознесенской сл. Савянецъ кр. Игнатъ *Отцовичъ* на третье трехлѣтіе.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Содержаніе. Извѣстія изъ Сербіи, Галиціи и Болгаріи.—Русская церковь въ Вѣнѣ.—Миссія въ Абиссиніи.—Измѣненіе въ преподаваніи Закона Божія.—Запрещеніе избирать попечителями церковныхъ школъ содержателей питейныхъ заведеній.—Черногорское подворье въ Москвѣ.—Постриженіе въ монашество врача.—Отчеты общества вспомошествованія духовнымъ воспитанникамъ и кассы духовенства.—Помощь православному населенію устройствомъ складовъ религіозныхъ брошюръ и книгъ.—Дополненіе къ уставу одного братства.—Замѣчательная жертва.—Обращеніе свѣтскаго начальства къ содѣйствію духовенства.—Сооруженіе и освященіе креста въ Казанскомъ соборѣ.—Устройство церковнаго древнехранилища въ Подольской епархіи.—Благотворительность частная и общественная.—Проектъ ремесленной школы для дочерей духовенства.—Къ вопросу о праздничномъ отдыхѣ.—Тиражъ 2-го внутренняго займа, произведенный 1 марта 1890 года.

Изъ Сербіи допосыта благопріятнымъ извѣстія, что энергическая дѣятельность высокопреосв. митрополита Михаила начинаеть приносить благіе плоды. Его усилія, направленныя противъ латинской и протестантской пропаганды въ Посавіи, въ тамнавскомъ округѣ, увѣнчались въ короткое время полнымъ успѣхомъ. Эта вредная пропаганда тамъ сильно работала во время лжемитрополита Мраовича; но какъ только законный владыка возвратился, то сейчасъ же обратилъ свое вниманіе на пренебреженный и запущенный посавскій край, и нынѣ шабачская газета «Радикалацъ» сообщаетъ, что въ одномъ только тамнавскомъ срезу (округѣ) 164 иновѣрца возвратились уже въ лоно православія. Это произвело вездѣ очень отрадное впечатлѣніе.

Благодаря заботамъ того же маститаго первосвятителя сербской церкви, богословское училище въ Сербіи будетъ вскорѣ преобразовано въ духовную академію, какъ увѣряють, по русскому образцу. Академія эта должна быть выстроена близъ монастыря Рако-

вицы, недалеко отъ Топчидера, гдѣ будетъ учрежденъ интернатъ для академистовъ. Въ академію будутъ приниматься только тѣ ученики, которые окончили полный курсъ гимназіи. По этому поводу министръ Милосавльевичъ обратился къ профессорамъ высшихъ учебныхъ заведеній, которыхъ просилъ выработать проектъ для духовной академіи и другихъ учебныхъ преобразованій. Министръ просвѣщенія намѣренъ также преобразовать и училище для дѣвицъ въ высшую женскую школу, такъ чтобы ученицы могли переходить послѣ въ разные факультеты. Въ нынѣшнемъ училищѣ для дѣвицъ будетъ устроена школа для учительницъ. Директоромъ этого предполагаемаго педагогіума будетъ назначенъ извѣстный литераторъ, Іованъ Бошквичъ, профессоръ великой школы въ Бѣлградѣ. Наконецъ, такъ называемая великая школа будетъ преобразована въ дѣйствительный университетъ; всѣ кафедры будутъ дополнены и приглашены въ Сербію выдающіеся славянскіе ученые.

Въ то время какъ православная Сербія такъ быстро возрождается духовно, въ предѣлахъ Австріи идетъ усиленная работа съ цѣлю подавленія славянскаго духа. Извѣстно, что іезуиты въ послѣдніе годы усиленно стараются—и успѣваютъ—все глубже и глубже проникнуть въ славянскій міръ, особенно—туда, гдѣ сохраняются стародавнія кирилло-меодіевскія воспоминанія и сочувствія къ восточному обряду. Читателямъ уже извѣстно, какъ прискорбно и оскорбительно отразилось вліяніе іезуитовъ въ сферѣ религіозной жизни русскихъ униатовъ въ Галичинѣ. Въ настоящую минуту они обратили свое вниманіе на древній Велеградъ, столь дорогой моравамъ и всему славянству, не подчинившемуся клерикально-римскимъ понятіямъ о правахъ помѣстныхъ церквей. На дняхъ прибыла изъ Моравіи въ Вѣну депутація къ австрійскому министру народнаго просвѣщенія и духовныхъ дѣлъ и просила его—воспротивиться намѣренію римско-католическаго духовенства касательно передачи велеградскаго монастыря іезуитскому ордену. Министръ Гаучъ отвѣтилъ, что это дѣло зависить единственно отъ оломуцкаго архіепископа, кардинала князя Фирштенберга, его же желаніямъ министръ духовныхъ дѣлъ не можетъ противиться, а, напротивъ, долженъ ихъ исполнять; поэтому, министръ совѣтовалъ депутаціи отправиться, съ своею просьбою, въ Оломуць, къ архіепископу,—который конечно имѣеть на этотъ счетъ опредѣленныя инструкціи отъ папы и генерала іезуитскаго ордена...

Что касается злополучной Галиціи, то тамъ такъ называемая

«русская вѣра» находится въ полномъ загонѣ отъ властей, пользующихся всякимъ случаемъ для выраженія своего издѣвательства надъ нею. Такъ, нарушение австрійскими властями въ Галиціи русско-церковныхъ праздниковъ сдѣлалось обычнымъ явленіемъ. Галицко-русскія газеты отмѣчаютъ каждый разъ это своеволие властей, не въ исправленіе, конечно, неисправимыхъ, но въ осужденіе ихъ незаконныхъ дѣяній исторіей. Недавно былъ такой случай: правленіе государственныхъ имуществъ въ Глинянахъ вызвало нѣсколько русскихъ крестьянъ изъ Фирлеевки на 3 февраля по дѣламъ, касающимся ихъ спора съ мѣстнымъ евреемъ-кабатчикомъ. Но такъ какъ 3 февраля былъ день субботній, то еврей потребовалъ, чтобы срокъ явки былъ отмѣненъ. Просьба еврея была уважена и правленіе назначило другой срокъ на 2 февраля, то есть въ день Срѣтенія Господня. Крестьяне заявили чрезъ гминнаго начальника, что по случаю праздника они явиться не могутъ, но правленіе пригрозило имъ, на случай неявки, проигрышемъ дѣла въ пользу еврея. Другой случай еще болѣе возмутительный. Судъ въ Коцманѣ прислалъ русскому священнику Галаревичу и нѣсколькимъ крестьянамъ изъ Орошинъ вызовъ явиться въ судъ въ день Успенія Пресвятой Богородицы. Священникъ, конечно, не поѣхалъ въ судъ и заявилъ протестъ, но власти приговорили его за неявку къ штрафу. Въ томъ же Коцманѣ, въ день храмового праздника св. Николая, представители мѣстныхъ властей устроили охоту и вынудили крестьянъ идти не въ церковь, а въ лѣсъ для загопки звѣря.

Извѣстное папское бреве о разрѣшеніи отъ пощенія въ великомъ посту по случаю инфлюэнцы встрѣтило въ Галиціи серьезный протестъ со стороны русскаго населенія. Одинъ изъ галичанъ пишетъ по этому поводу въ «Червонной Руси», что «каются всѣ тѣ священники, которыя дерзнули объявить въ церкви объ этомъ папскомъ разрѣшеніи», такъ какъ это послужило къ великому соблазну для народа. Народъ просто тѣмъ соблазнился, говоритъ онъ. Старшіе люди въ громадѣ, прилежно церковь носѣщавшіе и поученія церковныя къ сердцу принимавшіе, говорили: въ старину, если на народы падали несчастья, какъ заразливые недуги, моровыя язвы, продолжительныя засухи, или, если татары, турки на христіанскія селенія нападали, то чѣмъ люди спасались? Къ какимъ средствамъ прибѣгали, чтобы Божій гнѣвъ или пощещеніе отвратить? Вотъ начальство церковное призывало людей на цѣлоночныя и цѣлодневныя богослуженія и приказывало общую испо-

вѣдь со строгими постами. И плоды отъ такихъ богоугодныхъ дѣлъ были не только благодатны и спасительны, но они были всегда удивительны, чудесностью своею поражающіе, ибо—какъ повѣствуется тысячекратно въ исторіи церковной—несчастья уступали всегда, представляя очевидное доказательство, какъ смиреніе, сокрушеніе и постъ людей Богу нравились и Его съ людьми примирляли. Нынѣ же, когда повсюду тревога, не долженъ народъ съ молитвою и постомъ обращаться къ Богу? Есть ли какая-либо необходимость разрѣшать его отъ общепринятаго и безусловно спасительнаго св. великаго поста? Въ западной Европѣ сохраняется постъ весьма слабо селянами, интеллигенція же просто не знаетъ его; для такихъ христіанъ не нужно разрѣшенія отъ поста. Имъ напротивъ нужно бы дать поощреніе къ посту одушевленными наставленіями, а еще больше примѣромъ, т. е. дѣйствительнымъ сохраненіемъ поста со стороны служителей алтара, учителей самоотверженія.

— Изъ Болгаріи сообщаютъ, что тамъ недавно шла усиленная работа по переводу св. Писанія на болгарскій языкъ. Исторія этого перевода весьма любопытна. Въ первый разъ на болгарскомъ языкѣ было издано четвероевангеліе въ Букарестѣ, въ 1828 г., гдѣ Серафимомъ (изъ Старой Загоры) и Салуновымъ (изъ Трѣвны). Полный переводъ всего новаго завѣта былъ изданъ въ г. Смирнѣ только въ 1840 г., на средства британскаго и иностранно-библейскаго общества. Переводчикомъ новаго завѣта былъ болгарскій монахъ Неофитъ П. Петровъ-Рыльскій, при содѣйствіи и одобреніи Иларіона, митрополита тырновскаго. Это изданіе въ продолженіе 1½ года разошлось въ 5000 экземпляровъ, не смотря на низкій уровень образованія болгаръ въ то время. Вслѣдъ за тѣмъ, послѣдовало еще 5 изданій новаго завѣта, въ количествѣ 45000 экз. Такой усгѣхъ ободрялъ библейское общество, которое рѣшило перевести и издать ветхій завѣтъ. За переводъ взялся въ той же Смирнѣ болгаринъ Фотиновъ, не долюбливавшій протестантовъ. Переводъ былъ сдѣланъ на западномъ болгарскомъ нарѣчій (македонскомъ), принятомъ до 50-хъ годовъ всѣми болгарами въ качествѣ литературнаго языка; но ко времени окончанія перевода (въ 1858 г.), когда умеръ переводчикъ, восточное болгарское нарѣчіе сдѣлалось преобладающимъ въ бѣдной еще тогда литературѣ болгаръ. Въ городахъ западной Македоніи—Витолѣ, Прихлѣпѣ, Скопії и проч. учителя изъявляли полную готовность къ принятію восточнаго нарѣчія, почему и переводъ Фотинова былъ подвергнутъ исправленію. Съ этою

цѣлью приглашены были болгарскіе публицисты—Христодуль Костовичъ (представитель западнаго нарѣчія) и извѣстный публицистъ Славейковъ (восточнаго нарѣчія). Имъ помогаль нынѣшній директоръ американскаго въ Царьградѣ «Робертъ-колледжа», Лонгъ, прекрасно изучившій болгарскій языкъ. Между тѣмъ самозванное правительство не перестаетъ распатывать національно-религіозныя убѣжденія болгарскаго народа, и въ послѣднее время въ официальномъ органѣ его «Свободѣ» стали помѣщаться статьи прямо противорелигіознаго направленія. Эта газета задается, между прочимъ, вопросомъ, который она называетъ «единъ важенъ вопросъ», о значеніи «теорія» Моисея и Дарвина, и приходитъ къ выводу, что ветхій завѣтъ—ни болѣе ни менѣе, какъ «восточная сказка», въ которой встрѣчаются «противорѣчія врьихъ противорѣчія, невозможности врьихъ невозможности», въ чемъ можетъ убѣдиться, говорится въ заключеніе, каждый ученикъ гимназіи при помощи учебника «по физиката и химията».. Такимъ-то научными статьями кормить своихъ читателей газета болгарскаго лжеправительства, которое задалось повидимому цѣлью развратить болгарскій народъ не только въ политическомъ, но и нравственно-религіозномъ отношеніяхъ!

Чтобы хотя нѣсколько обуздать хищническіе инстинкты болгарскихъ самоуправцевъ, безнаказанно расхищающихъ народное достояніе русское правительство потребовало отъ нихъ уплаты за оккупацию за четыре послѣдніе года по 800000 рублей, что составитъ 3200000 рублей. Это требованіе послужило самозванцамъ неистощимой темой для разныхъ предположеній, будто Россія хочетъ или косвенно чрезъ это признать теперешнее лжеправительство съ Кобургскимъ вьяземъ во главѣ, или поставитъ его въ еще болѣе затруднительное положеніе. Ни то, ни другое предположеніе, конечно, не имѣетъ никакихъ основаній, такъ какъ Россія этимъ требованіемъ просто хотѣла напомнить Болгаріи о лежащемъ на ней и давно уже не оплачиваемомъ ею долгѣ. Исторія этого долга въ высшей степени поучительна для болгаръ. Еще лѣтомъ 1883 г. болгарское правительство признало себя обязаннымъ уплатить Россіи оккупационный долгъ въ количествѣ 10¹/₂ милліонновъ рублей. Тогда Баттенбергъ еще скрывалъ отъ Россіи и болгаръ свою подпольную, предательскую политику и съ усиліемъ эксплуатировалъ, для своихъ личныхъ цѣлей, щедроты русскаго царя и благорасположеніе Россіи къ болгарскому народу. Не смотря на то, что расходы Россіи по оккупации обошлись ей въ 35 милліонновъ рублей, а долгъ за нею низведенъ былъ до суммы 10¹/₂ милліонновъ рублей

(=42 милліоновъ франковъ), благоволеніе русской власти въ освобожденному ея народу было такъ велико, что она уступила въ пользу Болгаріи 17 милліоновъ франковъ золота, согласившись получить 25 милліоновъ франковъ въ теченіе 12¹/₂ лѣтъ безъ процентовъ. Этого мало: вмѣсто золотыхъ франковъ, Россія согласилась получать серебрянными болгарскими левами, стоящими на 11⁰/₁₀₀ дешевле золотыхъ франковъ; эта новая уступка составляетъ 2³/₄ милл. франковъ, подаренныхъ Болгаріи. Конвенція объ уплатѣ этого долга, была принята въ концѣ сентября 1883 г. софійскимъ народнымъ собраніемъ съ выраженіемъ признательности русскому государю за великодушныя условія конвенціи. Но все это теперь забыто, и болгарское лжеправительство вопить на весь міръ, что «варварская» Россія безпощадно хочетъ эксплуатировать бѣдненькую Болгарію. (Ц. Вѣстн.)

— Изъ Вѣны пишутъ «Московск. Вѣдомостямъ», что тамошняя русская церковь особенно охотно посѣщается живущими тамъ православными славянами, и сербы, празднуя ежегодно 13 января (стар. ст.) память св. Саввы, покровителя сербскаго народа, въ нашей церкви слушаютъ обѣдню, которую, по ихъ просьбѣ, совершаетъ въ этотъ день русскій священникъ, о. Николаевскій. Съ большой торжественностью совершаемое богослуженіе, прекрасное пѣніе небольшого, но весьма стройнаго хора пѣвчихъ не мало способствуютъ усердному посѣщенію храма и производятъ отрадное впечатлѣніе на молящихся. Но положеніе, въ которомъ находится церковь, къ сожалѣнію, совершенно не соотвѣтствуетъ своему высокому назначенію. Принадлежащій нашему министерству иностранныхъ дѣлъ домъ на Wallfischgasse, въ которомъ помѣщается русская церковь, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ зданій этой улицы, такъ что, не зная номера дома, трудно отыскать храмъ Божій. Нижній этажъ дома занятъ парфюмерною лавкой, церковь же помѣщается въ слѣдующемъ верхнемъ этажѣ, причѣмъ подниматься приходится по узкой темной лѣстницѣ. Самое помѣщеніе весьма тѣсно и въ большіе праздники не можетъ вмѣстить всѣхъ желающихъ помолиться; публика тѣснится въ корридорѣ и стоитъ у входа на улицѣ, ожидая возможности пробраться въ церковь. Въ бытность свою въ Вѣнѣ, капелла Славянскаго пропѣла одну обѣдню и въ русской церкви. Народа въ церкви была масса: не одни русскіе и славяне, но и многіе нѣмцы пришли послушать знаменитаго русскаго пѣвца. Богослуженіе отличалось особою, до сихъ поръ небывалою торжественностью, но духота и тѣснота служили немало помѣхой. (Церк. Вѣстн.)

— «Петербургскій Листокъ» сообщаетъ, что отъ правительства въ недавнее время послано было особое лицо, для ознакомленія съ дѣлами Абиссиніи, которое теперь уже возвратилось съ весьма благопріятными свѣдѣніями. Предполагается учредить въ Абиссиніи особое консульство и снаряжается миссія изъ одного священника и псаломщика. Въ качествѣ миссіонера отправляется оканчивающій въ этомъ году курсъ въ С.-Петербургской духовной академіи іеродіаконъ Климентъ (въ мірѣ Константинъ Верниковскій), сынъ священника Минской епархіи, всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ постригшійся въ монашество. Консульство и миссія отправляются въ Абиссинію въ началѣ весны.

— Въ «Гражданинѣ» напечатано слѣдующее извѣстіе: «Послѣднія засѣданія Св. Синода посвящены были разсмотрѣнію вопроса о новой постановкѣ преподаванія Закона Божія въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ цѣляхъ лучшей и болѣе успѣшной постановки дѣла, Св. Синодомъ опредѣлено расширить программу по Закону Божію и увеличить число учебныхъ часовъ по этому предмету въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также освободить преподавателей Закона Божія отъ должностей приходскихъ пастырей, предоставивъ имъ только право имѣть уроки по Закону Божію въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ».

— Святѣйшій Правительствующій Синодъ, разсмотрѣвъ представленіе состоящаго при Св. Синодѣ училищнаго совѣта, по вопросу о томъ, могутъ ли быть избираемы въ должности попечителей церковно-приходскихъ школъ лица, содержація питейныя заведенія, постановилъ, по словамъ «Церк. Вѣд.», слѣдующее опредѣленіе: признавая неудобнымъ возлагать попеченіе о благоустроеніи церковно-приходскихъ школъ на содержателей питейныхъ заведеній и служащихъ въ этихъ заведеніяхъ лицъ и принимая во вниманіе, что по существующимъ узаконеніямъ содержатели питейныхъ заведеній не могутъ быть избираемы въ церковныя старосты, разъяснить епархіальнымъ училищнымъ совѣтамъ, что содержатели питейныхъ заведеній и другія служація въ этихъ заведеніяхъ лица не могутъ быть представляемы къ утвержденію ихъ епархіальными преосвященными въ званіи попечителей церковно-приходскихъ школъ.

— «Сынъ Отечества» сообщаетъ, что въ настоящее время возбужденъ вопросъ объ учрежденіи въ Москвѣ черногорскаго подворья, на подобіе тѣхъ, какія имѣются уже тамъ давно для Сербіи, константинопольскихъ грековъ и патриархатовъ іерусалимска-

го и антиохійскаго. Съ этою цѣлью предполагается обратить въ черногорское митрополичье подворье одну изъ московскихъ безприходныхъ церквей—Трифоновскую, въ которой покоятся мощи св. мученика Трифона, перенесенныя туда изъ Черногоріи, еще при императорѣ Александрѣ I.

— «Новое время» сообщаетъ, что 22 февраля въ домово́й церкви Спб: духовной академіи совершенъ обрядъ постриженія въ монашество вольнослушателя академіи, врача Ив. Ив. Оболенскаго. Постриженный—сынъ священника. По окончаніи курса въ университетѣ по медицинскому факультету И. И. Оболенскій много лѣтъ состоялъ врачомъ въ Тамбовской губерніи. Съ начала сего учебнаго года онъ слушаетъ богословскія науки въ академіи. Постриженіе Оболенскаго совершалъ ректоръ академіи, епископъ выборгскій Антоній, при участіи многочисленнаго монашествующаго духовенства. При постриженіи Ив. Оболенскій нареченъ новымъ именемъ Тихона, въ честь св. Тихона Воропежскаго.

— Нѣкоторыя общества вспомо́щствованія духовнымъ воспитанникамъ напечатали свои отчеты, въ которыхъ есть интересныя цифры. Въ отчетѣ общества вспомо́щствованія нуждающимся ученикамъ муромскаго духовнаго училища за девятый (1888—1889) годъ сказано, что въ этомъ году было израсходовано 408 р. и что къ 1889—90 году оставалось запаснаго капитала 2,328 р. и расходнаго 247 р. Изъ отчета такого же общества при владимірскомъ духовномъ училищѣ за первый (1889) годъ видимъ, что обществомъ на пособія ученикамъ употреблено 265 р. и что остатокъ къ слѣдующему году равнялся суммѣ 1,022 р. Въ отчетѣ попечительства при вологодской семинаріи за время съ 12 декабря 1888 г. по 12 декабря 1889 г. сказано, что на пособіе воспитанникамъ деньгами употреблено 146 руб., а съ епархіальною суммою въ 1,500 р. всего 1,646 р., и на пособіе вещами 223 р. и что къ 12 декабря 1889 г. оставалось 22,673 руб. Попечительство при ярославской семинаріи въ 1887—88 году выдало въ пособіе ученикамъ 1,610 руб. и къ 21 сентября 1888—89 уч. года имѣло въ остаткѣ 7,152 р. Изъ отчета братства при книжневской семинаріи за истекшее десятилѣтіе по 1 января текущаго года видно, что это братство, начавши съ 8 рублей расхода на нужды и потребности воспитанниковъ семинаріи, какъ это было въ первомъ году его существованія, къ концу десятилѣтія увеличило эту цифру почти въ 90 разъ. Братство за десять лѣтъ помогло болѣе чѣмъ 300 лицамъ, израсходовавши на нихъ болѣе 5,000 р. Кроме того братство выдало

заимообразныя ссуды болѣе чѣмъ 150 лицамъ. О томъ же, какъ значительны были ссуды, можно судить по тому, напр., что въ теченіе 1888 г. было выдано заимообразно около 800 р., въ теченіе же 1889 г. около 500 р.

Вспомогательныя кассы для духовенства, о которыхъ появились свѣдѣнія въ послѣднихъ №№ епархіальныхъ вѣдомостей, видимо развиваются. Отъ комитета пенсіонно-вспомогательной кассы духовенства екатеринославской епархіи нынѣ объявлено, что со времени открытія дѣйствій кассы, съ 15 марта 1889 г. по 1 января 1890 г. поступило: чрезъ благоч. отъ церквей епархіи 14,877 р., отъ вкладчиковъ кассы 17,744 р., процентовъ 570 р., а всего 33,191 р. Правленіемъ общества взаимнаго вспомошествованія пензенскаго духовенства объявлено, что къ 1 января настоящаго года всѣхъ суммъ общества было 121,939 р. Общество это продолжаетъ выдавать ссуды за поручительство причтовъ или священниковъ или подъ обезпеченіе членскихъ взносовъ, назначаетъ пенсіи и проч. Пенсіи эти бывають очень небольшія (напримѣръ, нѣкоторымъ вдовамъ священниковъ выдаютъ пенсіи въ 9 или 12 руб. въ годъ); но и что-нибудь лучше, чѣмъ ничего. (Ц. Вѣстн.)

— Дѣло устройства складовъ для продажи священныхъ изображеній, крестовъ, книгъ и брошюръ религіозно-нравственнаго содержанія, повидимому, больше и больше организуется и крѣпнеть. Для удовлетворенія, потребности народа въ чтеніи и для предотвращенія покупки у книгоношъ и разныхъ торговцевъ книгъ безполезныхъ и вредныхъ, а также предметовъ чествованія, по цѣнамъ, превышающимъ дѣйствительную ихъ стоимость, совѣтъ вологодскаго православнаго братства, сообразуясь съ заявленіями благочинныхъ, недавно постановилъ учредить весьма значительное число складовъ (именно 24 склада) въ уѣздахъ для продажи выписываемыхъ братствомъ носильныхъ крестовъ, св. изображеній, книгъ и брошюръ. Склады должны производить продажу не только на мѣстѣ, при церквахъ, но и отпускать книги и предметы чествованія по всѣмъ окрестнымъ церквамъ, сообразно денежному взносу каждой изъ нихъ. Завѣдывать складами будутъ отчасти мѣстные священники, отчасти діаконы.

Для болѣе успѣшнаго достиженія духовно-просвѣтительными обществами, дѣйствующими въ одной и той же мѣстности, общихъ имъ цѣлей, иногда дѣлались и дѣлаются попытки сблизить эти духовно-просвѣтительныя общества. Въ самое послѣднее время такой опытъ сдѣланъ въ херсонской епархіи. По утвержденному 15

января дополненію къ уставу одесскаго Свято-Андреевскаго братства, совѣтъ послѣдняго будетъ входить въ совмѣстное совѣщаніе съ епарх. учил. совѣтомъ по такимъ предметамъ, какъ устройство складовъ книгъ и т. п. или устройство, по мѣрѣ возможности, торжественныхъ публичныхъ соединенныхъ собраній братства и епархіальнаго училищнаго совѣта, съ чтеніями, пѣніемъ, для болѣе тѣснаго общенія между тѣмъ и другимъ учрежденіемъ, а также для ознакомленія общества съ дѣятельностію ихъ. (Ц. Вѣсти.)

— Изъ Саратовской епархіи въ «Церк. Вѣсти.» сообщаютъ: конецъ прошлаго года ознаменовался въ нашей епархіи крупнымъ пожертвованіемъ на православное миссіонерское общество съ указаніемъ на миссію въ Японію. Пожертвованіе сдѣлалъ священникъ бѣднаго села Курдюмъ, саратовскаго уѣзда, о. Іоаннъ Несмѣловъ. Онъ собралъ послѣднія свои крохи, оставленныя имъ на случай старости въ заштатѣ, но потомъ раздумалъ и отдалъ ихъ на великое и св. дѣло миссіи. Когда пожертвованіе это пришло въ Саратовъ, въ комитетъ миссіонерскаго общества, то о священникѣ Несмѣловѣ заговорило все саратовское духовенство. Кто онъ такой? Откуда у него такія средства? Вѣдь это архіерейская жертва, а не какого-нибудь священника, тѣмъ болѣе сельскаго, да еще живущаго въ бѣдномъ раскольническомъ селѣ! Нѣкоторые изъ саратовскихъ іереевъ навели даже справки, почему о. Іоаннъ Несмѣловъ сдѣлалъ такую крупную жертву, какая причина лежала у него въ основѣ этого дѣла, не желалъ-ли онъ этой жертвою получить себѣ лучшій приходъ и выйти изъ Курдюмъ? Оказалось и выяснилось, что все дѣло сдѣлалось сельскимъ батюшкою очень просто: взялъ да и отдалъ послѣдніе гроши, отдалъ безъ шума и крика, а просто передалъ ихъ въ запечатанномъ конвертѣ чрезъ секретаря, не обозначивъ даже, что въ этомъ пакетѣ лежатъ 1000 руб. денегъ. Въ основѣ этого добраго дѣла лежала просто благодарность Господу Богу за то, что онъ вывелъ всѣхъ дѣтей его на хорошія мѣста и на служеніе св. Церкви.

— По требованію обстоятельствъ и вслѣдствіе малочисленности врачей губернскаго власти продолжаютъ иногда обращаться къ содѣйствию духовенства. Недавно такой случай былъ въ одной изъ губерній европейской Россіи, при чемъ требовалась помощь духовенства для предупрежденія глазныхъ болѣзней у новорожденныхъ. Недавно же прѣвѣтскимъ губернскимъ комитетомъ общественнаго здравія, между прочимъ, было постановлено: для оказанія медицинской помощи заболѣвающему гриппозной эндемической болѣ-

звнью сельскому населенію иркутской губерніи, въ виду крайняго недостатка медицинскаго персонала, обратиться, съ благословенія епархіальнаго архіепископа, къ содѣйствию сельскихъ священниковъ, съ просьбою объ оказаніи помощи населенію, согласно наставленію, составленному мѣстной врачебной управой, въ которомъ долженъ быть указанъ доступный для нихъ методъ пользованія этой болѣзни, причемъ предположено разослать и соотвѣтственные медикаменты. На отношеніи губернатора объ этомъ высокопреосвященный Веніаминъ положилъ такую резолюцію: «прошу приходскихъ священниковъ со всѣмъ вниманіемъ отнестись къ столь серьезному дѣлу».

— Петербургскія газеты сообщаютъ, что 10 февраля, между раннею и позднею литургіями, состоялось освященіе креста, устроеннаго въ С.-Петербургскомъ Казанскомъ соборѣ въ память событія 17 октября 1888 года. Чинъ освященія совершалъ настоятель собора протоіерей А. А. Лебедевъ при участіи церковно-народнаго хора общества религіозно-нравственнаго просвѣщенія. Крестъ сдѣланъ въ русскомъ Пантелеймоновскомъ монастырѣ (на Аоонѣ); на работавшихъ его иконовъ былъ наложенъ строгій постъ; вверху креста изображенъ Богъ Отецъ и исходящій отъ Него Духъ Святой, ниже—написаніе инициаловъ, сдѣланное на еврейскомъ, латинскомъ и греческомъ языкахъ, затѣмъ распятый Спаситель (въ терновомъ вѣнцѣ) въ натуральную величину, а внизу изображена Адамова голова. Въ подножіе креста вдѣлана серебряная звѣздочка со стекломъ, внутри которой помѣщается камень, составляющій часть пещеры гроба Господня—даръ Великаго Князя Сергія Александровича. Сооруженіе постоянной Голговы, предстоящихъ у креста (Божіей Матери и св. Іоанна Богослова) и предполагаемыхъ по бокамъ иконъ: Святыхъ, имена которыхъ носить Царственная Семья, чудесно спасаяся 17 октября, и явленія Божіей Матери преподобному Сергію Радонежскому, состоится не ранѣе будущаго года, въ виду того, что собранной суммы 2,300 рублей оказывается далеко не достаточно на этотъ предметъ.

— Въ гор. Каменцѣ, Подольской губерніи, предполагается, по сообщенію «Кіевск. Слова», устроить церковное древнехранилище, при существующемъ еще съ 1865 г. епархіальномъ историко-статистическомъ комитетѣ. Оно будетъ состоять изъ бібліотеки съ необходимыми для изученія исторіи Подолія книгами на русскомъ польскомъ, латинскомъ и другихъ языкахъ, архива рукописей и рукописныхъ актовъ, относящихся къ исторіи Подолія, а также бу-

магъ и дѣлъ комитета и, наконецъ, изъ вещественныхъ памятниковъ церковной древности въ подлинникахъ или снимкахъ. Вообще въ немъ будутъ собраны всевозможные памятники древности, имѣющіе историческое значеніе, въ особенности же уясняющіе исторію Подолія.

Небольшія пожертвованія на бѣдныхъ въ нищелюбивой Россіи составляютъ дѣло заурядное; но пожертвованія большихъ суммъ на устройство домовъ призрѣнія неимущихъ и т. п. представляютъ у насъ величайшую рѣдкость, хотя богатыми людьми Россія не бѣдна. Одно изъ такихъ пожертвованій сдѣлано на дняхъ. Потомственный почетный гражданинъ Боевъ пожертвовалъ 720,000 р. на устройство обширнаго городского дома призрѣнія въ Москвѣ. По желанію жертвователя, домъ призрѣнія долженъ быть устроенъ для бѣдныхъ московскихъ гражданъ и проживающихъ въ Москвѣ болѣе двухъ лѣтъ другихъ лицъ всѣхъ сословій православнаго вѣроисповѣданія.

— Исторически сложившійся обычай народа—дѣйствовать «мірскимъ сходомъ и приговоромъ» несомнѣнно будетъ облегчать опыты развитія общинной благотворительности среди крестьянъ, лишь только была бы инициатива. Въ «Церк. Вѣд.» доселѣ ведется подробная лѣтопись приговоровъ, которыми крестьянскія общества постановили увѣковѣчить память 17 октября: здѣсь встрѣчаются опыты и благотворительныхъ предпріятій. Изъ случаевъ, доселѣ не упомянутыхъ нами, занесемъ слѣдующій. Въ Екатеринославской губерніи. «Прихожане села Доброволья, Павлоградскаго уѣзда, выстроили на отведенной крестьянскимъ обществомъ землѣ при содѣйствіи жены подполковника Чернявской, домъ для пріюта десяти бѣднѣйшихъ сиротъ—съ тѣмъ, чтобы онѣ обучались въ двухъ имѣющихся въ названномъ селѣ земскихъ ремесленныхъ школахъ; пріютъ этотъ принятъ въ вѣдѣніе мѣстнаго церковно-приходскаго попечительства, и 17-го минувшаго октября открытъ для пріема сиротъ».

— Изъ Ямбурга сообщаютъ въ газету «Новости» о слѣдующемъ добровольномъ союзѣ крестьянъ села Рѣдкина съ благотворительной цѣлью.

«Село Рѣдкино довольно большое, но съ населеніемъ бѣднымъ, для котораго главнымъ подспорьемъ къ существованію является промыселъ легковымъ извозомъ въ Петербургъ: такія извозчиковъ одиночекъ, наѣзжающихъ въ столицу только зимой, насчитывается въ этомъ селѣ восемьдесятъ человекъ. Въ Рѣдкинѣ давно уже существуетъ школа, но по недостатку матеріальныхъ средствъ школа

до сихъ поръ не могла нанять хорошаго учителя и не имѣла въ достаточномъ количествѣ самыхъ необходимыхъ учебныхъ пособій; въ послѣднее же время матеріальное положеніе школы становилось день ото дня все хуже. Желая придти на помощь падающему дѣлу, крестьяне-извозчики, въ концѣ прошлаго лѣта, передъ отъѣздомъ въ столицу собрались на сходъ и, при участіи мѣстнаго духовенства, учредили попечительство, которое ставить для себя цѣлю оказывать матеріальную поддержку школѣ и бѣднымъ учащимся, а необходимыя для этого средства члены новаго попечительства вздумали добыть слѣдующимъ оригинальнымъ способомъ. Извозчики согласились во время пребыванія въ Петербургѣ пить чай преимущественно въ одномъ трактирѣ на одной изъ центральныхъ улицъ города; въ этомъ трактирѣ, съ согласія хозяина заведенія, они поставили металлическую кружку и уговорились опускать въ нее для образованія средствъ попечительства въ каждый свой заѣздъ по одной копѣйкѣ. Это постановленіе строго исполняется всѣми членами попечительства, и въ результатѣ, при ежемѣсячномъ вскрытіи кружки, которое производилось уже нѣсколько разъ, всегда получалось болѣе тридцати рублей, которые и отправлялись въ родное село въ руки мѣстныхъ представителей этого попечительства для употребленія по назначенію».

— Въ Екатеринославской епархіи возбужденъ вопросъ объ открытіи ремесленной школы или ремесленнаго отдѣленія при Екатеринославскомъ епархіальномъ женскомъ училищѣ для дочерей бѣдныхъ родителей, преимущественно псаломщицъ. По мнѣнію комиссіи, назначенной для разсмотрѣнія этого вопроса, для дочерей бѣдныхъ родителей, особенно для мало успѣвающихъ, слѣдовало бы открыть особое училище по программѣ одноклассной церковно-приходской школы, полагая 7 уроковъ въ недѣлю для русскаго и славянскаго чтенія, 7 уроковъ для письма и пѣнія и 7 для изученія молитвъ и Закона Божія. Кромѣ того воспитанницъ должно пріучать къ вѣшнему благоприличію, скромности, опрятности, бережливости, а равно и къ домашнему хозяйству. Для этого онѣ должны сами для себя шить и починять бѣлье и платье, убирать комнаты и постели, по очереди участвовать въ приготовленіи кушанья на кухнѣ, собирать на столъ и подавать кушанье въ столовой, заниматься садкою и поливкою разныхъ овощей и растений и другими предметами домашняго хозяйства, на примѣръ, заготовленіемъ молочныхъ скоповъ, солений, квашений и проч. Свободное отъ учебныхъ занятій время, по мнѣнію комиссіи, должно быть употребляемо на

пзученіе ремесль и предметы домашняго хозяйства, какъ-то: мытья, батанья, глаженья, кройки, шитья платья (на машинѣ и безъ нея), духовныхъ костюмовъ и священныхъ облаченій и вышиванья разнаго рода. Свои соображенія относительно необходимости открьтія ремесленной школы коммиссія основываетъ на томъ, что изъ общаго количества 456 псаломщическихъ дѣтей женскаго пола отъ 8-лѣтняго возраста, только 43 воспитанницы обучались въ женскомъ епархіальномъ училищѣ; слѣд., весьма незначительная часть псаломщическихъ дочерей получаетъ образованіе, большинство же остается безъ образованія, по причинѣ скуднаго содержанія, получаемаго псаломщиками. Съ другой стороны образованіе, которое могутъ получать дочери псаломщиковъ въ епархіальномъ училищѣ, недостаточно обезпечиваетъ ихъ судьбу. Не всѣ воспитанницы, окончившія курсъ въ епархіальномъ училищѣ, имѣютъ возможность получить мѣсто учительницы въ церковно-приходской или земской школѣ, многія же изъ нихъ возвращаются въ свои семейства и здѣсь, проживая безъ занятій, соотвѣтствующихъ ихъ образованію, и оторванныя своимъ воспитаніемъ отъ скромной семейной обстановки, дѣлаются бременемъ для семьи и сами тяготятся своимъ неопредѣленнымъ положеніемъ. (Мог. Епарх. Вѣд.).

— Харьковская газета «Южный Край», обсуждая вопросъ о праздничномъ отдыхѣ, сравниваетъ новое современное законодательство съ постановленіями временъ царя Алексѣя Михайловича. Дѣйствующее нынѣ законодательство, хотя принципиально признаетъ святость воскреснаго дня, не содѣйствуетъ практическому осуществленію четвертой заповѣди Закона Божія. Древнее законодательство не ограничивалось принципиальнымъ признаніемъ покоя воскреснаго дня, но проводило его въ жизнь, въ практику. Именно «о предупрежденіи и пресѣченіи нарушенія святости дней воскресныхъ и дней торжественныхъ, какъ церковныхъ, такъ и гражданскихъ» говорится въ «Уставѣ о предупрежденіи». «Воскресные и торжественные дни, читаемъ мы здѣсь, церковные и гражданскіе, посыщаются отдохновенію отъ трудовъ и съ тѣмъ вмѣстѣ набожному благоговѣнію. Посему дни сіи, воздерживаясь отъ безпутства, надлежитъ праздновать съ благоговѣніемъ и чистотою» (ст. 25). Это одна изъ сентенцій, которыя такъ обильно разсыпаны по своду законовъ и которыя не имѣютъ никакого пракческаго значенія. О воспрещеніи торговли и другихъ «работъ» въ праздники въ ней нѣтъ и рѣчи. Въ послѣдующихъ статьяхъ (27—29) перечисляются дни, въ которые присутственные мѣста свободны отъ

собраній, а училища отъ ученія. Въ томъ же уставѣ указаны дни, когда не дозволяются маскарады, концерты и спектакли (ст. 155, 158). Замѣтимъ кстати, что запрещеніе спектаклей на практикѣ обходится очень просто: на афишѣ, если спектакль идетъ, напримеръ, наканунѣ Троицына Дня, не пишется «дана будетъ такая-то комедія или драма», а пишется: «даны будутъ сцены и прочитаны монологи изъ такой-то пьесы». Благодаря этой простодушной уловкѣ, спектакль разрѣшается и сходитъ за литературный вечеръ, а сцены и монологи, разумѣется, разыгрываются и произносятся подъ рядъ, безъ всякихъ пропусковъ».

А между тѣмъ соборное уложеніе царя Алексѣя Михайловича заключало въ себѣ такія постановленія: «А въ воскресный день никого ни судити и въ приказѣхъ не сидѣти, и никакихъ дѣлъ не дѣлати» и въ другіе праздники, «а противъ воскресныхъ дней по вся субботы православнымъ христіаномъ отъ всякія работы и отъ торговли престати, и ряды затворяти за три часа до вечера. А въ воскресный день рядовъ не отпирать и ничѣмъ не торговать... А работы никакія въ воскресный день никому не работать да и въ праздники быти по тому же, какъ и въ воскресные дни»...

Приводя эту цитату, газета спрашиваетъ: «Не пора-ли намъ (т. е. по вопросу о храненіи праздниковъ) возвратиться къ преданіямъ, завѣщаннымъ до-петровской Россіей? Не пора-ли намъ вспомнить о постановленіяхъ соборнаго уложенія царя Алексѣя Михайловича?»

— Министръ государственныхъ имуществъ вошелъ, какъ сообщаютъ «Нов. Вр.», въ сношенія съ подлежащими вѣдомствами по вопросу о томъ, чтобы въ учительскихъ семинаріяхъ было введено преподаваніе теоретическаго и практическаго земледѣлія и различныхъ отраслей сельскаго хозяйства. Кромѣ того, говорятъ, въ министерствѣ государственныхъ имуществъ разрабатывается проектъ учрежденія средняго сельско-хозяйственнаго училища для приготовленія странствующихъ учителей садоводства, огородничества, пчеловодства и другихъ отраслей сельско-хозяйственной промышленности. Опытъ многихъ западно-европейскихъ государствъ доказалъ, что такіе странствующие учителя могутъ принести большую пользу, въ дѣлѣ распространенія среди народа практическихъ сельско-хозяйственныхъ знаній.

Тиражъ 2-го внутренняго съ выигрышами займа, произведенный въ Петербургѣ 1-го марта 1890 года, главные выигрыши пали на слѣдующіе №№ билетовъ:

№№ серій.	№№ билет.	Сумма.
10260	41	200000	6751	27	8000	3139	40	1000	13648	47	1000
19135	34	75000	10903	40	8000	2582	12	1000	16287	42	1000
5983	27	40000	5793	12	5000	12740	18	1000	15152	25	1000
4927	7	25000	8752	5	5000	10775	35	1000	15963	12	1000
11125	6	10000	14535	12	5000	2454	38	1000	5307	35	1000
4951	26	10000	5527	44	5000	14678	39	1000	7222	35	1000
10718	40	10000	4261	46	5000	8747	26	1000	4445	48	1000
10088	22	8000	2706	20	5000	19435	32	1000	2803	27	1000
16006	13	8000	7783	3	5000	9277	32	1000	13708	37	1000
18224	34	8000	15683	38	5000	18831	36	1000	8794	49	1000

Выигрыши от 500 рублей каждый пали на слѣдующіе билеты:

№№ серій.	№№ билет.
43	5	2838	25	5354	16	8139	20	10186	43	13833	37	17005	22
95	7	2967	38	5409	35	8160	14	10273	33	13836	21	17054	8
113	35	2978	9	5434	19	8234	21	10518	29	13881	36	17113	7
161	26	3087	34	5510	23	8296	45	10596	45	13910	45	17208	12
241	24	3131	41	5574	10	8497	47	10647	17	13956	23	17216	27
269	36	3151	13	5619	26	8511	31	10694	48	14005	30	17257	9
284	43	3339	3	5666	36	8565	43	10735	8	14126	14	17306	21
318	23	3561	10	5869	49	8656	17	10771	16	14157	27	17327	16
321	20	3660	20	5950	39	8691	37	10997	6	14337	18	17425	1
602	10	3692	13	6006	20	8710	29	11057	35	14375	18	17518	12
615	6	3831	44	6020	49	8991	21	11157	26	14454	18	17573	42
708	29	3860	22	6220	23	9020	13	11190	6	14679	38	17677	27
738	40	3947	22	6243	38	9067	6	11585	29	14857	2	18008	46
972	27	3990	7	6277	6	9103	2	12123	43	14920	27	18104	46
972	34	3997	16	6280	40	9164	29	12124	31	15076	27	18192	32
984	11	4004	11	6367	41	9237	22	12181	21	15077	10	18332	39
990	43	4023	7	6381	7	9241	18	12249	49	15078	23	18370	12
992	18	4044	34	6384	35	9321	22	12320	27	15080	11	18527	47
1025	25	4155	45	6491	14	9335	13	12348	20	15164	40	18653	25
1073	45	4162	15	6573	17	9344	41	12395	16	15165	47	18684	35
1184	26	4266	13	6685	7	9368	22	12551	9	15237	16	18722	29
1219	16	4319	35	6940	31	9383	30	12597	18	15293	40	18745	47
1272	15	4483	41	7070	34	9384	18	12967	44	15340	20	18745	48
1327	25	4559	48	7340	7	9387	28	13212	1	15390	16	18869	40
1476	2	4621	50	7410	41	9486	34	13221	50	15403	31	18942	29
1664	20	4672	38	7445	23	9598	3	13368	3	15459	38	19097	45
1689	34	4763	44	7465	16	9634	23	13422	45	15684	34	19107	20
1732	1	4768	10	7534	15	9657	24	13429	9	15716	44	19131	20
1930	3	4795	49	7667	38	9738	19	13576	17	15833	6	19256	20
2204	23	4812	31	7733	50	9760	33	13596	9	15959	2	19349	1
2225	6	4969	41	7850	40	9781	34	13629	11	16202	8	19519	22
2385	13	5009	25	7860	6	9782	1	13674	23	16506	17	19550	8
2547	43	5111	50	7863	12	9801	28	13681	25	16560	11	19566	4
2712	29	5157	26	8020	47	9817	46	13692	14	16608	25	19701	35
2743	1	5189	40	8072	50	9883	17	13734	20	16610	6	19741	50
2763	44	5329	2	8087	6	9986	8	13737	44	16640	14	19927	25
2815	20	5346	45	8129	29	10048	13	13777	30	16750	35	19949	16
2833	24												

Всего 300 выигрышей на сумму 600,000 рублей.

Таблица серий билетовъ 2-го внутренняго 50/0 съ выигрышами займа 1866 г., вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

нУМЕРА СЕРІЙ:

153	2918	4378	6810	9457	11086	13263	16818	19333
1008	2461	4432	6845	9506	11207	13411	16899	19485
1087	2524	4609	7077	9745	11411	13412	17019	19515
1870	2707	4705	7221	9932	11431	13687	17127	19557
1467	2935	4763	7278	10214	11441	14176	17174	
1561	3005	4816	7449	10242	11891	14786	17407	
1646	3273	5029	7806	10243	11997	15091	17532	
2071	3737	5193	7884	10407	12149	15251	17679	
2091	3810	5269	8819	10720	12463	15902	18661	
2097	3992	5887	8860	10775	12860	16680	19044	
2225	4067	5895	9347	10806	13000	16707	19212	

Всего 92 серіи, составляющія 4,600 билетовъ, на сумму 575,000 р.

Православные, Христоролюбивые благотворители святыхъ Божіихъ Церквей и иноческихъ обителей!

Въ Ковенской губерніи стоитъ уединенно, среди бѣдныхъ деревень, окруженный иновѣрцами, Сурдегскій, Свято-Духовскій монастырь. Поводомъ къ основанію монастыря на окраинѣ Россіи, среди лѣсовъ католической жмуди, было чудесное въ 1530 году явленіе падъ ключевымъ источникомъ чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы, названной Сурдегскою. Монастырь устроенъ въ 1550 г. Прошло три вѣка. Много пропеслось бурь надъ западною окраиною Россіи. Подъ предводительствомъ фанатическаго духовенства католическая Польша силилась уничтожить все, что было въ краѣ православнаго и русскаго: православныя святыни были оскверняемы, обгаряемы кровію православною и разрушаемы. Много перенесла тяжкихъ бѣдъ и напастей и Сурдегская иноческая обитель. Враги православія захватили монастырскія имѣнія, уничтоживъ планы ихъ, разорили монастырь, разгоняли монаховъ и православныхъ крестьянъ мытками обращали въ латинство. Есть преданіе, что было поплзновеніе со стороны латинянъ овладѣть и чудотворною иконою Богоматери: ее увезли изъ Сурдегъ въ Трашкунскій бернардинскій монастырь. Но, какъ утверждаетъ благочестивое преданіе, ликъ Богоматери на иконѣ, по внесеніи ея въ костель, сталъ невидимъ для народа, а похитителямъ свернуло челюсти. Бернардины съ торжественнымъ крестнымъ ходомъ возвратили святыню въ Сурдеги и это возвращеніе ознаменовалось чудесами. Чудеса милости къ людямъ Царицы Небесной продолжаются и до нынѣ.

Охраняемый благодатною помощію Пречистой, монастырь Сурдегскій не погибъ въ огнѣ вѣковыхъ бѣдствій, ни на одинъ день не измѣнилъ православію и самъ остался православнымъ и сохранилъ въ православіи ос-

тавшееся въ краѣ русское населеніе. Когда въ этомъ краѣ на сотни верстъ не было ни одной православной церкви, Сурдегскій монастырь съ его чудотворною святынею былъ для православныхъ путеводною звѣздою: онъ привлекалъ, утѣшалъ, подкрѣплялъ вѣру и воодушевлялъ мужество своихъ богомольцевъ. Онъ одинъ единилъ и роднилъ все русское, разсѣянное на большомъ пространствѣ, православное населеніе. Чудотворная Икона Пречистой, сія славою чудесъ и милостей, была оплотомъ православія. Она остается и въ наше время и привлекаетъ въ монастырь не только православныхъ, но и иновѣрцевъ.

Но эта обитель крайне пуждается. Многое пужно для ея устройства, а мѣстное православное населеніе и малочисленно и бѣдно. Грустно видѣть вѣковое убожество древней нашей святыни среди богатыхъ иновѣрныхъ храмовъ. Живымъ, скорбнымъ плачемъ раздается среди окружающихъ Сурдегскій монастырь лѣсовъ звонъ его колоколовъ и, какъ будто, слышится въ этомъ звонѣ плачь поколѣній, которыя легли костью, но не отдали своей святыни чужимъ и оставили ее намъ, какъ священное наслѣдіе давно-минуваго.

Православные! Помогите Сурдегскому монастырю посильнымъ пожертвованіемъ. Не умолкнетъ сердечная молитва о васъ и дѣтяхъ вашихъ предъ Чудотворною иконою Пречистой и привлечетъ вамъ Бя милость, помощь, защиту и утѣшеніе. Какъ молитвенно помпнаются уже три вѣка имена благодѣтелей его, такъ съ благословеніями будутъ помпнаться и наши имена. Придите же вашимъ христіюлюбивымъ сердцемъ на помощь святой обители и ея храмамъ.

Приношенія денежныя жертвователи благоволятъ адресовать на станцію Трашкуны, Ковенской губерніи, Вилькомирскаго уѣзда, а вещественныя, благоволятъ адресовать на станцію Субочъ Либаво-Ромейской желѣзной дороги, Игумену Сурдегскаго монастыря Серафиму съ братіею.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ НОВАЯ КНИГА

ПОДЪ ЗАГЛАВІЕМЪ

МЕТАФИЗИКА ВЪ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦІИ.

Соч. кн. Сергѣя Трубецкаго.

Москва. 1890. Цѣна 3 р. Складъ изданія у А. Лангъ, Кузнецкій мостъ, д. кн. Гагарина.

Вышія награды на послѣднихъ выставкахъ.

Ф А Б Р И К А

Сусального Червоннаго Золота, Серебра и Двойнику

ТОРГОВАГО ДОМА

Н. Гевлева и Л. Виноградова.

ТРЕБОВАНИЯ ИНОГОРОДНИХЪ ГГ. ЦЕРКОВНЫХЪ СТАРОСТЪ, ПОЗОЛОТЧИКОВЪ, ЗАВОДЧИКОВЪ ВОСКОВЫХЪ СВѢЧЕЙ И ДРУГИХЪ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ

ВЫПОЛНЯЮТСЯ НЕМЕДЛЕННО.

Прейсъ-Куранты высылаются бесплатно.

Въ Москвѣ: Ильинская, домъ Хлудова, близъ Бржи.

Въ КАЗАНИ у А. А. Дубровина (Гостинный дворъ) и въ ПЕТЕРБУРГѢ примагазинѣ Н. П. Карбасникова (Литейная, № 48) складъ слѣдующихъ сочиненій профессора Казанской академіи

А. В. ГУСЕВА:

1) Къ вопросу о происхожденіи человѣка (противъ дарвинистовъ). Цѣна 1 руб. 75 коп., а съ пересылкою два рубля.

2) Религіозность—основа и опора нравственности (противъ такъ называемыхъ автономистовъ). Цѣна 75 коп., а съ пересылкою 85 коп.

3) Необходимость внѣшняго богопочтенія (противъ Л. Н. Толстаго). Цѣна 30 коп., а съ пересылкою 35 коп.

ГОДИЧНОЕ ИЗДАНИЕ ЖУРНАЛА

„ВѢРА И РАЗУМЪ“

въ настоящемъ году по прежнему будетъ состоять изъ 24 №№ или полумѣсячныхъ книжекъ и будетъ раздѣляться на пять частей—съ особымъ счетомъ страницъ для каждой части. Первыя двѣ части составятся изъ церковнаго отдѣла, вторыя двѣ части—изъ философскаго отдѣла, а пятую часть составить собою „Листокъ для Харьковской епархіи“. Къ каждой части въ свое время будетъ приложенъ особый заглавный листъ, съ обозначеніемъ статей.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ» свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи года, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 10 к., за два раза 18 к., за три раза 24 к.

Редакторъ, Ректоръ Харьковской Духовной Семинаріи, Протоіерей Іоаннъ Кратировъ.